

ПЪСНИ БЕРАНЖЕ.

1810—1816.

За исключеніемъ переведенныхъ В. Курочкинымъ и др.

ПЕРЕВ. Н. ЛЕБЕДЕВЪ.

КІЕВЪ.

Типографія К. Н. Милевскаго, на Крещатикѣ, въ домѣ Биска.

1875.

ОПЕЧАТКИ,

КОТОРЫЯ ИЗДАТЕЛЬ ПРОСИТЬ ИСПРАВИТЬ РАНЬЕ НЕЖЕЛИ
ЧИТАТЬ КНИГУ:

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стран. Строк.

9.	3.	Къ губамъ и...	Къ губамъ ее...
11.	15.	Простякъ	Простакъ
12.	8.	Сомнѣвался а	Сомнѣвался я
18.	10.	отцевскимъ	отцовскимъ
23.	15.	Говорилъ я музамъ	Говорилъ я и музамъ
—	17.	эхомъ печальнымъ	эхомъ прощальнымъ
26.	10.	съ оживленьемъ	съ оживленіемъ
28.	15.	болтаютъ	болтаеть
—	16.	называютъ	называетъ
—	17.	порицаютъ,—	порицаеть,—
41.	7.	готовъ и кровь	готовъ я и кровь
49.	9.	утѣшенія	утѣшеніе
56.	2.	живя на землѣ...	пока не умремъ...
66.	9.	соглатиться,	согласиться,
74.	12.	мирахъ	мірахъ
138.	4.	обличеньѣ,	облаченьѣ,
139.	4.	древій	древній
141.	5.	Или не вѣрилъ	Иль будто не вѣрилъ
156.	3.	Лилей	Лилій
—	17.	Калидонскій	Каледонскій
165.	5.	терпѣнья	терпѣнія
—	9.	одобренья	одобренія
170.	12.	вина Лизеты.	вина и Лизеты.
179.	3.	И тутъ, если можно,	И тутъ, вы старайтесь,
182.	10.	Тривожить	Тревожить
184.	11.	не нравится?.. Общій	не нравится общій
232.	12.	<i>Строка пропущена.</i>	Кадите сплошь всѣмъ тѣмъ, ктобъ васъ не озарилъ...
241.	6.	Милюза	Мимоза
256.	16.	Даетъ	Дастъ
260.	7.	Бытъ	Быть
264.	4.	мильй	мирный

ОПЕЧАТКИ,

которыя издатель просить исправить ранѣ нежели
читать книгу.

	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
Стран. Строк.		
9	3 Къ губамъ я...	Къ губамъ ее...
23	15 Говорилъ я музамъ	Говорилъ я и музамъ
—	17 эхомъ печальнымъ	эхомъ прощальнымъ
26	10 съ оживленьемъ	съ оживленіемъ
41	7 готовъ и кровь	готовъ я и кровь
138	4 обличеньѣ,	облаченьѣ,
141	5 Или не вѣрилъ	Иль будто не вѣрилъ
165	5 терпѣнья	терпѣнія
—	9 одобренья...	одобренія...
170	12 вина Лизеты.	вина и Лизеты.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Отъ Переводчика	
Посвященіе	1
Царь Горохъ	4
Вакханка	8
Академія и погребокъ	10
Стишки	14
Бѣдняга-чудодѣй	18
Rapny	22
Жизнь и Смерть	25
Простушка	28
Да будетъ такъ!	33
Трактирщица	36
Карль VII	40
Мои волосы	43
Бѣднымъ труженикамъ	46
Сомествіе въ адъ.	51
Игра въ уголки	61
Будущее	64
Старый холостякъ	68
Общій другъ	71
Галлы и Франки	76
Невиность въ юбкѣ	81
Палочка арлекина	84
Двойное опьяненіе	88
Путешествіе въ область мечты	91
Жизненный путь	97

	стр.
Музыка	99
Гастрономамъ	103
Мая чуть ли не послѣдняя пѣсня	106
Похвальное слово каплунамъ	109
Истѣй французъ	114
Пиръ горой	118
Родительская суббота	125
Челобитная	128
Все для любви	132
Старья платья, старые галуны	134
Новый Діогенъ	139
Школьный учитель	145
Холостякъ	148
Кошка	151
Молитва Эпикурейца	154
Прощанье Маріи Стюартъ	155
Парки	158
Украденная бутылка	161
Букетъ	164
Порядочный человѣкъ	167
Вино и любовь	170
Сосѣдъ	173
Старость	177
Похоронные билеты	180
Похвальное слово богатству	183
Узница и рыцарь	187
Куклы	190
Курьёзы	193
Докторъ и его больные	196
Антуану Арно	199
По колѣно море	202

	СТР.
Романы	206
Урокъ политики	208
Разсужденіе барышень	211
Придворное платье	215
Ни слова о политикѣ	219
Марго	222
Моему другу Desaugiers	226
Мужикъ	230
Старый скрипачъ	233
Жалоба изъ полусвѣта	237
Зима	240
Моя республика	244
Моя душа	247
Шарантонскій Судья	251
Поля	255
Предисловіе 1825 г.	259
Мой уголокъ	262
О, какъ она хороша и прелестна	265
Гаданье	268
Дочери	271
Молодому поколѣнію	274
Счастье	275
Старый бродяга	280
Прощаніе съ друзьями	283
Замѣтки Беранже	285

Béranger, Pierre Jean de
" Pjesni Berauzhe

ПѢСНИ БЕРАНЖЕ.

"

1810—1816.

За исключеніемъ переведенныхъ В. Курочкинымъ и др.

ПЕРЕВ. Н. ЛЕБЕДЕВЪ.

КІЕВЪ.

Типографія К. Н. Милевскаго, на Крещатикѣ, въ домѣ Биска.

1874.

PQ2195
.A57L4
1874

Дозволено цензурою, Кієвъ, 11 Сентября 1874 года.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Le peuple c'est ma muse.

Mes chansons c'est moi.

(Предисловіе 1833. Беранже.)

Вотъ самая короткая и самая вѣрная алгебраическая формула, выражающая, словами самого же Беранже, духъ и направленіе его поэзіи. Поступая съ этими строками какъ съ уравненіемъ, мы получимъ совершенно тождественный выводъ его собственному признанію: „Quant au peuple, dont je ne me suis jamais séparé...“ высказанному въ томъ же предисловіи къ изданію 1833 г. Какъ другъ народа, какъ олицетвореніе его нуждъ и стремленій, какъ народный поэтъ, наконецъ, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, Беранже давно уже знакомъ образованной публикѣ, и мы думаемъ, что переводъ его сочиненій обогатитъ каждую литературу, ведущую за собою массы къ самопознанію. Миссія Беранже,—есть миссія всѣхъ, и его поэзія—есть достояніе cadaго. Вотъ почему переводъ его пѣсень мы рѣшаемся посвятить русской публикѣ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

1805 г.

Друзья! эту книгу я вамъ посвящаю,
Хотя ея звуки веселые, знаю,
 Въ забвеньи печальномъ умрутъ,
Но все это вздоръ; и я славы желаю
Безсмертной лишь вамъ,—а за ней ожидаю
 И пѣсни мои оживутъ.

Вѣдь всѣ онѣ, сколько я помню, родились,
Когда мы со счастьемъ и съ жизнью дружились
 Безпечной, веселой порой;
Безуміе ль, глупость ли то,—неизвѣстно,
Но прошлое счастье связывать тѣсно
 Привыкли мы съ пѣснью родной.

Пусть тѣ, что приличіемъ все измѣряютъ,
И пѣсни, какъ мухъ, отъ себя отгоняютъ,
Въ своемъ заблужденіи живутъ;
Мы будемъ пѣть вѣчно,—и время сѣдое
Чело прояснить, услыхавъ про былое,—
Про что наши пѣсни поютъ.

Вся жизнь есть, не больше, какъ долгое дѣтство,
Которой надежда есть главное средство,
Питая насъ всѣхъ какъ дѣтей;
Когда жизнь игрушки какой насъ лишаетъ,
И мы раскричимся,—она утѣшаетъ
Веселою пѣснью своей.

Мы всѣ, коихъ дружба такъ тѣсно связала,
И въ жизни уроки свои намъ давала,
Не будемъ пѣть пѣсенъ иныхъ,—
Вѣдь голосъ печали, любви, утѣшенья,
Мѣшается вѣчно, въ часы развлеченья,
Со звуками пѣсенъ родныхъ.

Ахъ, если прійдется мнѣ прежде скончаться,
И съ вами на часъ въ этой жизни разстаться,

Прошу мнѣ рѣчей не читать,---
И если за прахомъ пойдете толпою,
Не стоны и плачь,—а должны надо мною
Веселыя пѣсни звучать.

ЦАРЬ ГОРОХЪ.

(Le roi d'Yvetot.)

Май 1813.

Жиль былъ, ужъ давно, царь Горохъ, я слыхаль,
Въ исторіи имя его не извѣстно,
Онъ рано ложился и поздно вставалъ,
Объ славѣ не думалъ, и—спаль пречудесно;
И былъ коронованъ не царскимъ вѣнцомъ,
А первой любви посвященнымъ трудомъ,—
Ночнымъ колпакомъ...
А-га! Э-ге, ге! Ахъ, ахъ, ахъ; охъ, охъ, охъ...
Таковъ то былъ Царь, по прозванью Горохъ,
Великій Горохъ!

Трапезы свои каждый день онъ справлялъ,
 Дворцомъ представляя шалашъ свой убогій,
 И все королевство свое объѣзжалъ,
 Верхомъ, шагъ за шагомъ, на клячѣ безногой,
 Веселый, доврчивый, юный душой,—
 Онъ царство свое сторожилъ лишь одной
 Собакой цѣпной...
 А-га! Э-ге, ге! Ахъ, ахъ, ахъ; охъ, охъ охъ...
 Таковъ то былъ царь, по прозванью Горохъ,
 Великій Горохъ!

Привычекъ дурныхъ онъ совсѣмъ не имѣлъ,—
 Любилъ только выпить... и то для народа
 Казаться веселымъ онъ больше хотѣлъ,
 Чтобъ тотъ былъ такъ веселъ,—какъ самъ
 воевода...
 И сидя одинъ за трапезнымъ столомъ,
 Смотрѣлъ какъ на дань на горшки онъ кругомъ
 Съ различнымъ добромъ...
 А-га! Э-ге, ге! Ахъ, ахъ, ахъ; охъ, охъ, охъ...
 Таковъ то былъ царь, по прозванью Горохъ,
 Великій Горохъ!

Дѣвицы почтенныхъ отцовъ... матерей...

Любили его безъ ума, уважали...

Въ присутствіи даже стороннихъ людей,

Ласкаясь, папашей его называли...

А онъ, чтобы совѣсть очистить, давалъ

Святые обѣты, посты соблюдалъ,

Молитвы читалъ...

А-га! Э-ге, ге! Ахъ, ахъ, ахъ; охъ, охъ, охъ...

Таковъ-то былъ царь, по прозванью Горохъ,

Великій Горохъ!

Не распространялъ онъ границъ и морей,

Не зная съ сосѣдями вѣкъ столеновенья,

Примѣромъ онъ былъ для сосѣднихъ царей,—

Взявъ въ жизни за цѣль лишь однонаслажденье.

Его всѣ любили, народъ обожалъ,

И умеръ когда,—его прахъ провожалъ,

И горько рыдалъ...

А-га! Э-ге, ге! Ахъ, ахъ, ахъ; охъ, охъ, охъ...

Таковъ-то былъ царь, по прозванью Горохъ,

Великій Горохъ!

До нынѣ еще сохранился по немъ

Достойнѣйшій памятникъ, въ округѣ этомъ,—

Надъ самымъ любимымъ его кабакомъ,

Повѣшена вывѣска съ царскимъ портретомъ,

И въ праздникъ, когда неутѣшный народъ,

Подъ вывѣской этой зѣло подопьеть,

То громко ореть:

А-га! Э-ге, ге! Ахъ, ахъ, ахъ; охъ, охъ, охъ...

Да здравствуетъ царь, по прозванью Горохъ,

Великій Горохъ!

В А К Х А Н Н А.

(La Bacchante).

Мой милый, я больше... не въ силахъ...

Въ желаньяхъ тебѣ отказать:

Давай же въ безумныхъ порывахъ

Любви, наслажденья искать.

Налей мнѣ; я выпью въ честь милой,

Которую будешь ты... смѣть...

И ты пей, что бѣ мнѣ не краснѣть,

Коль ты сохранишь свои силы.

Смотри, какъ огонь ужъ сверкаетъ

Въ глазахъ у меня, а съ волосъ—

Цвѣтоѣ за цвѣткомъ опадаетъ,

На ложѣ, съ расплетшихся косъ.

О боги! бокаль чуть держу я,
 Въ груди моей жарь... о, возьми...
 Къ губамъ и... крѣпче прижми...
 Подъ пѣной вина вся дрожу я.

Вина мнѣ! Къ чему всѣ наряды
 Среди поцѣлуевъ твоихъ
 И прелестей голыхъ Наяды,—
 О, милый, сорви съ меня ихъ.
 Прижмись, еще лучше намъ станетъ...
 Я больше тебя не стыжусь,—
 Во мнѣ жизнь растетъ... я боюсь,
 Что жизни въ тебѣ не достанетъ.

Въ объятія мои о, прійди ты!..
 Но... жарь твой потухъ... ты не пей...
 И нектаръ любви сохрани ты,
 Ужь лучше для страсти моей:
 Чтобъ въ случаѣ если уснула
 Въ тебѣ уже страсть, такъ и мнѣ
 Свою потушить въ томъ винѣ,
 Откуда ее почерпнула!..

ДОБРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

(Le Sénateur).

1813.

Перев. В. Курочкинъ.

АКАДЕМІЯ и ПОГРЕБОКЪ.

(L'académie et le caveau).

1813.

Обманули меня; я хотѣлъ постучаться
Мимоходомъ въ знакомый пивной погребокъ,
Остряки мнѣ сказали, что здѣсь собираться
Можетъ лишь академикомъ только кружокъ.
Я вхожу, и что жъ вижу: за доброй бутылкой
Своихъ добрыхъ друзей и веселыхъ гулякъ...
«Ба, садитесь!» сказали мнѣ съ радостью пылкой...
Э, подумалъ я, нѣтъ въ академіи вовсе не такъ.
Нѣтъ, въ академіи вовсе не такъ.

Въ академію мѣсяць я цѣлый таскался,
 Голоса чтобъ оспаривать этихъ друзей,—
 Голосъ мой какъ въ пустынь безплодной терялся,
 Передъ лестью любви и богатству людей...

А теперь, тѣ же люди у входа встрѣчаютъ,
 Въ честь мою поднимаетъ бокаль изъ нихъ всякъ,

И интрига межъ нами сама умираетъ...

Вотъ какъ, думалъ я, нѣтъ, въ академіи вовсе не такъ;

Нѣтъ, въ академіи вовсе не такъ.

Думалъ, я что откашлявшись важно и чинно,

Мнѣ прійдется имъ въ рѣчи любезной сказать:

«Господа, вы мнѣ сдѣлали честь... я невинно

Заслужилъ... я не стою честь эту принять...

Или въ этомъ же что нибудь духъ и родъ...

Но напрасно я ждалъ и пугался, простякъ,—

Геніальность и умъ были въ меньшей здѣсь модѣ...

И я думалъ все: нѣтъ, въ академіи вовсе не такъ;

Нѣтъ, въ академіи вовсе не такъ.

Думалъ также я здѣсь увидать президента,

И зевнуть, когда будетъ онъ рѣчь говорить,

Что, молъ, въ немъ можемъ мы потерять оппонента.
 Лжеученіямъ, стоитъ ли денегъ на это щадить...
 Но—я вижу, что здѣсь президентъ простой смертный,
 Свои рѣчи лишь въ пѣсняхъ проводить... кой какъ...
 Не чинясь... и слогъ пѣсень совсѣмъ не десертный...
 Отъ чегожъ думалъ я, въ академіи вовсе не такъ?
 Нѣтъ, въ академіи вовсе не такъ.

Сомнѣвался а также, что буду ль способенъ
 Воспринять духъ собранія этихъ людей,
 Здравый смыслъ въ духѣ коего такъ неподобенъ,
 А въ рѣчахъ—нѣтъ и признака здравыхъ идей...
 Между тѣмъ я нашелъ между ними взаимность...
 Духъ единый въ весельи, безъ преній и вракъ,—
 А въ свободѣ ихъ мыслей—большую интимность...
 Такъ что думалъ я: нѣтъ въ академіи вовсе не такъ,
 Нѣтъ, въ академіи вовсе не такъ.

И понятъе себѣ я такое составилъ,
 Что не кресло ученое здѣшній мой стулъ;
 Тотъ пріютъ полюбивъ отъ души, я прославилъ.

Его искренній смѣхъ и веселый разгулъ;

Гдѣ у входа встрѣчаетъ не зависть и служба,

А прочесть бы слова надъ дверями могъ всякъ:

„Добродушіе, радость, веселье и дружба!“

Ахъ, зачѣмъ же у насъ въ академіи вовсе не такъ?

Нѣтъ, въ академіи вовсе не такъ.

СТИШКИ.

(La gaudriole.)

Богъ Момусъ школьныхъ рифмачей
Въ сотрудники беретъ
Отъ ихъ стиховъ простыхъ людей
По кожѣ дрожь деретъ!
Въ изгнаны пѣсня и свирѣль,
И весь народъ поетъ теперь
Колле стишки,
Скандальные
Стишки.

Я самъ повѣса изъ повѣсъ,
Писать въ томъ родѣ сталь,—
Въ моихъ стихахъ давно съ небесъ

Олимпъ весь поскакаль
И какъ Тартюфъ, я вамъ спою
Кой что про бабушку мою,—
Одни стишки,
Скандальные
Стишки.

Ее лѣтъ въ десять молодой
Учитель занималь;
Потомъ монаховъ цѣлый рой
Дѣвчонку *обожалъ*...
Когда жъ пришлось ей умирать,
Ксендзу хотѣла рассказать
Одни стишки,
Скандальные
Стишки.

То былъ вѣкъ регентства. Когда,
Кто Францію лишь зналъ,
Но людямъ жившимъ въ ней тогда,
Безумной называлъ:

Въ мужчинахъ честь была стыдомъ,
А дамамъ было ни по чемъ,

Попасть въ стишки,

Скандальные

Стишки.

Теперь, когда не тотъ пароль,

Дымъ славы-ль обуяль,

Иль сдѣлала то жизни соль,—

Но смѣхъ у насъ пропалъ.

Теперь, когда намъ скучно жить,

Насъ могутъ лишь развеселить

Одни стишки,

Скандальные

Стишки.

Ханжи, готовыя отдать

Безъ крика честь и... суть...

Краснѣть вамъ вовсе не подѣ стать

Отъ словъ какихъ нибудь.

Пускай болтають,—чѣмъ пошлѣй

Какая пошлость, тѣмъ милѣй

Читать стишки,

Скандальные

Стишки.

БѢДНЯГА—ЧУДОДѢЙ.

(Roger Bontemps.)

Январь 1814.

Въ примѣръ всѣмъ горемыкамъ,
Представлю чудака,—
Бѣдняга хоть шить лыкомъ,
Но смотритъ свысока...
Живя своимъ капризомъ,
Не любить онъ затѣй...
Эхъ-ма! вотъ что девизомъ
Считаетъ чудодѣй.

Главу онъ прикрываетъ
Отцевскимъ картузомъ,

И въ праздниѣ украшаетъ
Какимъ нибудь цвѣткомъ.
Но—въ будни, и въ парады
Все въ блузѣ онъ своей...
Эхъ-ма! вотъ всѣ наряды,
Что носить чудодѣй,

Въ квартирѣ столъ лишь старый,
Кровать на трехъ ногахъ,
Колода картъ съ гитарой,
И кружка для... всѣхъ благъ..
Портретъ души влеченья,
И шкафчикъ... безъ вещей...
Эхъ-ма! вотъ все имѣнье,
Богатъ чѣмъ чудодѣй.

Онъ членомъ непремѣннымъ
Въ забавахъ для дѣтей;
Разказчикомъ отмѣннымъ
Скабрезныхъ повѣстей...
Танцуетъ на всѣ руки,
А въ пѣсенкахъ—Орфей!

Р А Р Н У.

Говорилъ я сынамъ Эпикура:

„Воскресите вы пѣснью своей

„Жизнь Парни, какъ живая натура

„Его музы будила людей“...

Но ихъ пѣсни лишь пѣли грусть міру,

И слагались въ плачевный куплетъ:

Да; Парни уже нѣтъ,—

Умеръ онъ; смерть похитила лиру,

И Парни уже нѣтъ!

Говорилъ я всѣмъ граціямъ нѣжнымъ:

„Онъ вамъ славой обязанъ своей,—

„Въ мертвомъ—станомъ своимъ бѣлоснѣжнымъ,

„Поднимите вы бурю страстей“...

Но онѣ лишь вздыхая кумиру
 Посылали свой страстный привѣтъ:
 Нѣтъ; Парни уже нѣтъ,—
 Умеръ онъ; смерть похитила лиру,
 И Парни уже нѣтъ!

Говорилъ я богамъ олимпійскимъ:
 „Возвратите его вы годамъ
 „Тѣ цвѣты, кои дѣвамъ лесбійскимъ,
 „Во дни оны, бросалъ онъ къ ногамъ“...
 Но въ слезахъ боги всѣ обратились къ Сатиру,—
 Тотъ безстрастный на то далъ отвѣтъ,—
 Что Парни уже нѣтъ,—
 Умеръ онъ; смерть похитила лиру,
 И Парни уже нѣтъ!

Говорилъ я музамъ печальнымъ:
 „Бросьте память недавнихъ утратъ, *)
 „И запойте,—чтобъ эхомъ печальнымъ
 „Насъ плѣнить,—плѣсни ихъ воскресятъ“...

*) Намекъ на смерть Lebrun'a, Delill'a, Bernardin de Saint—
 Pierre'a, Gritry и др.

Но чу! эхо разноситъ лишь міру
Поэтическій этотъ нашъ бредъ...

Чу! Парни уже нѣтъ,--
Умеръ онъ; смерть похитила лиру,
И Парни уже нѣтъ!

Его нѣтъ; но и зависть ужь знаетъ,
Что нельзя его трудъ помрачить,— *)
Онъ безсмертенъ когда умираетъ...
И всѣ боги хотятъ запретить,
Чтобы ненависть, вредная міру,
Свой нарушила грозный обѣтъ,—
Вѣдь Парни уже нѣтъ,—
Умеръ онъ; смерть похитила лиру,
И Парни уже нѣтъ!

*¹ Намекъ на оскорбленія нанесенныя памяти автора „Querre des Dieux.“

БАБУШКА.

(Ma grand' mère).

Перев. В. Курочкинъ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

(Le mort vivant).

1811.

Когда грусть наморщить чело у меня—

Молитесь, я умеръ друзья!

Но если жъ веселье меня обступаетъ,

И радостью душу мою наполняетъ,

Съ друзьями—живехонекъ я!

Глупецъ отворяетъ сундукъ для меня,—

Къ чему мнѣ? я умеръ друзья!

Но если жъ бутылки кто мнѣ открываетъ,

И страсть въ мою душу по каплѣ вливаетъ,

Сейчасъ же живехонецъ я!

Вопросъ ли рѣшаютъ въ судьбѣ короля

Войною,—я умеръ друзья!

Когда же съ винахъ вопросъ поднимаютъ,

Пускай хоть войною и бранью рѣшаютъ,—

Слѣжу съ оживленьемъ я.

Пошлютъ ли съ врагами сражаться меня,—

Умру я,—молитесь друзья!

Но еслибъ пришлось мнѣ быть рыцеремъ дамскимъ,

И послѣ заить брань за ширмой шампанскимъ,

О, былъ бы живехонецъ я!

Какъ только кто геніемъ славить себя,—

Молитесь,—я умеръ друзья!

Нашъ геній въ стаканы вино наливаетъ,

Причемъ намъ куплеты къ вину сочиняеть,—

Хоть пьянь,—но живехонекъ я.

Ханжа-ль говоритъ мнѣ объ вѣрѣ, но я...

Я сплю, словно мертвый друзья!

Но вѣры горячей потребуеть дружба,—

Нашъ храмъ будетъ погребъ, а пѣснь—наша служба,

Той вѣрой живехонекъ я.

Какъ нѣтъ отъ всеильныхъ свободѣ житья,—

Молитесь,—я умеръ друзья!

Но если жъ въ то время какъ дружно мы пьемъ,

Свобода впорхнетъ хоть ночнымъ мотылькомъ,

О, съ нею—живехонекъ я.

Когда меня въ море уносить ладья

Не выпивъ,—я умеръ друзья!

Но видя себя на родныхъ берегахъ,

Бросающимъ якорь съ стаканомъ въ рукахъ,

Хоть въ бурю,—живехонекъ я.

ВЕСНА И ОСЕНЬ.
(Le printemps et l'automne).

Перев. В. Курочкинъ.

~~~~~  
**СЛѢПАЯ МАТЬ.**  
(La mère aveugle).

Перев. В. Курочкинъ.

~~~~~  
КАКЪ ЯБЛОЧКО РУМЯНЪ.
(Le petit homme gris).

Перев. В. Курочкинъ.

~~~~~
ПРОСТУШКА.
(La bonne fille.)
Изъ современныхъ нравовъ.

1811.

Я знаю, что свѣтъ про меня говоритъ

И много болтають:

Мое поведенъе дурнымъ называютъ,

Безпечность, веселость мою порицають,—

Но этотъ идетъ ко мнѣ видѣ...
 Въ душѣ философа—я все презираю
 И мало вниманья на то обращаю,—
 Ей Богу, меня все на свѣтѣ смѣшить.

Такъ, вздумалось мнѣ, работа летитъ,
 Въ театръ поступаю;
 Но—чтобъ обезпечить успѣхъ, подкупаю
 Я критика честью своей... ожидаю,
 Что онъ для меня хоть смолчить....
 Но чтоже, мерзавецъ, я послѣ узнала,
 Что онъ написалъ, что я дурно играла....
 Но, впрочемъ, меня это только смѣшить.

Тутъ графъ подвернулся: старикъ, іезуитъ,
 Большой волокита,
 Онъ мнѣ предоставилъ, за честь фаворита,
 Огромныя средства и... ласки пурита...
 Но, дура я, весь свой кредитъ
 На стараго друга почти уложила,
 И—тамъ не поймала, а здѣсь упустила....
 А впрочемъ, меня это только смѣшить.

Потомъ камергеръ былъ: шикарь, сибарить,
 Фать самый пустѣйшій,
 Онъ, разъ, меня ввелъ въ будуаръ богатѣйшій
 И, чтобъ наградить за пассажъ мой нѣжнѣйшій,
 Кольцо съ брилліантомъ дарить.
 Я послѣ снесла въ магазинъ, мнѣ сказали,
 Что камень фальшивый, да такъ и не взяли...
 А впрочемъ, меня это только смѣшить.

Съ ученымъ связалась: бѣднякъ былъ убить—
 Трудомъ,—накормила,
 Одѣла, обула и... спать уложила...
 Потомъ въ министерство его помѣстила,—
 Теперь президентомъ сидить,
 Двумя голосами дѣла всѣ рѣшаетъ,
 А въ спальнѣ, бывало, послѣдній теряетъ...
 Ей Богу, меня это очень смѣшить.

Затѣмъ, познакомилась, Богъ мнѣ простить,
 Съ студентомъ—мальчишкой;

Онъ все приставаля ко мнѣ съ нѣжной стра-
тишкой,

Желая меня осчастливить... сынишкой...

Ну, и... какъ преданье гласить,

Добился, негодный, но—только случилось,

Что ихъ не одинъ, а вдругъ двое родилось...

А впрочемъ, меня это только смѣшить.

А то, какъ-то разъ, пусть ужъ свѣтъ извинить,

Меня затащили

Три аудитора къ себѣ... напоили...

Раздѣли до нитки... потомъ положили...

И... тутъ ужъ преданье молчить...

Виномъ они послѣ меня всю облили...

И съ тѣмъ провіантомъ домой отпустили...

А впрочемъ, и это меня лишь смѣшить.

Такъ вотъ моя жизнь,—въ ней и мудрость грѣшить,

И можетъ споткнуться...

Намъ, женщинамъ бѣднымъ, легко поскольз-
нуться,

Запутаться въ юбкахъ, упасть... не очнуться,—

Насъ Богъ только видно хранить.

Я въ этомъ лишь вижу какъ бы исключенье,

Ужъ если есть свыше предопредѣленье—

Упасть—упадешь; что меня и смѣшить.

ДА БУДЕТЬ ТАКЪ!

(Ainsi soit-il.)

1812.

Я чародѣй, мои друзья,
И будущность открыта еся
Моимъ глазамъ, и—на вѣрнякъ,
Все будетъ такъ!

Поэтъ не будетъ ужъ льстецомъ,
Чиновникъ—нравственнымъ скопцомъ,
Льстецу—повѣритъ лишь дуракъ.....
Да, будетъ такъ!

Не будетъ ужъ ростовщиковъ,
Банкировъ—денежныхъ тузовъ,

Приказчиковъ—воровъ, гулякъ...

Да, будетъ такъ!

Не будетъ дружба у людей

Лишь въ счастьѣ только, а скорѣй

Въ несчастьѣ будетъ другомъ всякъ...

Да, будетъ такъ!

Монахиня въ пятнадцать лѣтъ,—

Въ восемнадцать—сбросить свой обѣтъ,

И съ милымъ вступить въ тѣсный бракъ...

Да, будетъ такъ!

Не станеть женщинъ занимать

Одинъ нарядъ; ихъ оставлять

Мужья рѣшатся безъ... собакъ...

Да, будетъ такъ!

Писатели начнутъ писать

Полезное, и бросятъ вратъ,

Оставя шутовской колпакъ...

Да, будетъ такъ!

Забудеть пошлости актеръ,
И вспомнить критикъ—щелкоперъ,
Что критика не есть кабакъ...

Да, будетъ такъ!

Безсмертныхъ глупость осмѣютъ, *)
А умныхъ—смертныхъ вознесутъ,
Укажетъ совѣсть на то какъ...

Да, будетъ такъ!

Настанетъ время, что прійдетъ
Опять въ міръ правда, и блеснетъ
Лучь справедливости чрезъ мракъ...

Да, будетъ такъ!

Но—это все произойдетъ,
Въ году три тысячи... пятьсотъ...
Шестьсотъ... семьсотъ.. Но такъ иль сякъ—
А будетъ такъ!

---

*) Намекъ на членовъ французской академіи.

Б А Р Ы Ш Н И.

(L'education des demoiselles).

Перев. В. Курочкинъ.

Т Р А К Т И Р Щ И Ц А.

(Madame Grégoire).

Въ дни оны, когда еще было
Лѣтъ двадцать мнѣ, помню здѣсь стала блистать
Трактирщица. Къ ней заходило
Довольно народу—попѣть, погулять...
Она всѣхъ собой привлекала,
Кой что... кой кому позволяла,...
И помню, изъ насъ не одинъ тамъ имѣлъ
Кредитъ на клубничку... которую ѣлъ.,.
Эхъ, часто, бывало, ходили
Въ трактиръ къ ней, гдѣ... пѣли и пили.,.

Вдова отъ... какого-то мужа,
Его лишь она вспоминала всегда,
Изъ насъ же никто, и—кому же?
Не помнилъ его, и не знать никогда;
Но всякъ между тѣмъ ей старался
Его замѣнить... и смѣялся
Улыбкой лукавой, какъ если кума
Кому подносила стаканъ вдругъ сама...
Эхъ, часто мы къ ней заходили
Въ трактиръ, гдѣ все... пѣли и пили...

И—я иногда представляю,
Теперь еще, громкѣй до слезъ ея смѣхъ,
И будто сейчасъ ощущаю
Рукой полноту ея прелестей всѣхъ...
Объ нихъ и тогда разсуждали,
Да даже, кой-что и... держали...
За то, за прилавкомъ, какъ съ крупныхъ сдавать,
Она ужъ помельче старалась мѣнять...
А все таки часто ходили
Въ трактиръ къ ней, гдѣ... пѣли и пили.

Супруги гулякъ все старались
 Поссорить мужей за нее межъ собой,—
 И видѣль не разъ я пакъ дрались,
 Поклонники сердца вдовы молодой,—
 Межъ тѣмъ сама *ревность* врывалась,
 Какъ стража, къ *любви* и—старалась
 Виновныхъ супруговъ у ней отыскать,
 Любовь же—ихъ прятала всѣхъ подъ кровать,
 И—жены ни съ чѣмъ уходили...
 А тѣ себѣ... пѣли и пили.

Когда жъ, наконецъ, улыбнулось
 И мнѣ въ свою очередь, счастье у ней,—
 Вдова для меня развернулась,—
 А я—пиръ за пиромъ открылъ для друзей...
 Я былъ не ревнивъ, и съ друзьями
 Дѣлился своими правами...
 Она жъ—когда нужно другихъ ей принять,
 Старалась къ служанкѣ насъ всѣхъ отсылать...
 Къ служанкѣ мы всѣ уходили,
 У ней же другіе тамъ... пили.

Но—жизнь утѣкла, измѣнилась,—
Вина не имѣя на что ужъ купить,
Трактирщица тоже простилась
Съ торговлей... а съ ней и друзья перестали ходить..
И часто теперь я вздыхаю,
Какъ погребъ ея вспоминаю
И прелести... Ихъ будетъ вѣчно хранить
Изъ насъ каждый въ сердцѣ, и—всѣмъ говорить:
Какъ часто мы къ ней заходили,
И—тамъ... того... пѣли и пили...

КАРЛЪ VII.

(Charles sept).

Я буду сражаться,—Агнеса желаетъ...
Прощай мой покой, удовольствія, дворъ...
Солдаты! мой Богъ и любовь позволяютъ
Съ короны мнѣ смыть, наконецъ, свой позоръ.
Пусть имя красавицы будетъ могилой
Врагамъ, и пусть ужасъ въ ряды ихъ внесетъ...
Я честь позабылъ возлѣ ногъ своей милой,
Она жъ мнѣ за честь теперь все отдаетъ.

Не чую бѣды среди жизни придворной,
Я думалъ, что Франція также живетъ,
И—отдалъ врагамъ я, добычей безспорной,

Корону, свой тронъ и свой жалкій народъ.

Но—слово ея... одно слово покрыло

Мнѣ краской лицо все, которая жжетъ...

Я честь позабылъ возлѣ ногъ своей милой,

Она жъ мнѣ за честь теперь все отдаетъ.

Ужь если нужна моя кровь для побѣды,

Агнеса! готовъ и кровь всю пролить;

А нѣтъ, то для славы своей и для Леды,

Твой Карлъ—громовержець останется жить.

Мнѣ имя твое будетъ знаменемъ, силой,

И много побѣдъ надъ врагомъ принесетъ...

Я честь позабылъ возлѣ ногъ своей милой,

Она жъ мнѣ за честь теперь все отдаетъ.

Французы! вашъ умъ, ваше мужество, геній,

Намъ могутъ тотъ доблестный день даровать,

Когда я вѣнкомъ ста побѣдъ и сраженій

Агнесу, красавицу, буду вѣнчать.

И буду обязанъ я славой и силой,
Вы жь—счастиемъ той, чья звѣзда мнѣ блеситъ...
Какъ прежде я честь позабылъ у ногъ милой.
Теперь же, ту честь она намъ возвратитъ.

МОИ ВОЛОСЫ.

(Mes cheveux).

Друзья, позвольте мнѣ, апостолу веселья,
Вамъ проповѣдь свою изъ опыта сказать:
Старайтесь вы судьбы капризное похмѣлье
Спокойствіемъ души, свободой умѣрять.
Богатству и чинамъ всегда предпочитайте
Досугъ, который бы вамъ счастье принесъ...
Вотъ мнѣніе мое, изъ опыта; но—знайте,
Что эта опытность мнѣ стоила волосъ.

Друзья, хотите-ль вы чтобъ нѣсколько мгновений
Чистѣйшей радостью, весельемъ озарить?
Немного выпейте! въ винѣ вы рядъ сомнѣній,

Печаль и прихоти всѣ можете топить.

Большими волнами изъ рюмокъ вы глотайте

Лишь радости однѣ, не зная горькихъ слезъ...

Вотъ мнѣніе мое, изъ опыта; но—знайте,

Что эта опытность мнѣ стоила волосъ.

Друзья, для счастья пить и только лишь смѣяться,

Еще не много вѣдь, и надобно любить...

Пусть красота манитъ васъ всѣхъ ей поклоняться,—

Въ объятіяхъ всю жизнь старайтесь потопить

Здоровье, молодость, богатство... все отдайте

Вы въ жертву силамъ лѣтъ и юношескихъ

грезъ...

Вотъ мнѣніе мое, изъ опыта; но—знайте,

Что эта опытность мнѣ стоила волосъ.

Друзья, изъ зависти, иль такъ, изъ увлеченья,

Расходуемъ мы страсть напрасно и чрезъ край,

И размѣнявъ всю жизнь на сладкія мгновенья,

Не бойтесь отцвѣсти въ короткій жизни Май.

Восторги всё свои, друзья, вы покупайте
Цѣною позднихъ чувствъ, негрѣющихъ въ
морозъ...

Вотъ мнѣніе мое, изъ опыта, но—знайте,
Что эта опытность мнѣ стоила волосъ.

БѢДНЫМЪ ТРУЖЕННИКАМЪ.

(Les Gueux).

1813.

Всѣ неимущіе—

Трудолюбивые,—

Люди счастливые,

И всемогущіе!

Слава трудящейся бѣдности

И ея вѣрнымъ сынамъ.

Время разсудку и честности

Стать на защиту рабамъ.

Всѣ неимущіе—

Трудолюбивые,—

Люди счастливые,
И всемогущіе!

Счастье за бѣдностью слѣдуетъ
Въ нѣдры ея бытія,—
Такъ и Христосъ проповѣдуетъ;
Въ томъ же примѣръ вамъ и я.

Всѣ неимущіе—
Трудолюбивые,—
Люди счастливые,
И всемогущіе!

Вѣдь и Парнасъ героическій
Былъ знаменитъ нищетой,
И у Гомера—классическій
Видимъ мы посохъ съ сумой.

Всѣ неимущіе—
Трудолюбивые,—
Люди счастливые,
И всемогущіе!

Бѣдные, если вы знали бы
 Сколько вельможъ навѣрнякъ,
 Тѣсный сапогъ промѣняли бы
 На деревянный башмакъ.

Всѣ неимущіе—
 Трудолюбивые,—
 Люди счастливые,
 И всемогущіе!

Чванство блеститъ для несчастнаго,
 Счастьемъ жъ оно въ видѣ тучъ,—
 Для Діогена жъ безстрастнаго,
 Свѣтитъ лишь солнечный лучъ.

Всѣ неимущіе—
 Трудолюбивые,—
 Люди счастливые,
 И всемогущіе!

Замокъ прельщаетъ васъ видами...
 Скука царитъ тамъ во всемъ,—

Можно питаться аеридами,
Спать на соломѣ царемъ.

Всѣ неимущіе—
Трудолюбивые,—
Люди счастливые,
И всемогущіе!

Кто жъ этотъ духъ примиренія
Счастья съ вседневной нуждой?—
Геній любви утѣшенія
Это несетъ за собой.

Всѣ неимущіе—
Трудолюбивые,—
Люди счастливые,
И всемогущіе!

Дружба нашъ свѣтъ не побинула,—
Вотъ погляди, бѣдный братъ,
Какъ она руки раскинула
Сидя въ шинкѣ межъ солдатъ.

Всѣ неимущіе—

Трудолюбивые,—

Люди счастливые,

И всемогущіе!

СОШЕСТВІЕ ВЪ АДЪ.

(La descente aux enfers).

Вы, крѣпкіе вѣрой, ума простотою,—
Не бойтесь Люцифера, вѣрьте чертямъ...
Приблизьтесь ко мнѣ, я кой-что вамъ открою,
Изъ новостей ада кой-что передамъ.

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
Безъ просыпа пить,
Безъ устали пѣть,
Вѣбъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Послѣднюю ночь мнѣ тутъ какъ-то неспалось,
 Представилось мнѣ, что лежу я въ гробу;
 Вдругъ вѣдьма съ метлою откуда ни взялась, —
 И мы полетѣли вдвоемъ чрезъ трубу.

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,

Безъ просыпа пить,

Безъ устали пѣть,

Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Колдунья была молода, бѣлолица...

Не долго мнѣ что то пришлось съ ней летать,

Попали мы въ адъ... Тамъ чертей вереница,

У входа всѣмъ ноги пришлось цѣловать...

Всякъ тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ;

Чтобъ вѣчно любить,
 Безъ просыпа пить,
 Безъ устали пѣть,
 Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Точь въ точь какъ у насъ на землѣ всѣ
 болтають

Бывалые люди, про адъ и чертей...
 Взошли мы, гляжу,—черепя разставляютъ,
 Какія то баньи и груды костей...

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
 Безъ просыпа пить,
 Безъ устали пѣть,
 Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Но нѣтъ ни котловъ, ни огня—лишь ограда...
 И если ужъ тяжки и грѣшны дѣла,
 То бѣдныя души, по правиламъ ада,
 Должны лишь облечься въ земныя тѣла.

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніеть,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
 Безъ просыпа пить,
 Безъ устали пѣть,
 Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніеть,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Для тѣхъ сатана самъ и другъ и пріятель...
 Такъ, мы увидали поодоль сидить
 Чортъ Танталъ, а возлѣ—земной обыватель,
 Знакомый нашъ, пьяный мертвецки и—спить...

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніеть,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,

Безъ просыпа пить,

Безъ устали пѣть,

Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,

На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Страшнѣе еще ничего я не вѣдалъ

Какъ ада властитель, тиранъ, самодуръ...

Въ то время царь ада сидѣлъ и обѣдалъ.

Съ нимъ вмѣстѣ Нинона и другъ Эпикуръ.

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,

На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,

Безъ просыпа пить,

Безъ устали пѣть,

Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,

На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Его приговоры гораздо страшнѣе,
 Чѣмъ мы ожидаемъ живя на землѣ...
 За шумомъ стакановъ и гамомъ—слышнѣе
 Лишь голосъ царя за чертовскимъ столомъ.

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
 Безъ просыпа пить,
 Безъ усталн пѣть,
 Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Таеъ, къ пьяницамъ рѣчь обратилъ онъ такую:
 Надѣюсь, что вы, господа, здѣсь легко
 Отвыкнете пить только—водку простую,—
 И прійметесь вмѣсто нея за Кливо.

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
 Безъ просыпа пить,
 Безъ устали пѣть,
 Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Потомъ, увидавъ между грѣшницъ Сирену,
 Не смѣвшюю къ юношѣ взоръ обратить,
 Сказаль: Убирайтесь madame къ Діогену.
 Чтобъ вмѣстѣ съ нимъ въ бочкѣ сидѣть и...
 любить...

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
 Безъ просыпа пить,
 Безъ устали пѣть,
 Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

А людямъ заразы и гадкаго тона,
Сказаль: кто здоровья цѣнить не умѣль,
Пусть граціямъ нѣжнымъ отдасть Купидона,
Себѣ же оставитъ Венеру въ удѣль...

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
Безъ просыпа пить,
Безъ устали пѣть,
Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Такъ много и долго, въ различныхъ онъ позахъ,
И лучшія вещи другимъ говорилъ...
А самъ такъ съ Ниноной, супругой, на розахъ
Полвѣка, не меньше, всегда проводилъ...

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
 Безъ просыпа пить,
 Безъ устали пѣть,
 Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

За тѣмъ, и колдунья моя превратилась
 Въ богиню съ желаньемъ...меня чтобъ обнять...
 И чувствую я, вотъ руками обвилась...
 Прильнула къ губамъ...мы летимъ...на кровать...

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,
 Безъ просыпа пить,
 Безъ устали пѣть,
 Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніетъ,
 На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

Съ тѣхъ поръ, если кто увѣрять васъ въ томъ
станеть,

Что чортъ увлекаетъ насъ будто бы въ грязь,

Не вѣрьте, ступайте... васъ чортъ не обманеть...

Восхвалите небо еще возвратясь.

Всякъ тотъ, кто по смерти въ могилѣ сгніеть,

На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ:

Чтобъ вѣчно любить,

Безъ просыпа пить,

Безъ устали пѣть,

Вѣкъ страстью горѣть...

Да, тотъ кто по смерти въ могилѣ сгніеть,

На вѣчную муку тотъ въ адъ попадетъ.

ИГРА ВЪ УГОЛКИ.

(Le coin de l'amitié.)

Пѣсня пѣтая одною изъ подругъ молодой.

Друзья мои, глупость, любовь, интересъ, гименей,
Все вмѣстѣ живутъ и четыре угла занимаютъ,—
Но спорятъ всегда... Къ нимъ является дружба,—и съ ней
Такъ дурно всегда они все поступаютъ.

Какъ только душа отдается восторгамъ какимъ,—
Разсудокъ всегда ужъ свой смыслъ въ половину теряетъ,
И первая глупость, подъ самымъ предлогомъ пустымъ,
На дружбы пріютъ нападаетъ.

Приходитъ любовь,—этотъ шуллеръ коварный и злой,
Игрокъ безъ стыда, онъ навѣрно со всякимъ играетъ,

Тѣмъ больше опасный, что всякій карманъ ему свой

Вездѣ и всегда для игры разставляетъ.

О дружба, страшись! этотъ богъ вѣдь не любитъ шутить,

Лишь только замѣтитъ, что кто его такъ обожаетъ,

Ему отдаетъ все,—старается все захватить,

И дружбы пріютъ занимаетъ.

Является бракъ... О, какъ празднуютъ этотъ приходъ,

И дружба царицей на праздниѣ этомъ сілетъ;—

Но только пройдетъ все, какъ только лишь омутъ

заботъ

Житейскаго моря насъ вдругъ поглащаетъ...

Тогда этотъ богъ, всеразсчетливый въ жизни, скупой,

Чуть въ спальню жены интереса не вводитъ...

Чтобъ тамъ предложить... И—случается казусъ такой,

Пріютъ ему дружбы отводить.

Лишь возлѣ тебя мы спокойно живемъ, не боясь

Разчета того... и безумныхъ ошибокъ не зная,

И только лишь бракъ съ интересомъ межъ насъ поселясь,

Страшитъ за тебя теперь насъ, дорогая.

Пусть эти друзья гдѣ хотять поселяются жить,
Но счастье твое позволяетъ лишь имъ, чтобъ царили,
Они въ половину вездѣ, и нельзя допустить,
Чтобъ уголь твой весь захватили.

Б У Д У Щ Е Е,

или то, что будетъ съ нашими дѣтьми.

(L'age futur)

ou ce que seront nos enfants.

Я пѣсню никого своей не оскорбляю;
Скажу лишь, что нашъ вѣкъ, хоть вѣкъ не золотой,
Но дѣти наши, честью увѣрляю,
Не будутъ стоить насъ копѣйки ни одной.
И думаю, чтобъ дальше на землѣ плодиться,
Безумцемъ надо быть... Вотъ будетъ вѣкъ каковъ!
А все изъ пустяковъ,
Да, все изъ пустяковъ....
И еслибъ женщинамъ всѣмъ съ нами согласиться,
То міру бы конецъ совсѣмъ былъ не таковъ.

Веселые всегда и жадные повсюду,—

Мы менѣ ѣдимъ, а больше все поемъ...

Но дѣти—предпочтутъ всѣ пѣсни наши блюду,

И больше будутъ пить, чѣмъ пѣть мы, за столомъ.

И тотъ кто въ глупости и пьянствѣ отличится,—

Мудрѣйшимъ прослыветъ.... Вотъ будетъ вѣкъ каковъ!

А все изъ пустяковъ,

Да, все изъ пустяковъ...

И еслибъ женщинамъ всѣмъ съ нами согласиться,

То міру бы конецъ совсѣмъ быть не таковъ.

Благодаря передовымъ умамъ, я каюсь,

Намъ и теперь приходится грустить;

А въ будущемъ два учрежденья, я ручаюсь,

Стольнутся, чтобъ совсѣмъ другъ друга истребить.

И каждый въ лагерь свой, чтобъ вновь и вновь сразиться

Найдутъ себѣ бойцовъ... Вотъ будетъ вѣкъ каковъ!

А все изъ пустяковъ,

Да, все изъ пустяковъ...

И еслибъ женщинамъ всѣмъ съ нами согласиться,

То міру бы конецъ совсѣмъ быть не таковъ.

Мы любимъ всѣ, но лишь не много, славу, войны,
 Но любимъ также послѣ нихъ и отдохнуть;
 А наши сыновья такъ будутъ безпокойны,
 Что некогда отъ битвъ имъ будетъ и уснуть,
 И лаврами, за кровь какая будетъ литься,
 Богатство изберутъ... Вотъ будетъ вѣкъ каковъ!

А все изъ пустяковъ,

Да все, изъ пустяковъ...

И еслибъ женщинамъ всѣмъ съ нами согласиться,
 То міру бы конецъ совсѣмъ былъ не таковъ.

Мы мало всѣ въ любви любезны, безъ сомнѣнья,
 Но наши сыновья насъ въ этомъ превзойдутъ...
 И ту любовь, которой мы любили, изъ презрѣнья,
 Съ хорошаго пути на ложный путь сведутъ.
 Не по французски къ ней ужъ будутъ относиться,
 А какъ въ Италіи... Вотъ будетъ вѣкъ каковъ!

А все изъ пустяковъ,

Да, все изъ пустяковъ...

И еслибъ женщинамъ всѣмъ съ нами согласиться,
 То міру бы конецъ совсѣмъ былъ не таковъ.

Такъ, вопреки всѣмъ ложнымъ выводамъ софистовъ,

Потомки наши будутъ тоже все имѣть:

Великихъ геніевъ изъ цѣха журналистовъ,

Большую оперу, отъ скуки чтобъ смотрѣть,

Безстыдныхъ женщинъ лишь, въ которыхъ грѣхъ

влюбиться,

И скучныхъ волокитъ... Вотъ будетъ вѣкъ каковъ!

А все изъ пустяковъ,

Да, все изъ пустяковъ...

И еслибъ женщинамъ всѣмъ съ нами согласиться,

То міру бы конецъ совсѣмъ былъ не таковъ.

И потому, друзья, напрасно мы мечтаемъ,

Чтобъ вѣра, геній, праздниства и божества,—

Ну, словомъ, все, что мы теперь такъ уважаемъ,

Считалось у дѣтей все тѣмъ же дважды два.

За то же, что теперь мальчишкамъ нашимъ снится,

Не будетъ сниться имъ... Вотъ будетъ вѣкъ каковъ!

А все изъ пустяковъ,

Да, все изъ пустяковъ...

И еслибъ женщинамъ всѣмъ съ нами согласиться,

То міру бы конецъ совсѣмъ былъ не таковъ.

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯКЪ.

(Le vieux celibataire).

Варюша, ужъ десять часовъ... поскорѣе...
Идемъ... для подагрика часъ на покой,
Но сколько не помню себя, то бодрѣе
Я не былъ еще за годъ жизни съ тобой.
И чувствую, что на твои вожделенья,
И страсть, я сегодня отвѣчу кой какъ...
Лишь только немножко имѣй снисхожденья,
Да дай миѣ мой ужинъ и... спальный колпакъ...

Прелестная няня отжившаго трупа,—
Будь стражемъ обломка мірской суеты,
Забудь что онъ прежде безумно и глупо
Жизнь тратилъ на менѣ свѣжихъ чѣмъ ты.

За то я тебѣ предложу угощенье,—
 И завтра на славу кутнемъ... такъ иль сягъ...
 Лишь только немножко имѣй снисхожденья,
 Да дай мнѣ мой ужинъ и... спальный колпакъ.

Не зная работы тяжелой и трудной,
 Ты руки свои посвятила лишь мнѣ,—
 Являясь посланницей кроткой и чудной
 Вездѣ предо мной—на яву и во снѣ.
 Конечно, ты цѣпишь въ любви *освященье*,—
 Во мнѣ жъ зажигаетъ ее полумракъ...
 Имѣй лишь немножко ко мнѣ снисхожденья,
 Да дай мнѣ мой ужинъ и... спальный колпакъ...

Но... нѣжность моя вдругъ отказъ твой встрѣчаетъ...
 И—я откровенно сказать мнѣ прошу,
 Быть можетъ, тебя кто другой занимаетъ,
 То я... завѣщанье другой напишу...
 Но... я замѣчаю въ тебѣ измѣненье,—
 Ты ласки мои устранишь не такъ...
 Ахъ, только немножко имѣй снисхожденья,
 Да дай мнѣ мой ужинъ и... спальный колпакъ...

Ты вся отдаешься мнѣ?... ну и прекрасно...
Но... только что я... вѣдь любовникъ плохой,—
И сердце трепещетъ любовью напрасно...
А впрочемъ, не плачь... будешь мнѣ ты женой...
И если въ тебѣ хватитъ силъ и умѣнья,
То я можетъ быть и поправлюсь кой-какъ...
Лишь только немножко имѣй снисхожденья,
Да дай мнѣ мой ужинъ и... спальный колпакъ...

ОБЩІЙ ДРУГЪ.

(L'ami Robin).

Онъ всѣхъ вамъ камелій
По пальцамъ сочтетъ,
Какъ маклеръ продажныхъ ихъ цѣлей...
Онъ съ этихъ камелій
Имѣетъ доходъ,
А служба—приноситъ почетъ.

Онъ знаетъ красавицъ всѣхъ, всю ихъ картинность,
За сколько кому и какою достать...
И если вы встрѣтить хотите невинность,—
То стоитъ лишь нашему другу сказать.

Онъ всѣхъ вамъ камелій
По пальцамъ сочтетъ;
Какъ маклеръ продажныхъ ихъ цѣлей...
Онъ съ этихъ камелій
Имѣетъ доходъ,
А служба—приносить почетъ.

Блеснуть стоитъ золотомъ, къ вашимъ услугамъ
Вдругъ явятся тысячи женщинъ богинь...
Лишь только бы золото было, а съ другомъ—
Да другъ вамъ достанетъ хотите графинь.

Онъ всѣхъ вамъ камелій
По пальцамъ сочтетъ;
Какъ маклеръ продажныхъ ихъ цѣлей...
Онъ съ этихъ камелій,
Имѣетъ доходъ,
А служба—приносить почетъ.

Я зналъ его въ школѣ почти что ребенкомъ,
Онъ не былъ по мыслямъ своимъ либераль,

На деньги жъ смотрѣлъ и тогда онъ орленкомъ,
 За нихъ и тогда онъ намъ все доставалъ.

Онъ всѣхъ вамъ камелій
 По пальцамъ сочтеть;
 Какъ маклеръ продажныхъ ихъ цѣлей...
 Онъ съ этихъ камелій
 Имѣеть доходъ,
 А служба—приносить почетъ.

Женился,—жену себѣ взялъ съ красотою,
 Чтобъ цѣлямъ своимъ было лучше служить,
 Но та, будь не дура, и—друга женою
 Не долго была, и съ другимъ пошла жить.

Онъ всѣхъ вамъ камелій
 По пальцамъ сочтеть;
 Какъ маклеръ продажныхъ ихъ цѣлей...
 Онъ съ этихъ камелій
 Имѣеть доходъ,
 А служба—приносить почетъ.

Таковъ портретъ друга; весь свѣтъ о томъ знаетъ,
Что онъ все на свѣтѣ за деньги отдастъ...
Сегодня двоюроднымъ онъ курсъ понижаетъ,
А завтра по курсу и близкихъ продастъ...

Онъ всѣхъ вамъ камелій
По пальцамъ сочтетъ;
Какъ маклеръ продажныхъ ихъ цѣлей...
Онъ съ этихъ камелій
Имѣетъ доходъ,
А служба—приноситъ почетъ.

Звѣзда его жизни, какъ я полагаю,
Въ надзвѣздныхъ мирахъ метеоромъ блеснетъ,
И даже теперь въ высшихъ сферахъ, я знаю,
Есть люди дающіе другу почетъ.

Онъ всѣхъ вамъ камелій
По пальцамъ сочтетъ.

Какъ маклеръ продажныхъ ихъ цѣлей...

Онъ съ этихъ камелій

Имѣеть доходъ,

А служба—приносить почетъ.

ГАЛЛЫ и ФРАНКИ.

(Les gaulois et les francs).

Январь 1814.

Живѣй становитесь въ ряды,
Надёжа—сыны
Родной стороны;
Живѣй Галлы—Франки, въ ряды!
Впередъ, противъ страшной орды.

Аттила зоветъ воевать,—
И варварь—народъ
На зовъ тотъ идетъ,
Второй уже разъ, чтобъ опять
На галльскихъ поляхъ погибать.

Живѣй становитесь въ ряды,
 Надѣжа—сыны
 Родной стороны;
 Живѣй Галлы—Франки, въ ряды!
 Впередъ, противъ страшной орды.

Привыкшій въ безплодныхъ степяхъ
 Имѣть свой бивакъ,—
 Уральскій козакъ,
 Какъ англійскій денди иль шахъ,
 Развалится въ нашихъ дворцахъ.

Живѣй становитесь въ ряды,
 Надѣжа—сыны
 Родной стороны;
 Живѣй Галлы—Франки, въ ряды!
 Впередъ, противъ страшной орды.

А русскій—до мозга костей
 Промерзшій въ снѣгахъ,—
 Въ парижскихъ стѣнахъ

Не станетъ ужъ ѣсть желудей,
Попробовавъ хлѣба бѣлѣй.

Живѣй становитесь въ ряды,
Надёжа—сыны
Родной стороны;
Живѣй Галлы—Франки, въ ряды!
Впередъ, противъ страшной орды.

Тѣ вина, что всякій изъ насъ
Хранилъ столько лѣтъ,
Чтобъ пить въ честь побѣдъ,
Саксонецъ всѣ выпьетъ за-разъ...
Безъ винъ же умереть и Пегасъ.

Живѣй становитесь въ ряды,
Надёжа—сыны,
Родной стороны;
Живѣй Галлы—Франки, въ ряды!
Впередъ, противъ страшной орды.

• А что какъ калмыцкую рать,
Въ порывѣ страстей
Ихъ дикихъ степей,
Начнутъ наши жоны прельщать...
А намъ—ихъ уродовъ рожать?...

Живѣй становитесь въ ряды,
Надёжа—сыны
Родной стороны;
Живѣй Галлы—Франки, въ ряды!
Впередъ, противъ страшной орды.

И всё монументы падутъ,—
Нашъ славный музей
Великихъ идей;
Ихъ въ дребезги, въ прахъ разобьютъ
Пруссаки, какъ только прийдутъ.

Живѣй становитесь въ ряды,
Надёжа—сыны,
Родной стороны;

Живѣй Галлы—Франки, въ ряды!
Впередь, противъ страшной орды.

И такъ, Галлы—Франки впередь!
И миръ нужный вамъ,
И вашимъ дѣтямъ,
Въ награду за столько хлопотъ,
Въ семью вашу скоро прійдетъ.

Живѣй становитесь въ ряды,
Надёжа—сыны
Родной стороны;
Живѣй Галлы—Франки, въ ряды!
Впередь, противъ страшной орды.

НЕВИННОСТЬ ВЪ ЮБКѢ.

(Frétilton).

Друзья всѣхъ погибшихъ но милыхъ!...
Я васъ познакомлю съ одной,
Вся прелесть волшебницъ не въ силахъ
Поспорить съ ея красотой;
Нѣжна и мила какъ голубка,—
    Какъ вихрь весела,—
Хотя за душою лишь юбка
    Съ рожденья была.

Она раза два заводила
Батисты, ковры, лошадей,
И—столько же разъ, отвозила
Въ залогъ на приемы друзей...

Судьба обирала голубку,
Но грусть не брала,
И только завѣтную юбку
Она берегла.

По чувствамъ—ей равной нѣтъ въ мірѣ:
Разъ, помню, пришлось мнѣ у ней,
Зимой, ночевать на квартирѣ,
И мерзнуть до мозга костей...
Хоть дрожь пробирала голубку,—
Свернувшись легла,
А мнѣ—мнѣ послѣднюю юбку
Укрыться дала.

Но что же, узналъ я, ту юбку
Недавно злодѣй разорвалъ,
И въ рваной юбчонкѣ голубку
На улицу ночью прогналъ....
Судьба все взяла у голубки,
Лишь смѣхъ не взяла,
Хотя и осталась безъ юбки,—
Въ чемъ мать родила.

А все жъ, какъ она зацѣпляетъ
Веревку, чтобъ... что просушить,
Амуръ подь окномъ наблюдаетъ,
За всѣмъ, гдѣ что можетъ сквозить...
И—вѣрно рубашка не юбка,—
    Не можетъ все скрыть...
А впрочемъ при этомъ голубка
    Милѣй можетъ быть.

Пожалуй еще офицеры
Блеснуть ей возможность дадутъ;
Но, думаю я, *кавалеры*,
Какъ липку ее обдерутъ...
Бѣдняжку дырявая юбка
    Отъ бѣдъ не спасетъ...
И жизни отдавъ все, голубка,
    Безъ юбки умереть,

ПАЛОЧКА АРЛЕКИНА

(Un tour de marotte).

пѣсня, пѣтая за ужиномъ въ обществѣ Momus'а.

Когда злой Момусъ, врагъ амура,
И богъ торгующій перомъ,
Вдругъ станетъ другомъ Эпикура,—
Я, циникъ, сдѣлаюсь жрецомъ...
Тогда шутя,
И дань платя
Своей веселости невинной,—
Мы вдругъ махнемъ,
По всѣмъ по тремъ,
Волшебной палкой арлекинной.

Та палка силу замѣняетъ,—
     И Момусъ, вѣруя тому,
 Той палкой штуки вытворяетъ
     Непостижимыя уму;
         Безъ дальнихъ словъ,
         Луны глупцовъ
 Въ мундирѣ, митрѣ, юбкаѣ длинной,
     Мы то-жъ махнемъ,
     По всѣмъ потремъ,
 Волшебной палкой арлекинной.

Пусть глупость въ свѣтѣ засѣдаетъ,
     Пусть докторъ вѣритъ мудрецамъ,
 Пусть галуны лакей мѣняетъ,—
     Не измѣнивъ лакейской самъ...
         Парижъ къ грѣхамъ
         Такъ склонный,—намъ
 Прощаетъ глупости гостинной,—
     И мы махнемъ,
     По всѣмъ по тремъ,
 Волшебной палкой арлекинной.

Нахально палкой той махая,
     Дворъ красота занять спѣшить,
 И погремушкою играя,
     Амуръ Венеру веселить.
     И этотъ шумъ,
     Смущаетъ умъ
 Всѣхъ женщинъ—*винной* и *невинной*...
     И мы махнемъ,
     По всѣмъ по тремъ,
 Волшебной палкой арлекинной.

Она съ виномъ въ союзъ вступаая,
     Береть у Вакха тамбуринъ,
 И скорбь отъ сердца прогоняя,—
     Водой не портить своихъ винъ...
     Вкругъ страсть кипить,
     И скорбь бурлить.
 Но улетаетъ съ пробкой *винной*...
     И мы махнемъ,
     По всѣмъ по тремъ,
 Волшебной палкой арлекинной.

Друзья, кто въ лагерь нашъ вступаетъ,
Не долженъ скучнымъ гостемъ быть,—
Вѣдь дружба то благословляетъ,
Что палка хочетъ помирить;
И юный умъ,
Безъ заднихъ думъ,
Смѣется трелью соловьиной...
И мы махнемъ,
По всѣмъ по тремъ,
Волшебной палкой арлекиной.

Подъ этотъ шумъ, всевеселящій,
Пусть всякій жрецъ свой гимнъ поетъ,
А вмѣстѣ съ нимъ и предстоящій
Кумиру жертвы принесетъ.
Налой стоитъ,
Листъ ноть лежитъ,
Припѣвъ веселый и недлинный...
И мы махнемъ,
По всѣмъ по тремъ,
Волшебной палкой арлекиной.

ДВОЙКОЕ ОПЬЯНЕНИЕ.

(La double ivresse).

Въ древесной тѣни я лежалъ, отдыхая,—
Какъ вдругъ разбудить вошла Нерисъ меня;—
Въ лицѣ ея, заревомъ жаркимъ пылая,
Увидѣлъ я искру желанья... огня...
Пунцовую розу и вѣтвь винограда
Зефиръ на ея головѣ колебаль,
На страстной груди, мнѣ открытой для взгляда,
Одежды прозрачныя онъ развѣваль.

Богъ Вакхъ, преселый и бойкій мальчишка,
Сидѣлъ у нея за спиною какъ братъ,—
Желая наполнить свой кубокъ, плутишка,
Межъ пальцевъ своихъ онъ давилъ виноградъ.
Межъ тѣмъ какъ она находила забаву
Въ глазахъ у меня страстно пѣть и плясать,
Шалунъ, притаившись за ней, лилъ отраву
Стараясь въ вино страшный ядъ подмѣшать.

Не зная какъ пить изъ той чашки опасно,
Красавица пьетъ, предлагаетъ и мнѣ;—
Но я вѣдь все видѣлъ, и хитрость напрасна,
Я знаю, что смерть тамъ таится на днѣ.
Ужъ если ты, думаю, очень желаешь.
Я пью, не боясь измѣненья въ крови,
Хоть знаю, что здѣсь незамѣтно мѣняешь,
Хмѣль винный на хмѣль ядовитый любви.

Мой бредъ до предѣловъ любви возрастаетъ
Къ красавицѣ Нерисъ; она же, во снѣ
Я вижу, смѣется и бредомъ играетъ,
Не вѣря любви зарожденной въ винѣ.

И самъ я сквозь сонъ, наконецъ, замѣчаю,
Что влагу хмѣльную я пью не одну,
И что свою страсть къ красотѣ, я мѣшаю
Со страстью веселой, безвредной къ вину.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СБЛАСТЬ МЕЧТЫ.

(Voyage au pays de Cocagne).

Къ берегу, къ берегу,—моремъ забвенія;
Чальте, гдѣ нѣсть ни печали, ни тлѣнія,—
Слѣдуйте мнѣ всѣ, кто ищетъ спасенія,—
Путь этотъ ровный, широкій, безъ слезъ...
Выпивъ отъ водъ искрометныхъ Шампаніи,
Дружной ищу для себя я компаніи,
Плыть къ берегамъ отдаленной Коканіи,—
Въ край обольстительныхъ мыслей и грезъ.

Область любимая,
Неуловимая,
Будь мнѣ родимая,

Родиной милой, сзятой;

Жизнь мнѣ не нравится,

Счастье чуждается,

Хлѣбъ покупается,—

Гроша же нѣтъ за душой.

Чувствую мой аппетитъ развивается;

Чудо глазамъ моимъ вдругъ представляется:

Круглый пирогъ,—въ пирогѣ жь отворяется

Корка, какъ дверь иль ворота дворца;

Дворъ представляетъ мнѣ толстую гвардію,

Коей кирасы изъ сала Пикардіи,

Свойство жь оружія и алебардіи,

Что изъ Кандійскаго все леденца.

Въ сладкомъ довѣріи,

Къ сладкой матеріи,

И къ артиллеріи,—

Я обнимаю весь свѣтъ;

Кисти творенія,

Музыки, пѣнія,—

Въ видѣ варенія,
Тамъ украшаютъ буфетъ.

Шутъ, арлекинъ и паясъ, въ моемъ мнѣнїи,
Тѣ же великіе, умные гени;
Но вѣдь великъ на ихъ мѣстѣ не менѣе,
Также зѣвающій, глупый народъ;
Въ пользу котораго, для развлеченія,
Вмѣсто воды, распалюющей мнѣнїя,
Вѣчно боясь въ трезвой мысли броженія,
Власти устроили винопроводъ.

Здѣшніе жители:

Производители,

И потребители

Дичи, быковъ и телятъ,—

Пьютъ, наѣдаются,

Но не валяются,

И подчиняются

Вкусу своихъ поварятъ.

Въ замокъ вхожу я съ столами накрытыми,
 Рядомъ сажусь все съ людьми знаменитыми,—
 Вѣчно голодными, вѣчно не сытыми,
 И съ живстами въ большой барабанъ;
 Вижу, попалъ въ мѣръ существъ я мифическихъ,
 Гдѣ все толстѣетъ до формъ атлетическихъ,
 Гдѣ и Венера изъ формъ поэтическихъ
 Вышла; Амуръ же надутъ какъ болванъ.

Грусть-тоска дерзкая,
 Рѣчь филистерская
 И министерская,—
 Вовсе не могутъ здѣсь быть;
 Блюда накрытыя,—
 Свѣжія, сытыя,
 Вина налитыя....
 Будемте жъ, братцы, мы пить!

Станемъ межъ тѣмъ объ дѣлахъ разговаривать,
 Наши красавицы могутъ оспаривать
 Вольности наши... и—также отжаривать
 Разныя штучки съ десертнымъ виномъ...

Чокаясь, прелести будутъ показывать;
 Станутъ про шалости сердца рассказывать,
 Даже кой-что... кой-кому... и навязывать...
 Весело будетъ за нашимъ столомъ.

Мужъ напивается,—
 Сонный склоняется...
 Но не скрывается
 Передъ женой, что уснулъ...
 Та же—ласкается...
 Теща ругается...
 Но запрещается,
 Чтобъ кто подъ столъ заглянулъ.

Глупая оргія; но тѣмъ не менѣе,
 Нѣжное времени препровождение,
 Брюхъ набиваніе, лицъ украшеніе,—
 Каждый глядитъ здѣсь почти королемъ...
 Время приходитъ,—виномъ упоенные,
 Ищутъ ночлега себѣ, полусонные,
 И на квартиру друзей отнесенные,
 Спать до утра, безъ просыпа, вдвоемъ.

Ахъ сколько шалостей,
Разныхъ *бывалостей*,
Долгу по малости,—
Узъ же изъ этого нѣтъ...
Въ пьяномъ похмѣліи,
Лѣни—бездѣліи,
Разномъ веселіи,
Юность живетъ до ста лѣтъ.

Да, вѣдь Коканія область отмѣнная;
Жизнь въ этой области просто блаженная,
Прелесть... но, ахъ, что за тварь тамъ презрѣнная,
Въ счастьи, мой нарушаетъ покой?
Ахъ, то дѣйствительность!... вещь обыденная,
Словно какъ совѣсть въ душѣ пробужденная,
Съ счетомъ въ рукахъ предстоитъ, облеченная
Въ бѣлыя ризы... Ахъ, то половой.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ.

(Le commencement du voyage).

пѣсня пѣтая надъ колыбелью новорожденнаго.

Взгляните, какъ борется этотъ челнокъ
Съ житейскими волнами трудно,—
На немъ въ жизнь уносить дѣтей нашихъ рокъ,
А мы... мы матросы ихъ судна.
Вода насъ ужъ къ берегу хочетъ прибить,
И къ пристани вѣчной толкаетъ,—
Нашъ долгъ нашей пѣснью всѣхъ тѣхъ веселить,
Кто жизненный путь начинаетъ.

Судьба уже мчитъ насъ на всѣхъ парусахъ,
Надежда развѣяла снасти,
Суля при мерцаніи звѣздъ въ небесахъ,
Путь тихій,—безъ бурь и напасти.

Прочь, птицы зловѣщія,—дайте намъ плыть,
Межь нами Любовь лишь витаетъ...
И будемъ мы пѣсню всѣхъ тѣхъ веселить,
Кто жизненный путь начинается.

Любовь наша спутница, щедрой рукой
Гирляндами мачты вѣнчаетъ...
Надежда и Вѣра алтарь ставятъ свой,
А дружба—рулемъ управляетъ.
И Бахусъ, чтобъ скуку отъ насъ удалить,
Намъ въ чаши вина подливаетъ...
Такъ будемъ же пѣсню мы тѣхъ веселить,
Кто жизненный путь начинается.

А кто это шлетъ намъ еще свой привѣтъ?
То зло предъ добромъ преклонилось...
И просить его, чтобъ жизнь юныхъ хоть лѣтъ,
Лучами его осѣнилась...
Мы слышимъ весь берегъ мольбами гремитъ,
Надежда ихъ всѣхъ утѣшаетъ...
Такъ пусть наша пѣсня всѣхъ тѣхъ веселить,
Кто жизненный путь начинается.

МУЗЫКА.

(La musique).

1810.

Окончимъ свои мы десерты,
И съ пуншемъ споемъ ораторіи,—
Да здравствуютъ хоры, концерты,
И музыка консерваторіи!

О время, о нравы!

Въ такомъ музыкально-всеобщемъ стремленіи

Не вижу я славы,—

А вопли и стонъ музыкальнаго генія.

Обѣдъ ужъ готовъ у Агаты;

Къ обѣду все прибрано, найдено,—

И намъ, вмѣсто кофе, сонаты
 Раскроютъ Бетховена, Гайдена...

О время, о нравы!

Въ такомъ музыкально-всеобщемъ стремленіи

Не вижу я славы,—

А вопли и стонъ музыкальнаго генія.

Мы въ оперѣ часто видали,
 О чудо, отъ грома и пѣнія,
 Какъ уши себѣ затыкали,
 Глухіе со всѣмъ отъ рожденія...

О время, о нравы!

Въ такомъ музыкально-всеобщемъ стремленіи

Не вижу я славы,—

А вопли и стонъ музыкальнаго генія.

Пѣвцы безголосые часто
 Бываютъ великіе геніи,—
 Но миѣнія партій-контрастовъ
 Свистъ флейтъ ужъ рѣшаетъ сомнѣніе.

О время, о нравы!

Въ такомъ музыкально-всеобщемъ стремленіи

Не вижу я славы,—

А вопли и стонъ музыкальнаго генія.

Прошу всѣхъ, кто музыку знаетъ,

Чтобъ мнѣ было также чувствительно,—

Когда изъ Моцарта играютъ,

Давать о томъ звать предварительно.

О время, о нравы!

Въ такомъ музыкально-всеобщемъ стремленіи

Не вижу я славы,—

А вопли и стонъ музыкальнаго генія.

Природа бѣдна, всѣ толкуютъ

И вторятъ на ту вариацию;

Но вкусъ итальянскій намъ суютъ,

А съ нимъ и нѣмецкую грацію.

О время, о нравы!

Въ такомъ музыкально-всеобщемъ стремленіи

Не вижу я славы,—

А вопли и стоны музыкальнаго генія.

А драма межъ тѣмъ умираетъ,—
Прійдется ей спѣть пѣснь прощальную,
И мы панихиду, Богъ знаетъ,
Какую споемъ музыкальную...

О время, о нравы!

Въ такомъ музыкально-всеобщемъ стремленіи

Не вижу я славы,—

А вопли и стонъ музыкальнаго генія.

Г А С Т Р О Н О М А М Ъ .

(Les gourmands).

1810.

Поемники кухни, вы намъ не давайте
Объдовъ своихъ росписаній читать,—
Есть много людей, у которыхъ, вы знайте,
Есть правило вашъ аппетитъ презирать.
Вѣдь каждый же разъ, какъ случается вамъ за об-
жорство садиться,

Вы можете первымъ кускомъ подавиться;

А эта вѣдь смерть не должна привлекать,—

Ужъ если хотите удушьемъ страдать,

То лучше отъ смѣха до слезъ умирать...

Прилично ль вамъ пѣть про любовь и про грацій
Неплотныхъ, набивши битками свой ротъ,

Бѣгутъ онѣ съ ужасомъ сальныхъ овацій,
 Равно какъ отъ вашихъ же сальныхъ бородъ.
 И трюфлей наѣвшись какъ бы желудями,
 Вы около дамъ лишь сопите носами...

Вѣдь вамъ полнота должна страшно мѣшать...

Ужъ если хотите удушьемъ страдать,—

Такъ лучше отъ смѣха до слезъ умирать...

О, слуги Мамона, вы лишь съ увлеченьемъ
 Относитесь къ славѣ своихъ поваровъ,—
 На книжный же людъ вы смотрите съ презрѣньемъ,
 Равно какъ на хлѣбъ—плодъ кровавыхъ трудовъ;
 По вашему мнѣнью какъ люди-то глупы,
 Что лаврами книги вѣнчаютъ,—не супы...

Печать вамъ должна аппетитъ отравлять,—

Ужъ если хотите удушьемъ страдать,

Такъ лучше отъ смѣха до слезъ умирать...

Чтобъ каждаго блюда успѣть вамъ отвѣдать,
 Совѣтую я за столомъ не шутить,
 И больше молчать, если сѣли обѣдать,—
 А то мудрено ль и десертъ пропустить...

Вѣдь такъ лишъ и можно безъ чувствъ нализаться,—

Остроты при этомъ совсѣмъ негодятся...

Но мы такъ не можемъ, чтобъ вамъ не сказать:

Ужъ если хотите удушьемъ страдать,—

Такъ лучше отъ смѣха до слезъ умирать...

Французамъ десертъ весь обѣдъ составляетъ:

Являются тотчасъ вино и любовь,

А съ ними и скромность болтать начинаетъ,

Виномъ поджигая горячую кровь...

Подъ хлопанье пробокъ и острия рѣчи,

Душа разгарается... тушатся свѣчи...

Вино будетъ дальше намъ страсть освѣщать...

И если прійдется удушьемъ страдать,—

Такъ лучше отъ смѣха до слезъ умирать...

МОЯ ЧУТЬ ЛИ НЕПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЯ.

(Ma dernière chanson peut-être).

написана въ концѣ Января 1814.

Я никогда не относился
Безстрастно къ родинѣ моей,
И неподдѣльно огорчился,
Узнавъ что врагъ царить надъ ней.
Но хладнокровно разсуждая,
Что пользы плакать и грустить,
Скорѣй смѣясь бѣду встрѣчая,—
Врагу мы можемъ отомстить.

Гдѣ храбрый духомъ упадаетъ,
Я, трусь, тамъ храбрымъ могу быть,

Вѣдь Бахусъ робкимъ помогаетъ,
Чтобъ ихъ въ несчастьи укрѣпить.
Да укрѣпитъ онъ духъ нашъ въ горѣ,
И да поможетъ грусть забыть,—
Чтобъ въ этомъ бурномъ, пьяномъ морѣ,
Врага могли мы утопить.

Всѣ кредиторы мои знаютъ,
Что я ворами ихъ зову...
Иду сегодня,—упрекають,
Зачѣмъ пустилъ я ту молву.
Все вздоръ,—ругайте не ругайте,
Но только я пришелъ просить,—
Послѣдній разъ мнѣ денегъ дайте,
Чтобъ могъ врага я подразнить.

Мою Жанету все пугаетъ,—
Но сонмъ враговъ не страшенъ ей;
Она пожалуй промѣняетъ,
Своихъ домашнихъ на гостей;
И можетъ быть, что мнѣ придется
Врагу на время уступить...

Но эта ночь мнѣ остается,
Чтобъ я врагу могъ насолить...

Ахъ, если намъ не остается
Надежды больше никакой,
То пусть врагамъ не раздается
И пѣсни нашей ни одной.
Пусть знаетъ врагъ, что въ смертной долѣ,
Не крикнетъ лебедь пѣвшій намъ,—
А нынче мы, пока на волѣ,
Споемъ еще на зло врагамъ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КАПЛУНАМЪ.

(Eloge des charons).

Изъ опыта скажу я вамъ,
    Что курочки—
    Не дурочки...
На свѣтѣ горе пѣтушкамъ,
И счастье только каплунамъ.

Они свободны отъ хлопотъ,
Людей которыя такъ сушатъ,—
Не знаютъ страсти, ни заботъ,
Живутъ, толстѣютъ и не тужать...

Изъ опыта скажу я вамъ,
    Что курочки—
    Не дурочки...
На свѣтѣ горе пѣтушкамъ,
И счастье только каплунамъ.

У этихъ гражданъ такъ въ крови:
Ревнивцевъ тамъ совсѣмъ не знаютъ;
И—неспособные къ любви,
Они все къ браку прибѣгаютъ...

Изъ опыта скажу я вамъ,

Что курочки—

Не дурочки...

На свѣтѣ горе пѣтушкамъ,
И счастье только каплунамъ.

Имѣютъ часто жонъ, дѣтей,
И бракъ по формѣ уважаютъ,—
Такъ, что я знаю межъ мужей,
Что честно долгъ свой исполняютъ...

Изъ опыта скажу я вамъ,

Что курочки—

Не дурочки...

На свѣтѣ горе пѣтушкамъ,
И счастье только каплунамъ.

Свои желанья умѣрять
Они рѣшились въ любострастьи,
И потому не могутъ знать,
Упрековъ совѣсти за страсти...

Изъ опыта скажу я вамъ,
Что курочки—
Не дурочки...
На свѣтѣ горе пѣтушкамъ
И счастье только каплунамъ.

Но—господа, у женскихъ ногъ
Пусть всякій счастья попытаетъ,—
Лишь помните: невѣрныхъ Богъ
Жестокой казнью покораетъ...

Изъ опыта скажу я вамъ,
Что курочки—
Не дурочки...
На свѣтѣ горе пѣтушкамъ,
И счастье только каплунамъ.

Всѣ эти прелести сулятъ
Лишь адъ за гробомъ и мученья;
При жизни жъ—страсти намъ велятъ,
Искать въ обрѣзаньѣ спасенья...

Изъ опыта скажу я вамъ,
    Что курочки—
    Не дурочки...
На свѣтѣ горе пѣтушкамъ,
И счастье только каплунамъ.

Въ фальшивомъ счастьи—счастья нѣтъ!...
Такъ будемте жъ теперь умнѣе:
Спасемъ себя отъ многихъ бѣдъ!—
Идемъ, друзья, подъ ножъ, смѣлѣе...

Изъ опыта скажу я вамъ,
    Что курочки—
    Не дурочки...
На свѣтѣ горе пѣтушкамъ,
И счастье только каплунамъ.

Пусть бракъ есть таинство небесъ,
Но да не будетъ воздѣленьемъ...
И мы покончимъ... на отрѣзъ...
Со всякимъ грѣшнымъ помышленьемъ...

Изъ опыта скажу я вамъ,
    Что курочки—
    Не дурочки...
На свѣтѣ горе пѣтушкамъ,
И счастье только каплунамъ.

ИСТЫЙ ФРАНЦУЗЪ.

(Le bon francais).

Май 1814.

пѣсня пѣтая передь адъютантами Императора Александра.

Я люблю, что бы русскій былъ русскимъ,
Англичанинъ, чтобъ въ Англии жилъ,
Чтобъ Пруссакъ въ королевствѣ жилъ Прусскомъ,
А въ Парижѣ—французомъ всякъ былъ.
Мы чужихъ не считаемъ гостями,
И войска ихъ—своими врагами... *).

Кто въ Парижъ разъ попалъ,
Тотъ французомъ ужъ сталъ,—
Да, французомъ ужъ сталъ.

---

*) При этомъ необходимо вспомнить слова Гр. d'Artois:
„Il n'ya rien de changé en France; il n'ya qu'un Francais de plus.“

Вспомнимъ, какъ побѣдитель Карлъ пятый,
Въ побѣжденномъ *) героя узналъ.

По словамъ его, въ Павіи взятой,—

„Кромѣ чести, я все потерялъ!—

Тѣ слова скажемъ мы, утѣшая,

Кто боится враговъ, ихъ считая,—

Вѣдь въ Парижъ кто попалъ,

Тотъ французомъ ужъ сталъ,—

Да, французомъ ужъ сталъ.

Говорять, что Людовикъ съ участьемъ **)

Относился къ судьбѣ тѣхъ солдатъ,

Коиxъ лавры въ суровомъ ненастьѣ

Отцвѣли и подъ снѣгомъ лежать.

И тѣ лавры распустятся снова

Подлѣ лилій Бурбона прямого.

Вѣдь въ Парижъ кто попалъ,

Тотъ французомъ ужъ сталъ,—

Да, французомъ ужъ сталъ.

---

*) Францискъ I.

**) Журналы того времени рассказываютъ, что по письму Короля, Императоръ Александръ обѣщаль возвратить во Францію всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ въ несчастную русскую Компанію.

Вспомнимъ то, что сказала умирая
 Среди бѣдствій Король роковой. *)
 Тронъ и царство отъ Бриттовъ спасая,
 Не ступивъ изъ дворца ни ногой:
 Что Людовикъ не долженъ бояться,—
 Ему есть на кого опираться... **)

Кто въ Парижъ разъ попалъ,
 Тотъ французомъ ужъ сталъ,—
 Да, тотъ французомъ ужъ сталъ.

Англоманіи будемъ бояться,—
 Съ нею насъ невозможно узнать;
 Перестанемъ въ Германію шляться,
 И отъ Нѣмцевъ обычай брать.
 Отъ другихъ, долгъ велить гражданина,
 Лишь заимствовать женщинъ и вина...

А въ Парижъ кто попалъ,
 Тотъ французомъ ужъ сталъ,—
 Да, тотъ французомъ ужъ сталъ.

---

*) Карль V, называемый Мудрымъ.

**) Король сказалъ въ Saint-Ouen'ѣ маршаламъ: Masséna, Mortier, Lefèvre, Ney и др., что онъ опирается на нихъ.

Нашей славѣ ни гдѣ нѣтъ сравненья,
И соперниковъ въ мѣрѣ намъ нѣтъ,—
Въ нашей жизни нашъ умъ и умѣнье,
Привлекая, чаруютъ весь свѣтъ.
И слышавъ нашъ голосъ свободный,—
Всѣ бѣгутъ какъ на кликъ всенародный,—
Вѣдь въ Парижъ кто попалъ,
Тотъ французомъ ужъ сталъ,—
Да, французомъ ужъ сталъ.

Эти общегражданскія чувства,
Въ той странѣ гдѣ наука и трудъ,
Наслажденія жизни, искусства,
И любовь—свой находятъ пріютъ,—
Не должны быть Людовикомъ стерты,
Какъ цѣнили ихъ и Генрихъ четвертый...

Кто въ Парижъ разъ попалъ,
Тотъ французомъ ужъ сталъ —
Да, французомъ ужъ сталъ.

ПИРЪ ГОРОЙ.

(La grande orgie).

Нашъ умъ не такъ грозень за бочкой съ виномъ,

Но только ужъ знай

Подливай...

И часто, желая отвлечь страшный громъ,

Дождемъ льютъ вино, чтобъ все было кругомъ,

Подъ хмѣлькомъ.

Чтобъ громы боговъ разрядить

Надо пить;

И мы постараемся всѣ осушить

Подвалы отъ Бахуса жертвъ—приношеній;

И вспомнимъ, какъ критикъ одинъ,

Земли, нашей матери сынъ,

Напрасно возмнилъ избѣжать свойства винъ,
И пьянъ напился отъ однихъ испареній...

Нашъ умъ не такъ грозенъ за бочкой съ виномъ,
Но только ужъ знай

Подливай...

И часто, желая отвлечь страшный громъ,
Дождемъ льютъ вино, чтобъ все было кругомъ,

Подъ хмѣлькомъ.

Вы, авторы толстыхъ томовъ,

И трудовъ,

И вы, краснобаи съ чужихъ языковъ,

Равно проповѣдники рая и ада,

И судьи—не страшныхъ судовъ,

Сатиры—безъ острыхъ стиховъ,

Вы всѣ, весь вашъ бредъ, вашихъ мудрыхъ головъ,

Весь умъ промѣняйте на рюмку изъ склада.

Нашъ умъ не такъ грозенъ за бочкой съ виномъ,

Но только ужъ знай

Подливай...

И часто жалаая отвлечь страшный громъ,
Дождемъ лють вино, чтобъ все было кругомъ
Подъ хмѣлькомъ.

Чуждаясь побѣдныхъ громовъ,
И враговъ;

Въ то время, какъ льемъ мы вино со столовъ,
Нашъ Марсъ, въ томъ винѣ топить стрѣль своихъ ворохъ...

Совѣтъ мой беречь свой бокаль,
А пуще того весь подвалъ,
Вы вспомните то, что онъ нашъ арсеналь,
А громы опасны тамъ, гдѣ лежитъ порохъ.

Нашъ умъ не такъ грозенъ за бочкой съ виномъ,
Но только ужъ знай
Подливай...

И часто, желая отвлечь страшный громъ,
Дождемъ лють вино, чтобъ все было кругомъ,
Подъ хмѣлькомъ.

Любя внучекъ Евы родныхъ,
И чужихъ...

Мы съ радостью встрѣтимъ Цитеръ молодыхъ;—
 Слегка подъ хмѣльбомъ и легки какъ голубки,
 Къ намъ милыя птички порхнутъ,
 И радость, веселье внесутъ...
 Входите, не бойтесь, что громко поютъ,—
 Пусть къ нашимъ стабанамъ прильнутъ ваши губки...

Нашъ умъ не такъ грозенъ за бочкой съ виномъ,
 Но только ужъ знай
 Подливай...

И часто, желая отвлечь страшный громъ,
 Дождемъ льютъ вино, чтобъ все было кругомъ,
 Подъ хмѣльбомъ.

Законъ: чѣмъ металлъ тяжелѣй,
 Тѣмъ цѣннѣй,—
 И вотъ почему имъ тотъ будетъ милѣй,
 Кто милой *здоровье* до дна допиваетъ;—
 А этотъ прекрасный кристалъ,
 Какъ всякій безцѣнный металлъ,
 Хранится на днѣ; кто его ей досталъ,
 Того и побѣдой она увѣнчаетъ...

Нашъ умъ не такъ грозенъ, за бочкой съ виномъ,

Но только ужъ знай

Подливай...

И часто, желая отвлечь страшный громъ,

Дождемъ льютъ вино, чтобъ все было кругомъ,

Подъ хмѣлькомъ.

Отъ нынѣ у добрыхъ мамашъ,

И папашъ,

Не будетъ любимыхъ Андрюшъ и Парашъ,

Которые только ихъ жизнь заѣдаютъ...

Законъ и на это таковъ:

Проворныхъ вѣдь нѣтъ толстяковъ,

И дѣти, рожденные между горшковъ,

Съ замараннымъ лбомъ, лишь въ горшки попадаютъ.

Нашъ умъ не такъ грозенъ, за бочкой съ виномъ,

Но только ужъ знай

Подливай...

И часто, желая отвлечь страшный громъ,

Дождемъ льютъ вино, чтобъ все было кругомъ,

Подъ хмѣлькомъ.

Плохой среди бочекъ расчетъ

На почетъ;

Но въ нихъ удовольствіе всякій найдетъ,—

И взявъ его шифры, знамена, отличья,

Мы будемъ съ вельможами пить,

И даже по братски шалить;

А въ этихъ проказахъ намъ будутъ служить,

Какъ лавры, кругомъ виноградника тычья.

Нашъ умъ не такъ грозенъ, за бочкой съ виномъ,

Но только ужъ знай

Подливай...

И часто желая отвлечь страшный громъ,¹

Дождемъ льютъ вино, чтобъ все было кругомъ.

Подъ хмѣлькомъ.

Затѣмъ ужъ... разсудокъ прощай,—

Улетай;

Ты дальше безсиленъ надъ нами,—ступай,—

Мы видимъ тронъ Бахуса, средь вертограда,

И только теперь поглядимъ,

Въ какомъ то мы видѣ лежимъ...

И въ сладкомъ хмѣлю, пока пьяные спимъ,
Намъ снится и грезится сборъ винограда.

Нашъ умъ не такъ грозенъ за бочкой съ виномъ,

Но только ужъ знай

Подливай...

И часто, желая отвлечь страшный громъ,

Дождемъ льютъ вино, чтобъ все было кругомъ,

Подъ хмѣлькомъ.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА.

(Le jour des morts).

Чу, колоколь грустный раздался далеко,
Который въ ушахъ такъ и стонетъ у всѣхъ,
А въ сердцѣ звучитъ онъ какъ голосъ упрека,
За нашъ легкомысленный, жизненный смѣхъ.
„То грѣшныя души такъ стонутъ страдая,“
Священникъ софизмъ говоритъ намъ такой...
Въ день этотъ умершимъ всѣмъ Церковь Святая,
Шлетъ вѣчную память и вѣчный покой...

Въ тотъ день и поэзія кроетъ цвѣтами
Могилы умершихъ, бросая на прахъ,—
Межъ тѣмъ лицемѣріе смертныхъ слезами
Цвѣты поливаетъ тѣ въ нашихъ глазахъ.

Я радуюсь жизнь свою всю вспоминая,
Что шла она мирной веселой тропой...
Въ день этотъ умершимъ всѣмъ Церковь Святая
Шлетъ вѣчную память и вѣчный покой.

Мы знаемъ—за гробомъ есть рай и мученья,
О люди, страшитесь и бойтесь суда...
Въ блаженную жизнь, какъ гласить откровенье,
Невинный иль пьяный войдутъ безъ труда.
Лишь имъ открывается настежь дверь рая,
Какъ вѣрнымъ сынамъ, съ незлобивой душой...
Въ день этотъ умершимъ всѣмъ Церковь Святая
Шлетъ вѣчную память и вѣчный покой.

Вопросъ; убиваться должны ль мы судьбою
Умершихъ намъ близкихъ, отцовъ и дѣтей?
Смѣялись они надъ своей ницетою,
И намъ остается смѣяться надъ ней.
И съ Лизой вдвоемъ, тѣхъ друзей вспоминая,
Изъ рюмокъ мы тянемъ широкой волной...
Какъ въ день этотъ мертвымъ и Церковь Святая
Шлетъ вѣчную память и вѣчный покой.

Безумцемъ я жилъ и остался до нынѣ...
Не нужно мнѣ слезъ надъ могилой моей,
Я радъ буду видѣть друзей при кончинѣ,
И вокругъ катафалка веселыхъ дѣтей.
И чтобъ они шли мнѣ во слѣдъ припѣвая.
До самой могилы своей чередой...
Лишь въ день этотъ пѣли бъ какъ Церковь Святая
Мнѣ вѣчную память и вѣчный покой.

Ч Е Л О Б И Т Н А Я,

поданная породистыми собаками, о разрѣшеніи имъ вновь свободнаго доступа въ Тюльерійскій садъ.

(Requête).

Іюнь 1814.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

Ахъ еслибъ нашъ Пилать Понтійскій,
Распорядитель Луврскихъ стѣнъ,
Пустилъ безъ своръ въ садъ Тюльерійскій
Собакъ предмѣстья Сень-Жерменъ.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

Дворяшки родъ нашъ различаютъ
По украшеньямъ нашихъ шей,—
Такъ какъ ошейниковъ тѣхъ, знаютъ,
Что невидать имъ какъ ушей.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

Хотя тирана повѣленьемъ
Насъ выгоняли изъ дворцовъ,
Но мы терпѣли, и съ смиреньемъ
Сносили лай придворныхъ псовъ.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

А тѣже псы, какъ начинали
Тѣнь Императора *) чернить,
Забывъ какъ прахъ его лизали,
Старались въ пятку укусить.

---

*) Наполеона I-го.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

И видимъ мопсовъ мы французскихъ
Ловящихъ, лучше блохъ, любовь,
И ласки многихъ Нѣмцевъ, Русскихъ
Еще несмывшихъ нашу кровь.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

Насъ Англичане увѣряли
Въ побѣдѣ, зная свой барышъ;
Держа въ зубахъ, они играли
Какъ будто кошка поймавъ мышъ.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

Средь извращеній разныхъ моды
Изъ нашихъ дамъ въ Богъ вѣсть кого,

И водѣ святыхъ въ хмѣльныя воды,—
Хоть разрѣшили бѣ *statu quo*.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

За милость ту мы обѣщаемъ
Всѣ, кромѣ подлыхъ куцыхъ псовъ,
Скакать предъ знатными, и съ лаемъ
Бросаться вдругъ на бѣдняковъ.

Тирана нѣтъ, идемъ просить
Намъ нашу вольность возвратить.

В С Е Д Л Я Л Ю Б В И .

(Beaucoup d'amour).

Разсудку на зло и на зло убѣжденью
Хотѣлъ бы я Креза казной обладать,
Чтобъ мнѣ по малѣйшему лишь мановенью,
Къ стопамъ своей милой весь мѣръ повергать.
Адель, твоя воля была-бъ мнѣ закономъ,
Лишь мнѣ ты ее чѣмъ нибудь заяви....
Во мнѣ ничего нѣтъ, что-бъ быть Гарпагономъ,
Но много и много есть въ сердцѣ любви.

Чтобъ имя Адели на вѣки прославить,
Хотѣлъ бы я быть вдохновеннымъ пѣвцомъ,
И ею всѣ пѣсни мои озаглавить,
Вѣнчавъ каждый стихъ свой безмертнымъ вѣнцомъ.

Но что бѣ свое имя считать я былъ въ правѣ
Съ твоимъ на равнѣ,—ты меня вдохнови!..
Во мнѣ нѣтъ ни капли склонности къ славѣ,
Но много и много есть въ сердцѣ любви.

Ахъ, если бѣ когда либо я провидѣнъемъ
Былъ вдругъ вознесенъ до престола царей,—
Адель и той грезы была бѣ украшенъемъ,
И я всѣ права свои отдалъ бы ей.
Но чтобъ для нея быть достойнѣй другаго,
Хотѣлъ бы имѣть я права тѣ въ крови...
Во мнѣ чистолюбія нѣтъ никакого,—
Но много и много есть въ сердцѣ любви.

Но есть и во мнѣ сильной страсти желанье,
Предметомъ которой одна лишь Адель:—
Ахъ слава и блескъ суть пустыя мечтанья,
Предъ счастьемъ любви, ставя ихъ въ параллель...
Невѣріемъ полнымъ еще не страдая,
Я бездну сомнѣній ношу ужъ въ крови.—
Богатство, почетъ и чины презирая,
Я сердце свое сохранилъ для любви.

БОКСЕРЫ ИЛИ АНГЛОМАНИЯ.

(Les Boxeurs, ou l'anglomane.)

Августъ 1814.

Перев. М. Розенгеймъ.

ТРЕТІЙ МУЖЪ.

(Le troisieme mari).

Перев. В. Курочкинъ.

СТАРЯЯ ПЛАТЬЯ, СТАРЫЕ ГАЛУНЫ.

(Vieux habits! Vieux galons!).

политико-нравственныя размышленія одного столпчанаго торговца
платьемъ, времянь первой революціи.

1814.

Торгуя старьемъ, покупая—

Мы можемъ людей наблюдать;

И верьте, свѣтъ съ края до края

Привыкъ все въ костюмъ наряжать.

При всѣхъ превращеніяхъ моды,

Златыя для насъ времена...

Мы многого ждемъ отъ погоды...—

Старья, галуна!

Читая газеты, проклятье
 Не разъ приходилось творить,
 Что Франція старое платье
 Не въ силахъ была сохранить.
 Но всѣ говорятъ, какъ и въ оны,
 Библейскихъ идей, времена,
 Придется намъ снять пантолоны...

Старья, галуна!

Иной разъ политика, мода,
 Къ намъ въ лавку сто разъ забѣгутъ,—
 По выдумкамъ новаго рода
 Костюмы все шьютъ да и шьютъ.
 Потерпите ли въ чемъ измѣненье
 Отъ нашихъ богинь старина,—
 Мы слышимъ сейчасъ предложенье:

Старья, галуна!

Въ эпоху побѣдъ, удостоень
 Былъ всякій почти галуновъ,
 Тѣхъ самыхъ, который присвоенъ
 Зеленымъ ливреямъ дворцовъ *)

---

*) Ливрен Императорскія—зеленя съ золотомъ.

Безъ счастья нѣтъ славы, мы знаемъ,—
 Но намъ лишь обратно: одна
 Побѣда даетъ что желаемъ,—
 Старья, галуна!

Съ людей безъ прямыхъ убѣжденій
 На насъ только деньги летятъ;
 Вѣдь что бѣ избѣжать угрызений,
 Имъ нужно мѣнять свой нарядъ.
 Лакеевъ смѣнили, и— снова
 Весь дворъ измѣнилъ цвѣтъ сукна,—
 Всѣ просятъ теперь голубаго... *)

Старья, галуна!

Свободы и равенства братья
 Пылезли таже изъ норъ,
 Смѣнивъ лишь костюмъ свой на платя,
 Которыя носить весь дворъ.
 И вотъ отыскавъ, межъ старинныхъ
 Костюмовъ, плюмажъ каплуна,—

---

*) Ливреи Королевскія.

Царятъ въ красныхъ перьяхъ въ гостинныхъ—
 Старья, галуна!

Не вѣря въ чужія сомнѣнья,
 И кучу имѣя своихъ,
 Толпа осѣняетъ съ почтеньемъ
 Воришекъ, покровомъ святыхъ.
 Считаемъ и мы за пустое
 Надуть кого цвѣтомъ сукна,
 При чемъ лишь отмѣряемъ вдвое—
 Старья, галуна.

Привыкнувъ съ рожденія къ лести,
 Придворные правду гнетутъ;
 А сами, какъ выйдутъ изъ чести,
 То, трауръ по правдѣ несутъ.
 Но мы, не смотря на проклятья
 За тягость златаго руна,—
 Опять пустимъ въ моду, тѣ платья—
 Старья, галуна!

Я вѣрю; богатымъ я буду,
Пока тѣ идеи живутъ,
Что модному платью повсюду,
И всѣ предпочтенье даютъ.
Вы всѣ, въ золотомъ обличеньѣ,
Дождетесь, пройдутъ времена,
И мы къ вамъ прійдемъ съ предложеньемъ:
Старья, галуна!

НОВЫЙ ДІОГЕНЪ.

(Le nouveau Diogéne).

Сто дней. Апрель. 1815.

Какъ древій мудрецъ,
Я новый слѣпецъ,
Днемъ мѣрь фонаремъ освѣщая,—
Въ свой плащъ наряжась,
Шутя и смѣясь,—
Живу, свою бочку катая.

Мудрецъ, говорятъ, изъ цинизма пилъ воду,—
Но я, что бы мудрость свою помѣстить,

Какъ критикъ забавный, не пивъ воды съ роду,
 Былъ вынужденъ бочку вина осушить.

Какъ древній мудрецъ,
 Я новый слѣпецъ,
 Днемъ мѣръ фонаремъ освѣщая,—
 Въ свой плащъ наряжась,
 Шутя и смѣясь,—
 Живу, свою бочку катаю.

Гдѣ мнѣ хорошо, я селюсь тамъ порою,—
 Но въ волѣ боговъ постоянства вѣдь нѣтъ,
 И я—вмѣстѣ съ временемъ, счастьемъ, землею,
 Верчусь въ своей бочкѣ, какъ вертится свѣтъ.

Какъ древній мудрецъ,
 Я новый слѣпецъ,
 Днемъ мѣръ фонаремъ освѣщая,—
 Въ свой плащъ наряжась.
 Шутя и смѣясь,—
 Живу, свою бочку катаю.

Я партій не зналъ и надъ ними смѣялся....
Но все жъ не прійдется сказать никому,
Что я никогда, ничего не держался,
Или не вѣрилъ всю жизнь ничему.

Какъ древній мудрецъ,
Я новый слѣпецъ,
Днемъ мѣрь фонаремъ освѣщая,—
Въ свой плащъ нарядясь,
Шутя и смѣясь,—
Живу, свою бочку катаю.

Всю жизнь предразсудки толпы порицая,
Значенья я лентамъ цвѣтнымъ не давалъ;
Но, каюсь, въ политикѣ толку не зная,
Шляпеню свою я цвѣткомъ украшалъ.

Какъ древній мудрецъ,
Я новый слѣпецъ,
Днемъ мѣрь фонаремъ освѣщая,—
Въ свой плащъ нарядясь,

Шутя и смѣясь,—
Живу, свою бочку катаю.

Когда дипломаты Европу дѣлили,
Стараясь другъ друга при томъ обдѣлить,
То, къ счастью, они мою бочку забыли,
А я ничего не старался просить.

Какъ древній мудрецъ,
Я новый слѣпецъ,
Днемъ міръ фонаремъ освѣщая,—
Въ свой плащъ наряжусь,
Шутя и смѣясь,—
Живу, свою бочку катаю.

По опыту зная опасность сатиры,
Вдали отъ надзвѣздныхъ міровъ я держусь,—
И видя, какъ валятся эти кумиры,
За солнце свое вблизи ихъ я боюсь...

Какъ древній мудрецъ,
Я новый слѣпецъ,

Днемъ мѣръ фонаремъ освѣщая,—
 Въ свой плащъ наряжась,
 Шутя и смѣясь,—
 Живу, свою бочку катая.

Фонарь мой въ рукѣ..... съ нимъ я въ новыхъ афинахъ,
 Ищу человѣка, среди дня, какъ мудрецъ,—
 А ночью,—фонарь тотъ, въ иныхъ палестинахъ,
 Мнѣ путь освѣщаетъ подъ грѣшный вѣнецъ...

Какъ древній мудрецъ,
 Я новый слѣпецъ,
 Днемъ мѣръ фонаремъ освѣщая,—
 Въ свой плащъ наряжась,
 Шутя и смѣясь,—
 Живу, свою бочку катая.

Свободный отъ всѣхъ податей гражданина,—
 Однако же я не плохой гражданинъ;—
 И если вдругъ бочекъ потребуютъ вина,—
 То первый отдамъ свою бочку для винъ...

Какъ древній мудрецъ,
Я новый слѣпецъ,
Днемъ міръ фонаремъ освѣщая,—
Въ свой плащъ наряжаясь,
Шутя и смѣясь,—
Живу, свою бочку катая.

ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ.

(Le maitre d'ecole).

Ахъ, что за негодный мальчишка!
Минуты, покоя мнѣ нѣтъ,—
Лишь только засну—какъ плутишка
Вверхъ дномъ поднимаетъ весь свѣтъ.
Границъ непочтенью не знаетъ...
Какъ мужъ, я кажусь ему старъ...
И онъ мнѣ рога приставляетъ...
Ахъ, что за негодный школяръ!

Предать его стоитъ проклятью...
Что дѣлаетъ онъ, о позоръ!

Вино, что стоит подь кроватью,
Онъ пьетъ потихоньку, какъ воръ.
Въ лѣта его страсти вѣдь пыли,
Какъ разъ разгорятя въ пожаръ,—
Онъ выпилъ въ два дня двѣ бутылки...
Ахъ, что за негодный школяръ!

Лишь только въ извѣстные сроки
Жена покидаетъ постель,
Бездѣльникъ, бросаетъ уроки,
И смотритъ въ замочную щель.
Бѣдняжка того и не знаетъ,
Что школьникъ, смотря въ будуаръ,
Ея туалетъ изучаетъ...
Ахъ, что за негодный школяръ!

И съ дочерью также связался...
Меня надуваютъ вдвоемъ,—
Я словно къ нимъ въ сѣти попался,
Смѣются надъ мной дуракомъ.
И вотъ сочинять они штуку,
Какъ внуковъ пожалуютъ въ даръ...

Заплотить онъ мнѣ за науку...
Ахъ, что за негодный школяръ!

Я пробоваль сѣчь негодяя,
Но даже и сѣчь ужъ усталъ,—
Для этого злого лѣнтяя,
Кажись, что страхъ розги пропаль,
Что слышу я? батюшки—свѣты!
Что онъ произнесъ... о ударъ!
О юность невинная, гдѣ ты?...
Ахъ, что занегодный школяръ!

ХОЛОСТЯКЪ.

(Le celibataire).

Безбрачіе вѣрность пугаетъ..
Во мнѣ просто стынетъ вся кровь,
Какъ слезы, гляжу, утираетъ
Амуру, какъ брату, любовь.
Мы видимъ что граціи, музы,
Вѣнчаютъ всѣ брачныя узы...
И только одинъ холостякъ
Не хочетъ никакъ согласиться,
Что можно для счастья жениться,—
И вѣрить, что бракъ есть пустякъ.

Вотъ свадьба. Жена молодая,
Прелестна какъ ангелъ весны,—
Мужь, дружбы услугъ не считая,
Лишь вѣруеть въ вѣрность жены.
И только подъ старость узнаеть,
Что дружба рога приставляетъ....
И вотъ почему холостякъ
Не хочеть никакъ согласиться,
Что можно для счастья жениться,
И вѣрить, что бракъ есть пустякъ.

И можетъ ли кто сомнѣваться,
Что счастья они не найдуть:
Въ блаженствѣ дни мира помчатся,
И ночи любви потекутъ...
Самъ дьяволъ свернетъ свои сѣти...
Но вѣрнаго нѣтъ вѣдь на свѣтѣ...
И вотъ почему холостякъ,
Не хочеть никакъ согласиться,
Что можно для счастья жениться,
И вѣрить, что бракъ есть пустякъ.

Но благо когда уворуетъ
Амуръ лишь десятую часть:
Мужъ нѣжно при этомъ цалуетъ,
Супруга—цѣлуется *вслась*...
И каждый, съ постели вставая,
Смѣется, рога наставляя...
И видя все то холостякъ,
Не можетъ никакъ согласиться,
Что нужно для счастья жениться,
И вѣрить, что бракъ есть пустякъ.

СТАРИННЫЙ ОБЫЧАЙ.

(Trinquons).

Перев. В. Курочкинъ.

КОШКА.

(La chatte.)

Какъ Машка ты кричишь!
Твой крикъ мой сонъ тревожить...
Ты слышишь въ углу мышь?
Иль хочешь ѣсть быть можетъ?
Изъ комнаты бѣжать?
Куда?—не понимаю!...
Ты Ваську отыскать
Желаешь... Мяу, мяу!...

И чѣмъ же помогу
Тебѣ я?.. брось объяття!
Болѣзнь твою могу
Лишь сердцемъ понимать я.

Сама я въ заперти,
И воли чувствъ не знаю...
И онъ ко мнѣ войти
Не можетъ... Мяу, мяу!

Тебя жаръ страсти жжетъ?...
Тотъ жаръ меня тревожитъ,—
Сосѣда сердце ждетъ,
Но въ слухъ сказать не можетъ.
Хоть весело мечтать
Въ постелькѣ, но—я знаю,
Опасно... лучше спать....
И ты спи., Мяу, мяу!

Ахъ, Машка, ты мнѣ грудь
Всю крикомъ надрываешь,
А также и уснуть
Сосѣду ты мѣшаешь.
А ну, какъ онъ войдетъ?—
Что дѣлать мнѣ?.. не знаю....
Тайкомъ онъ руку жметъ....
Колѣни... Мяу, мяу!...

Ахъ, вотъ ужъ онъ идетъ,
И крадется къ окошку,
Точь въ точь какъ будто котъ,
Когда увидитъ кошку.
Впускать иль не впускать?—
А ну—ка загадаю,—
И если ужъ бѣжать,
То вмѣстѣ... Мяу, мяу!

МОЛИТВА ЭПИКУРЕЙЦА.

(Prière d'un Epicurien).

надпись открытая въ катакомбахъ.

О, сила всемогущая! все, что ты засѣваешь,
Ростишь, чему ты жизнь даешь,—смерть косить въ все
глазахъ...

Лишь ты, любовь, отъ смерти все на свѣтѣ искупаешь!
Зажги огонь небесный свой въ заснувшихъ сномъ сердцахъ.
Отъ смерти ужаса, въ которомъ міръ весь цѣпенѣтъ,
Своимъ могуществомъ ты все кругомъ одушевляй,—
И сколько смерть скоситъ съ полей твоихъ успѣтъ,
Ты сѣять вновь, опять, на тѣхъ поляхъ не уставай.

РАСЧЕТЪ СЪ ЛИЗОЙ.

(Les infidélités de Lisette).

Перев. В. Курочкинъ.

ПРОЩАНЬЕ МАРИИ СТЮАРТЪ.

(Adieux de Marie Stuart).

Прости, о Франція, край дивный, незабвенный!
Кого, какъ не тебя, мнѣ помнить и любить?
Ты родиной была мнѣ милой и священной;
Покинуть мнѣ тебя-все то же, что не жить.

Тебя отечествомъ звала я, и въ изгнаньи
Бросаешь ты меня, о Франція, прощай!
Марія шлетъ тебѣ послѣднее прощанье,
И ты несчастную ее не забывай!
Попутный вѣтръ подулъ, и насъ подъ парусами
Отъ береговъ твоихъ въ морскую даль помчалъ...
Ахъ, Боже, даже Ты не тронулся слезами,
И намъ возвратныхъ волнъ и бури не послалъ!

Прости, о Франція, край дивный, незабвенный!
Кого, какъ не тебя, мнѣ помнить и любить?

Ты родиной была мнѣ милой и священной;
Покинуть мнѣ тебя-все то же, что не жить.

Когда въ удѣль вѣнецъ изъ Лилей мнѣ достался,
И въ нихъ меня народъ любимый увидалъ,
Онъ этимъ Лиліямъ почти не удивлялся,
И меньше, чѣмъ веснѣ моей, рукоплескалъ.
Напрасно ждуть меня въ Шотландіи туманной
Величіе и власть Стюартовъ въ родъ и родъ,—
Хотѣлось бы мнѣ быть для Франціи вѣнчанной,
Имѣть подъ властію французскій лишь народъ.

Прости, о Франція, край дивный, незабвенный!
Кого, какъ не тебя, мнѣ помнить и любить?
Ты родиной была мнѣ милой и священной...
Покинуть мнѣ тебя-все то же, что не жить.

До сихъ поръ лишь любовь и слава мнѣ свѣтили,
И добрый геній мой меня сопровождалъ,—
Но Калидонскій мракъ и тучи все покрыли,
Мой свѣтлый горизонтъ туманъ ея застлалъ.
Мнѣ что-то говорить, и сердце страхъ сжимаетъ,
Что встрѣтитъ меня тамъ не счастье, а позоръ...

Ахъ, что за призракъ вдругъ мелькнулъ?!... онъ пред-
ставляетъ,

Какъ будто бы сквозь сонъ, мнѣ плаху и топоръ.

Прости, о Франція, край дивный, незабвенный!

Кого, какъ не тебя, мнѣ помнить и любить?

Ты родиной была мнѣ милой и священной;

Покинуть мнѣ тебя-все то же, что не жить.

Но, Франція, тебя среди тревогъ, печали,

Не бросить никогда Стюартовъ добрыхъ дочь,

И въ дни, какіе бы тебѣ ни выпадали,

Она не отвратить, какъ нынче, взоровъ прочь.

Ахъ, Боже мой, карась уже подъ небомъ новымъ

Несется, и увы! настала послѣдній часъ:

Ночь темная покрыла все своимъ покровомъ

И берега твои сокрыла съ моихъ глазъ.

Прости, о Франція, край дивный, незабвенный!

Кого, какъ не тебя, мнѣ помнить и любить?

Ты родиной была мнѣ милой и священной...

Покинуть мнѣ тебя-все то же, что не жить.

П А Р К И.

(Les parques).

Философы, глупцы и люди разныхъ марокъ,
Представьте, что на дняхъ богъ Бахусъ сочинилъ:
Чтобъ смертный, наконецъ, наполнить кубокъ Парокъ—
Онъ винный погребъ свой до дна опустошилъ!
Но Бахуса къ тому амуры подстрекали,
Которые твердятъ давно уже людямъ,
Чтобъ на зло Паркамъ тѣмъ они приумножали
Число счастливыхъ дней къ прекраснымъ своимъ днямъ.

Врагъ нити жизненной сестеръ, Атропосъ злая,
Хлебнувъ изъ чаши той порядочнымъ глоткомъ,

И ножницъ роковыхъ изъ рукъ не выпуская,
 Простершись на столѣ, уснула мертвымъ сномъ.
 Но двѣ ея сестры прядутъ себѣ, какъ прядли,
 Съ улыбкой снисходя настойчивымъ мольбамъ
 Всѣхъ смертныхъ, чтобъ онѣ для нихъ приумножали
 Число счастливыхъ дней къ прекраснымъ ихнимъ днямъ.

Наполнивъ свой бокаль, Лахезисъ обратилась
 Къ сестрѣ, промолвивъ ей: „Атропосъ напилась!
 „Но пряжа такъ суха, и нитка утончилась,
 „Что я боюсь, чтобъ вдругъ она не порвалась.
 „Чтобъ нитку помочить, и силы не упали,
 „Мы кубокъ Бахуса раздѣлимъ пополамъ...
 „Прося лишь смертныхъ всѣхъ, чтобъ тѣ приумножали
 „Число счастливыхъ дней къ прекраснымъ своимъ днямъ.

Нить жизни закрѣпивъ и прялку отставляя,
 Съ незнающимъ границъ своимъ веретеномъ,
 Ей Клотто говорить: „Работы не кончая,
 „Полюемъ виномъ поля, засѣянные льномъ.

„Роса и тѣ пары всегда намъ помогали,
„Давая жизнь всему и жизненнымъ полямъ:
„И пусть бы люди всѣ виномъ приумножали
„Число счастливыхъ дней къ прекраснымъ своимъ днямъ.

Но Парки тѣ пока, бакаль опустошая,
Прядутъ себѣ шутя для смертныхъ жизни нить—
Мы весело живемъ, и также попивая,
Боимся между тѣмъ Атропосъ разбудить.
И съ тѣхъ поръ, какъ Амуръ ей сонъ послалъ, мы стали
Почти что каждый день твердить своимъ друзьямъ,
Чтобъ время не губя, они приумножали
Число счастливыхъ дней къ прекраснымъ своимъ днямъ.

УКРАДЕННАЯ БУТЫЛКА.

(La bouteille volée).

Вчера, потихоньку прокравшись,
Амуръ ко мнѣ въ спальню влетѣлъ,
И въ уголь завѣтный забравшись,
Бутылкой съ виномъ завладѣлъ.
Съ тѣхъ поръ я умолкъ, и, какъ въ ссылку,
Мой голосъ и пѣсни пошли...
Амуръ! возврати мнѣ бутылку,
Бутылку и пѣсни мои!

Амура жь любовь подучила
Бутылку мою утащить,

И тѣмъ меня средства лишила
Несчастное сердце лѣчить.
Съ тѣхъ поръ я укушенъ какъ въ жилку,
Твержу про несчастья свои...
Амуръ! возврати мнѣ бутылку,
Бутылку и пѣсни мои!

Межъ тѣмъ какъ друзья Эпикура
Желають меня освѣжить,
Мой другъ старый—пѣсню Амура
И Бахуса хочетъ смутить;
Другой—съ колыбельки въ могилку
Мнѣ шепчетъ уроки свои...
Амуръ! возврати мнѣ бутылку,
Бутылку и пѣсни мои!

Положимъ, плутовка имѣла
Причину бутылки лишать:
За то она прелестью тѣла
Старалась меня вдохновлять.
Но Лиза... ни съ лба, ни съ затылку
Мушинъ не прельщаетъ рои...

Амурь! возврати мнѣ бутылку,
Бутылку и пѣсни мои!

Плутиска, на зовъ мой сдаваясь,
Какъ яблочко весель, румянь,
Хлебнувъ изъ бутылки, шатаясь,
Явился, какъ клюковка, пьянь.
Теперь осмѣю жъ я Зоилку
Подъ шумъ виноградной струи...
Амурь отдаетъ мнѣ бутылку,
Бутылку и пѣсни мои.

Б У К Е Т Ъ

(Bouquet).

одной дамѣ, имѣвшей отъ роду 70 лѣтъ.

Оставимъ мы аріи новыя
Съ подругой прошедшихъ временъ,
И пѣсни простыя, веселыя—
Пѣть будемъ старушкѣ подъ тонъ.
Умъ юный хорошъ, тѣмъ не менѣе
Боюсь я его повстрѣчать:.

Вѣдь въ немъ ничего не понять!

И чтобы что-либо узнать,

То нужно искать откровенія....

А лучше старушкѣ въ букетъ

Вплетемъ мы старинный куплетъ.

Тѣ пѣсни пѣвали всѣ въ древности,
 (Теперь ихъ свѣтъ пѣть пересталъ),
 Фаваръ въ нихъ описывалъ нѣжности,
 Панаръ же обманъ порицалъ.

Но все, что теперь изъ терпѣнья
 Выводить, нѣтъ средствъ исправлять!

А прежде умѣли писать,
 Умѣли зло шуткой пугать,

И крикъ заслужить одобренья...

Теперь же... но мы хоть тѣхъ лѣтъ
 Припомнимъ веселый куплетъ

Достойныя воспоминанія,
 Для старыхъ и для молодыхъ,
 Тѣ пѣсни есть наши преданія,
 Лишь надо, чтобъ весель былъ стихъ.

И время, такъ скоро насъ мчащее,
 Мы будемъ кой-чѣмъ забавлять

И наши судьбы направлять,

Чтобъ скучные дни превращать
 Въ дни шумно и ярко-блестящіе...

И такъ же, какъ въ тридцать ей лѣтъ,
Споемъ свой старинный куплетъ.

Тогда-то въ морщинахъ предательскихъ,
Собравшись здѣсь въ честь старины,
Тряхнемъ... и въ объятяхъ пріятельскихъ
Смѣшаемъ свои сѣдины.

Сейчасъ же родятся преданія...

И наши сердца отогрѣвъ,

Межъ старыхъ бутылокъ и дѣвъ,

Мы, тѣломъ почти что истлѣвъ,

Нашлемъ на печаль духъ изгнанія...

И нашей подругѣ ста лѣтъ

Споемъ свой старинный куплетъ.

ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(L'homme rangé).

Мнѣ все мое *старье* брюзжить и повторяетъ,
Что такъ, какъ я живу, то можно все прожить;
Но я, какъ честный мотъ, для всѣхъ, кто меня знаетъ,
Хочу имъ истину такую предложить:

Что тотъ, кто не имѣетъ

Въ карманѣ ничего,

Прожить тотъ не успѣетъ богатства своего.

И стану-ль я мечтать и думать безпокойно
О томъ, чтобъ лишнее истратить въ жизни сей,
Когда на совѣсти такъ чисто и покойно,
Въ карманѣ же—еще и чище и пустѣй...

Да, тотъ кто не имѣеть
 Въ карманѣ ничего,
 Прожить тотъ не успѣеть богатства своего.

Въ то время какъ другой, мерзавецъ, проѣдаетъ
 Богатство предковъ все, добытое трудомъ,—
 Меня хозяинъ мой, хоть въ долгъ, но угощаетъ
 Хорошимъ завтракомъ, обѣдомъ и виномъ.

Да, тотъ кто не имѣеть
 Въ карманѣ ничего,
 Прожить тотъ не успѣеть богатства своего.

Когда богачъ иной, отъ скуки, беззаботно,
 Послѣдній ставитъ грошъ въ рулеткѣ за столомъ,—
 Я тотъ же ставлю грошъ, но ставлю не охотно:
 Чтобъ счастье лишь свое помѣрить съ богачемъ.

Да, тотъ кто не имѣеть
 Въ карманѣ ничего,
 Прожить тотъ не успѣеть богатства своего.

Пускай иной дуракъ послѣдній грошъ бросаетъ
 На свѣтъ и полусвѣтъ, самъ разорясь въ прахъ;

Лизета же меня безъ денегъ надуваетъ,
И дѣлаетъ безъ нихъ счастливымъ въ дуракахъ.

Да, тотъ кто не имѣетъ

Въ карманѣ ничего,

Прожить тотъ не успѣетъ богатства своего.

ВИНО и ЛЮБОВЬ.

(Bon vin et filette).

Дружба, вино и любовь
Насъ оживляютъ здѣсь вновь...
Къ чорту же всѣ этикеты!
Все суета!...
Лишь не мечта
Прелесть вина и Лизеты.

Какъ церемоній не знать,
Скатерть салфеткой считать,—
Можетъ любовь дать совѣты...
Все суета!...
Лишь не мечта
Прелесть вина Лизеты.

Съ золота боги ѣдятъ;
 Двое жъ влюбленныхъ творятъ
 Съ полуприборомъ банкеты...

Все суета!

Лишь не мечта—

Прелестъ вина и Лизеты.

Троны—не счастье; на нихъ
 Мы не встрѣчаемъ двоихъ;
 Счастье двухъ любить кушеты...

Все суета!

Лишь не мечта—

Прелестъ вина и Лизеты.

Бѣдность—удѣлъ красоты;
 Но и простые цвѣты
 Дѣлають ей туалеты...

Все суета!

Лишь не мечта—

Прелестъ вина и Лизеты.

Что я? не такъ! Вѣдь всегда
Платье спускаетъ ^{*}нужда,—
Лизу же портятъ корсеты...

Все суета!

Лишь не мечта—

Прелесть вина и Лизеты.

СОСѢДЪ.

(Le voisin).

Позвольте мнѣ, сосѣдь и милая сосѣдка,
Немножко поболтать кой-что и кой о чемъ....
Есть дядя у меня, онъ въ церкви ключарёмъ,
А также и сестра—монахиня, кокетка...

Но къ чорту это все! Намъ дѣла до нихъ нѣтъ!
Неправду ль говорю я, душечка сосѣдка?

Вѣдь къ чорту это все! Намъ дѣла до нихъ нѣтъ!
Неправду ль говорю я, душечка сосѣдь?

Есть докторъ у меня, который очень мѣтко,
Сравнивши нашу жизнь лишь съ нитянымъ клубкомъ,

Бойтся, чтобъ мы всѣ, любовью и виномъ,
 Не размотали жизнь скорѣ нашихъ предковъ...
 Вѣдь вотъ чудакъ какой! не вылечить онъ свѣтъ...
 Не правду ль говорю я, душечка сосѣдка?

Вѣдь докторъ-то чудакъ! Не вылечить онъ свѣтъ...
 Не правду ль говорю я, душечка сосѣдь?

Я знаю, напримѣръ, что многіе такъ ѣдко
 Смѣются надъ Annette и дразнятъ полнотой...
 Но думаю, что здѣсь корсетъ причиною той:
 Поуже бы стянуть, и талія какъ рѣдко
 Была бы у нея... Поуже бы корсетъ...
 Не правду ль говорю я, душечка сосѣдка?

Что стоитъ лишь стянуть поуже бы корсетъ...
 Не правду ль говорю я, душечка сосѣдь?

А знаю и еще, что нѣкая субретка
 Сынишку родила: претолстый и крикунъ...
 Сейчасъ же говорятъ: одни,—что то драгунъ,
 Другіе—что морякъ... Но люди врутъ нерѣдко...
 Я знаю вѣрно то, что это былъ корнетъ...

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдка?

Что то былъ не драгунъ, а кирасиръ корнетъ...

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдь?

А то моя сестра двоюродная—кокетка,

Говѣла лишь постомъ и каялась въ грѣхахъ.....

Недавно жъ захожу, гляжу—сидитъ монахъ,

Предъ нимъ стоитъ вино и вкусная котлетка...

Не явится-ль отъ нихъ племянникъ мнѣ на свѣтъ?

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдка?

Не явится-ль отъ нихъ племянникъ мнѣ на свѣтъ?

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдь?

Актриса здѣсь одна, извѣстная лоретка,

Желая шестерыхъ любовниковъ держать,

Изобрѣла ударъ, чтобъ... ихъ перестрѣлять,

И ужъ нацѣлила въ несчастныхъ очень мѣтко...

Конечно и убьетъ сквозь дорогой лорнетъ...

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдка?

Конечно и убьетъ сквозь свой двойной лорнетъ...

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдь?

Но нужно жъ было вдругъ, терновая чтобъ вѣтка,
Испортила собой прекрасный тотъ цвѣтокъ:
То язва страшная, общественный порокъ,
И современный бичъ—*Венера людоѣдка*....
Но впрочемъ есть и въ томъ божественный букетъ...

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдка?
Вѣдь правда, есть и въ томъ божественный букетъ...

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдъ?

Лишь я, сосѣдъ, и вы, прекрасная сосѣдка,
Не тронуты ни въ чемъ общественнымъ тѣмъ зломъ;
Межъ нами нѣтъ мужей, обманутыхъ тайкомъ,
И женщины вполне капризной, какъ рулетка.
Квартира наша рай, какъ говоритъ поэтъ...

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдка?
Квартира наша рай, какъ говоритъ поэтъ...

Не правду ль говорю я, душечка сосѣдъ?

З В О Н А Р Ь.

(Le carillonneur).

Перев. Мей.

С Т А Р О С Т Ь.

(La viellesse).

Друзья, наше время прійдетъ и наложить
На всѣхъ насъ свою роковую печать...
И вѣрно, чья юность прошла—тотъ не можетъ
Отъ старости грозной своей избѣжать.
И видя на каждомъ шагу появленье
Цвѣтовъ, больше нежели можешь сорвать,—
Вѣнчайте ту жизнь вы вѣнкомъ наслажденья...
Друзья, вотъ какъ можно отъ лѣтъ избѣжать!

Напрасно въ винѣ или въ пѣсняхъ, порою,
Мы склонъ своей жизни хотимъ озарить:
За этимъ столомъ, гдѣ жизнь льется рѣкою,
Что стары мы, будетъ намъ все говорить.
Но если хоть дряхлыми даже губами
Вы будете свѣжую влагу вкушать—
Пусть пѣсня дрожить: будетъ счастье съ вами...
Друзья, вотъ какъ можно отъ лѣтъ избѣжать!

Пожалуй, кокетка еще подвернется
И лестью заставитъ вступить съ нею въ бракъ—
А послѣ вамъ подъ носъ сама жъ засмѣется,
И скажетъ въ глаза, что вы старый дуракъ...
Но чтобъ избѣжать вамъ такого недуга,—
Старайтесь давать меньше, чѣмъ получать;
Въ любви жъ—изъ любовницы дѣлайте друга...
И—только тогда можно лѣтъ избѣжать.

Но какъ ни задерживай время теченья,
И чувствъ своихъ въ сердцѣ мы какъ ни лелѣй,—

Пройдетъ это все, и—одно утѣшенье:
Состариться вмѣстѣ, какъ можно дружиѣй.
И тутъ, если можно прогнать всѣ страданья,
Готовыя вѣчно на насъ нападать,
И дружно на встрѣчу идти упованья...
Друзья, вотъ какъ можно отъ лѣтъ избѣжать!

ПОХОРОННЫЕ БИЛЕТЫ.

(Billets d'enterrement).

Свадебная пѣсня.

Мы веселы всегда на свадебныхъ пирахъ...
Но вспомните, друзья, что въ самое то время
Прелестная изъ всѣхъ, сидящихъ здѣсь въ гостяхъ,
Хранить въ своей груди давно ужъ смерти сѣмя.
И это вѣчно такъ, таковъ уже законъ:
На смерть обречены мы съ самаго рожденья:
Вѣдь ложе брачное есть мѣсто преступленья,
И свадебный билетъ—билетъ есть похоронъ.

Амуръ за ней слѣдитъ и не спускаетъ глазъ,
Готова, наконецъ, врагу стрѣлу въ отмщенье

За бездну мелкихъ ссоръ, какія двадцать разъ
Онъ въ жизни съ нимъ имѣлъ въ любовныхъ похо-
жденьяхъ...

И бьюсь я объ закладъ, что мы предсмертный стонъ
Услышимъ скоро здѣсь, при крикахъ одобренья...
Вѣдь ложе брачное есть мѣсто преступленья,
И свадебный билетъ—билетъ есть похоронъ.

Напрасно юный другъ захочетъ убѣжать
И скрыться отъ стрѣлы смертельно-ядовитой...
Амуру нипочемъ бѣдняжку отыскать:
Нѣтъ двери для него достаточно закрытой.
Подъ жаломъ одного—другой издастъ лишь стонъ
И очень слабый крикъ, какъ бы изъ отдаленья...
Вѣдь ложе брачное есть мѣсто преступленья,
И свадебный билетъ—билетъ есть похоронъ.

Колеблется Амуръ сначала, но потомъ,
Любовью бѣшенной и страстью распаленный,
Бросается стремглавъ, и—въ злой борьбѣ съ врагомъ,
Наноситъ свой ударъ.... на жертву обреченной...

Бѣдняжка вся въ крови, впадаетъ въ смертный сонъ...
Прощай прелестный прахъ до утра пробужденья!..
Вѣдь ложе брачное есть мѣсто преступленья,
И свадебный билетъ—билетъ есть похоронъ.

Прольется нѣсколько, пожалуй, горькихъ слезъ;
Но удовольствіемъ онѣ сейчасъ сотрутся,
И плуть Амуръ врагу натягиваетъ носъ,—
Но въ будущемъ они побѣдами сочтутся.
И вотъ причина та, что похоронный звонъ
Тривожитъ чаще насъ, чѣмъ зовъ на обрученье...
Вѣдь ложе брачное есть мѣсто преступленья,
И свадебный билетъ—билетъ есть похоронъ.

О Х О Т Н И К И.

(La double chasse).

Перев. В. Курочкинъ.

У М Ъ Р Е Н Н О С Т Ъ.

(Les petits coups).

Перев. В. Курочкинъ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО БОГАТСТВУ.

(Éloge de la richesse).

Богатство и роскошь, по мнѣнію многихъ,

Есть лишнее зло, съ тѣмъ согласенъ и я;

Но грошъ трудовой, у животныхъ двуногихъ,

На доброе дѣло способенъ, друзья!

И Крезамъ вы денегъ своихъ не давайте,

А лучше, рубль лишній какой—пропивайте...

Ахъ, если богатство Господь мнѣ пошлетъ,

Я людямъ не сдѣлаю зла никакого!

Напротивъ, рѣкой золотой потечеть,—

Вѣдь сила и слово

Тельца золотого

Великія вещи творить и куеть.

Бѣднякъ я, и—бѣдныхъ людей уважая,

Къ богатымъ я зависти вѣкъ не питаль,

И въ бѣдности живши, всю жизнь припѣвая,

Весь вѣкъ свой веселости я не теряль.

Но, домъ двухъ-этажный... съ картинами, садомъ,

Каретой, людьми, лошадьми и парадомъ,

Мнѣ развѣ не нравится?.. Общій почетъ...

Ахъ, если желать уже очень большого,

То пусть золотая рѣка потечеть,—

Вѣдь сила и слово

Тельца золотого

Великія вещи творить и куеть.

Вотъ хоть бы насчетъ богача и сосѣда:

Домъ полонъ какъ чаша, богиня жена...

Живуть въ облакахъ, какъ Юпитеръ и Леда...

И эта послѣдняя даже вѣрна...

Хотѣлось бы ею мнѣ съ нимъ подѣлиться;

Но къ гордой богинѣ нельзя подступиться,

Она къ бѣдняку съ облаковъ не сойдетъ...

Но чтобы дойти мнѣ до счастья такого,—

Лишь пусть золотая рѣка потечетъ,—

Вѣдь сила и слово

Тельца золотого

Великія вещи творить и куеть.

Плохое вино и въ несчастномъ трактирѣ,

Гдѣ пью постоянно я, горло деретъ;

Но вотъ у банкира, намедни, на пирѣ,

Мнѣ подали рюмку,—такъ въ ротъ и течетъ...

—Что стоитъ, спросилъ я, и гдѣ добываютъ?

—Сто франковъ за дюжину, мнѣ отвѣчаютъ.

Не дорого, право!.. Съ шампанскихъ породъ....

Тамъ много въ садахъ винограда такого?..

Вотъ, думаю, мнѣ бы!.. рѣкой потечетъ,—

Вѣдь сила и слово

Тельца золотого

Великія вещи творить и куеть.

Отнынѣ, друзья, я совѣтъ предлагаю,

Какъ можно съ рѣкой золотою прожить;

Вѣдь скука житейская скоро, я чаю,

Поможетъ и рѣку до дна осушить.

Все: земли, дома, экипажи, доходы,

Пожремъ мы, голодные дѣти природы...

И жизнь, я надѣюсь, не скучно пойдетъ:

Какъ свергнемъ мы идола въ прахъ вѣкового—

Тогда онъ рѣкой золотою потечетъ,—

Вѣдь сила и слово

Тельца золотого

Великія вещи творить и куеть.

УЗНИЦА и РЫЦАРЬ.

(La prisonnière et le chevalier).

Рыцарскій романсъ въ модномъ духѣ.

„Ахъ, еслибъ судьба вдругъ послала,
„Чтобъ рыцарь проѣхалъ какой,
„И башня предъ нимъ эта пала,
„Гдѣ заперъ тиранъ меня мой,—
„Я бъ рыцаря благославляла.

И рыцарь, не медля ни мало,
Явился нѣжнѣйшій предъ ней:
„Чьей плѣнницей дама ты стала,
„И кто твой тюремщикъ злодѣй,—
„Прелать онъ, иль рыцарь забрала?

„То мужъ мой, она отвѣчала;
 „Чтобъ я была вѣчно вѣрна,
 „Старикъ меня заперъ, и... стала
 „Я ночи всѣ спать здѣсь одна...
 „Ахъ, рыцарь, я воли бѣ желала!...

Любовь остальное сказала,
 А хитрость—глаза отвела;
 И рыцарь, какъ ночь лишь настала,
 Прокрался гдѣ дама спала,
 И... башня предъ рыцаремъ пала...

Что плѣнница лишь обѣщала,—
 Все спасшій ее получилъ...
 Оставивши сторожу мало
 Того, что онъ крѣпко хранилъ...
 Кровать ему плахою стала...

На утро, лишь зорька настала,
 Счастливы, запасшись конемъ,

Умчались, оставивъ вассала—
Тюремщика только съ ключемъ...
И съ рыцаремъ дама пропала...

Честь рыцарямъ, коихъ не мало,
И дамамъ,—бѣжавшимъ мужей!
Вѣдь бракъ, въ крѣпкой башнѣ вассала,
Покажется хуже цѣпей...
Да врядъ ли и жизнь ихъ желала?...

КУКЛЫ.

(Les marionnettes).

Ахъ, вѣрьте, въ жизни всѣ мы дѣти,
Другъ друга куклами даря,—
Вѣдь въ нихъ играютъ всѣ на свѣтѣ,
Съ простолюдина до царя.

Льстецы, лакеи, шелкопёры,
Ханжи, кокетки—въ жизни сей
Есть безъ сомнѣнія актеры...
Ахъ, сколько куколъ межъ людей!

Вотъ человѣкъ идущій горло,
Хвалясь, что съ ногъ не упадетъ,

Лишь изучивъ пути всѣ твердо...

А шутъ—свободой смѣхъ зоветъ.

Но—счастье маленькаго сына

Бросаетъ часто въ жизни сей,—

И, ахъ, судьба простолюдина,

Не есть ли кукла для людей?

А это слабое созданье,

Едва начавшее лишь жить,

И, въ смутной тайнѣ пониманья,

Весь міръ желавшее бѣ любить,—

Ее горячая натура,

Мечтаетъ дни, среди ночей...

Пятнадцать лѣтъ ей... для Амура

Она лишь кукла въ жизни сей.

А этотъ мужъ, пустой ревнивецъ,

Весь день съ чужой женой сидитъ,

А у своей, плохой счастливецъ,—

То принимаетъ... то бѣжить...

Смотря на сколько довѣряетъ

Онъ вамъ ее—судя по ней...

Ахъ, мужъ такой жены играетъ
Роль куклы на глазахъ людей.

Мы всѣ у женщинъ одаренныхъ
Природой—въ родѣ лишь шутовъ;
Но, бойтесь, чтобы изъ влюбленныхъ,
Не превратиться въ дураковъ.
Какъ часто толстый и сублильный
Подъ палку пляшутъ этихъ фей,—
То тянетъ Богъ рукой всеильной,
Какъ куколь, нити всѣхъ людей.

КУРЬЁЗЫ.

(Le scandale).

Пусть ужъ опытъ черный

Учитъ кровью всѣхъ;

Я, какъ не придворный,

Вижу во всемъ смѣхъ...

Кому грѣхъ,—

А мнѣ смѣхъ,

Отъ людскихъ курьёзовъ всѣхъ.

Бросьте добродѣтель

По міру трепать,—

Въ тогѣ ли, въ каретѣ ль,

Голыхъ не видать...

Кому грѣхъ,—
А мнѣ смѣхъ,
Отъ людскихъ курьёзовъ всѣхъ.

Сказки голубя,—
Вотъ гдѣ нашъ порокъ;
Но и не простые
Сбились тогда съ ногъ...

Кому грѣхъ,—
А мнѣ смѣхъ,
Отъ людскихъ курьёзовъ всѣхъ.

Книги наши сухи,—
Ихъ хотятъ пропить...
Ахъ, не только въ духѣ,—
Можно пьянымъ быть...
Кому грѣхъ,
А мнѣ смѣхъ,
Отъ людскихъ курьёзовъ всѣхъ.

Многіе желаютъ
Сцену замѣнить

Школой,—пусть мѣняютъ,

Злу покойнѣй жить...

Кому грѣхъ,—

А мнѣ смѣхъ,

Отъ людскихъ курьёзовъ всѣхъ.

Цыцъ! кричатъ Катоны,

Все твердя одно;—

Пусть кричатъ вороны,—

Я жъ смѣюсь умно...

Кому грѣхъ,—

А мнѣ смѣхъ,

Отъ людскихъ курьёзовъ всѣхъ.

ДОКТОРЪ И ЕГО БОЛЬНЫЕ.

(Le docteur et ses malades).

Моему врачу въ день ангела.

Наполнимъ съ краями стаканы лафитомъ,
И выпьемъ въ честь доктора этотъ лафитъ;
Но я опасаюсь, что докторъ съ визитомъ
Къ своимъ паціентамъ отъ насъ убѣжитъ.
Его вѣдь частенько таки осаждаютъ;—
Но нынче рѣшимъ ни кого непускать...
Пусть хину больные его принимаютъ,
А намъ не мѣшаютъ врача поздравлять.

Да, пусть подождутъ его нынче больные,—
Онъ дружбѣ сегодня свой день посвятилъ,
И только Киприды друзья молодые
Еще пристають, чтобъ онъ ихъ исцѣлить.
Но если въ васъ страсти, друзья, не уснули,
Такъ вамъ не послѣдній разъ въ жизни страдать...
Глотайте, пожалуйста, ваши пилюли,
А намъ не мѣшайте врача поздравлять.

Но вотъ какой случай:—тамъ кто то рожаетъ...
Ребенокъ нейдетъ... мать не знаетъ какъ быть...
Конечно тутъ всякій къ врачу прибѣгаетъ,
Но чаще, *неопытность* въ дѣлѣ *родить*.
Невинность, должно быть, его призываетъ...
Родные не знаютъ чему приписать...
Пусть лишній денекъ *животомъ* *пострадаетъ*,
А намъ не мѣшаетъ врача поздравлять.

Мы всѣ здѣсь, услуги врача вспоминая,
Желаемъ ему всѣхъ больныхъ пережить,

И въ длинную осень плоды собирая—
До нуждъ и лишеній зимы недожить.
Пускай паціенты его окружають
Всю жизнь, какъ друзья,—ихъ онъ будетъ спасать;
А нынче, пусть лучше не ждутъ, умирають,
И намъ не мѣшаютъ врача поздравлять.

АНТУАНУ АРНО.

(A Antoine Arnault).

Члену Института, въ день его Ангела.

1812.

Съ Монмартра тащусь я воспѣть въ день святаго,
Врага деспотизма и друга питья,
И вовсе не трушу, что лишнее слово,
На мельницу дѣда меня возвратить.
И зная, что умъ Антуана и геній
Привыкли повсюду свободу встрѣчать,—
Мы, дѣти природы, а не Академій,
Хотимъ ему должное нынче воздать.

Заботь и трудовъ онъ почти что незнаеть,
 И можно сказать въ этомъ родѣ счастливъ,—
 Трагедіи лишь иногда сочиняеть,
 И то какъ бываетъ не очень лѣнливъ *).
 Поклонникъ всегдашній и другъ Мельпомены,
 Которую онъ заставляль умирать
 Такъ часто при насъ... Мы, герои той сцены,
 Хотимъ ему должное нынче воздать.

Меня увѣряють, что онъ сочиняеть
 Статью, гдѣ хорошее все собереть;—
 Я вѣрю; какъ докторъ онъ насъ поучаеть
 Жить такъ, какъ природа въ натурѣ живетъ.
 Шутамъ и паяцамъ **) онъ всѣмъ позволяетъ
 Чего кому хочется то и желать...
 А мы, въ глазахъ коихъ всѣмъ Богъ управляетъ,—
 Хотимъ ему должное нынче воздать.

Будь онъ при дворѣ, то навѣрно бѣ приличныхъ
 Господь Камергеровъ осмѣивать сталъ,—

---

*) Я думаю, что здѣсь бесполезно называть драматическіе опыты автора: Marius, Venetiens и пр.

**) Полишинель (Паяцъ), есть герой одной изъ самыхъ прекрасныхъ басенъ, составленной М. Арно, угодившей всѣмъ вкусамъ и репутація которой можетъ только возрастать.

А такъ, межъ скотовъ и въ странѣ безъязычныхъ,
Онъ сильному право всегда отдавалъ.
Но всякому сильному въ мѣрѣ вельможѣ,
Онъ прямо въ лицо готовъ правду сказать;—
И мы, какъ простые лишь смертные, тоже
Хотимъ ему должное нынче воздать.

Всегда шаловливый, но честно правдивый,
Спросите объ немъ его дочь, сыновей,
Да будетъ онъ общимъ любимцемъ, счастливый,
Какимъ по душѣ своей былъ для друзей.
Залогомъ же счастья его теперь съ нами,
Пусть будетъ *во чревь носящая мать...*
И мы, коихъ всѣхъ называлъ онъ друзьями,
Хотимъ ему должное нынче воздать.

ПО КОЛѢНО МОРЕ

(On s'en fiche!)

Изо пня въ колоду
Въ жизни все валитъ:
Женщины на моду
Промѣняли стыдъ;
И за рюмку рому
Тащутъ къ мировому...
Счастье рѣдко въ горѣ
И въ игрѣ везетъ;
Но тому кто пьетъ,—
По колѣно море!

Кто и лыкъ не вяжетъ,
Того бросить въ хладъ,
Какъ купецъ расскажетъ,
Что въ Шампаньи градъ,
И Бургонь побило,
Или затопило...
Счастье рѣдко въ горѣ
И въ игрѣ везетъ,—
Но тому кто пьетъ,
По колѣно море!

Службы долгъ—пустое;
Къ вамъ вступаетъ членъ,
Существо презлое,
Не стыдится стѣнъ;—
Въ мигъ всю рухлядь сплавить,
И лишь тронъ оставить...
Счастье рѣдко въ горѣ
И въ игрѣ везетъ,—
Но тому кто пьетъ,
По колѣно море!

Удобольствій вѣчныхъ
Трудно подыскать,
Хоть возьмите встрѣчныхъ
Пьяницъ шесть иль пять:
Только что *устли*,—
И ужъ захрапѣли...
Счастье рѣдко въ горѣ
И въ игрѣ везетъ,—
Но тому кто пьетъ,
По колѣно море!

Женщинъ одной много,—
Я жъ—имѣю двухъ,
И молю лишь Бога,
Чтобъ исчезъ ихъ духъ.
Но мой глухой разумъ
Ихъ держалъ трехъ разомъ...
Счастье рѣдко въ горѣ
И въ игрѣ везетъ,—
Но тому кто пьетъ,
По колѣно море!

Сталь я мизантропомъ,—
Но таковъ какъ былъ;
И лечусь сиропомъ,
Отъ упадка силъ.
Ахъ, любовь, бывшее,
Рюмки—все пустое...
Счастье рѣдко въ горѣ
И въ игрѣ везеть,—
Но тому кто пьетъ,
По колѣно море!

А Н Ю Т А.

(Jeannette).

Перев. В. Курочкинъ.

Р О М А Н Ы.

(Les romans).

Посвящается барышнѣ, которая просила написать ей романъ для
развлеченія.

Хотите вы, чтобъ я романъ умильно длинный,
Съ устѣхомъ, написалъ и посвятилъ бы вамъ,—
На перекорь тому, мой дряхлый умъ, безсильный,
Считаетъ этотъ трудъ себѣ не позубамъ.
У всякаго, лишь какъ заря его погасла,
Романы коротки и не волнуютъ кровь,—
Увы, потухъ и я; и сколько бѣ не лить масла,
Тянуть ужъ безъ конца, не въ силахъ я любовь.

Блаженъ изъ смертныхъ тотъ, кто въ пору увлеченья,
Любовницу любилъ какъ братъ свою сестру;

Тотъ можетъ описатьъ всю прелесть наслажденья,
И теплоту заботъ—доступныя перу.
А псевдо-умники и прочіе герои,
Въ романахъ длинныхъ тѣхъ, и жалки, и пусты,—
Они боятся всѣ пустить въ свои покои,
И дружбѣ отвести въ романѣ томъ листы.

Печально-пустъ романъ исторіи всей нашей;
Но прелестью любви, въ прекраснѣйшей порѣ,
Я вѣрю, суждено въ семь мѣрѣ судьбѣ вашей
Алмазною звѣздой, катиться при дворѣ.
Но, думаю, увы! какъ вы и не безпечны,
Нельзя же вамъ всегда быть милой и живой,—
Цвѣты волшебныхъ лѣтъ, хоть даръ небесъ,—не вѣчны,
Прійдется оросить дѣйствительность слезой.

УРОКЪ ПОЛИТИКИ *).

(Traité de politique).

Для обихода Лизы.

Сто дней. Май. 1815.

Власть Лизы есть прелесть; и власть та онъ Бога;—
Ахъ, Лиза! ты вольностей нашихъ залогъ;
Твоя красота, какихъ въ мірѣ не много,
Которая держитъ народы у ногъ.
Пусть будетъ держава твоя расширяться,
Ты будешь для Франціи вѣчно сіять...
А намъ,—ты позволь хоть сквозь слезы смѣяться,
Для блага готовыхъ тебя обожать.

---

*) Написана на Наполеона 1-го. Перев.

Красавицы, кагъ и властители, любятъ
Могущество власти во зло обращать,—
И сколько: любовниковъ первыя губятъ,
Вторые-жь—людей заставляють страдать.
Ахъ, бойся, чтобъ сила враждебная власти,
Возставъ, не могла будуаръ твой занять,—
Отбрось тираннiю и прихоти страсти,
Для блага готовыхъ тебя обожать.

Въ чрезмѣрномъ кокетствѣ и прихотяхъ власти,
Кокетки похожи на дикихъ вождей,
Бѣгущихъ изъ родины въ разныя части,
Чтобъ царства губить и жечь троны царей.
Но эта одна изъ ужасныхъ тираннiй,—
Ты женщинамъ тѣмъ не должна подражать,
И больше не дѣлай ужъ завоеванiй,
Для блага готовыхъ тебя обожать.

Ахъ, прелести ревность къ себѣ вызываютъ,
И служить орудiемъ все покорять,—
Однѣ—королей лишь къ себѣ приближаютъ,
Другiя—хотятъ ни кому не спускать...

Твоя же кровать такъ честна не преступна,
Законъ и на ней полагаетъ печать...
Да, Лиза, будь вѣчно чиста и доступна,
Для блага готовыхъ тебя обожать.

Напрасно *капралъ* нашъ насъ всѣхъ увѣряетъ,
Что онъ есть помазанникъ Бога... небесъ...
Ты проще,— натура сама объясняетъ
Всѣ тайны естественныхъ правъ и чудесъ.
И благо тебѣ, что ты скипетръ достала
Не силой, а правомъ сердца покорять;
И надобно намъ, чтобъ его ты держала
Для блага готовыхъ тебя обожать.

Чтобъ быть непрерывно и вѣчно любимой,
Ты истины эти глубоко усвой;—
И будешь царицей ты боготворимой,
И по обожанью народа—святой.
Изъ розъ твой вѣнокъ, вознесенный любовью,
Пусть будетъ чело твое вѣкъ украшать,
Какъ Царскій вѣнецъ, не запятанный кровью,
Для блага готовыхъ тебя обожать.

РАЗСУЖДЕНІЕ БАРЫШЕНЬ.

(L'opinion de ces demoiselles).

Сто дней. Май. 1815.

Неужели правда и то справедливо,
Что врагъ нашъ прійдетъ все поставить вверхъ дномъ,
И сдѣлать Садомъ?
Palais-Royal—это чудо и диво,
Отечество наше, весь радъ до небесъ,—
Всѣмъ свой интересъ!
И барышни, слышу хлопчатъ визгливо:
Пойдемте встрѣчать нашихъ милыхъ гостей,
Вчерашнихъ враговъ—настоящихъ друзей.

Французы коварны и насъ проучили;

Изъ нихъ христіане вѣдь рѣдки, не такъ

Какъ всякій Прусакъ!

Какъ русскія деньги дождемъ на нихъ лили,

По милости нашей и русскихъ щедротъ,

Въ честь нашихъ красотъ,—

Въ то время ловить даже блохъ мы забыли...

Пойдемте жъ встрѣчать нашъ милыхъ гостей,

Вчерашнихъ враговъ—настоящихъ друзей.

Ахъ, будемъ же ждать въ нашей чудной столицѣ,

Когда возвратятся къ намъ Платовъ, Бюловъ,

Герой Чичаговъ,

А также и Сакенъ гусаръ блѣднолицый,

Красивый и стройный—вельможа, богачь...

И Блюхеръ—палачь...

Они возвратятъ намъ свой сборъ съ реквизицій...

Пойдемте жъ встрѣчать нашихъ милыхъ гостей,

Вчерашнихъ враговъ—настоящихъ друзей.

Одѣвшись... раздѣвшись,—вѣдь это все тоже,

Мы съ плечъ нашихъ сбросивъ небрежно платки,

Возмемъ въ передки... *)

И гробомъ всѣмъ будетъ любовное ложе,
Для лакомокъ—жадныхъ до нашихъ красотъ,—

До двухъ... иль трехсотъ...

И мѣсто занявъ по виднѣй, подорожѣ,
Мы будемъ встрѣчать нашихъ милыхъ гостей,
Вчерашнихъ враговъ—настоящихъ друзей.

Мы знаемъ навѣрно, что прошлаго года

Насиліе видѣлъ весь *свѣтъ*, какъ и мы

Созданія тьмы...

И нынче козаки вступаю съ похода,

Запомнивъ пріемъ прошлогоднихъ сирень,

Идутъ въ Сень-Жермень...

Прямой намъ убытокъ, тѣхъ женщинъ порода...

Пойдемте встрѣчать нашихъ милыхъ гостей,

Вчерашнихъ враговъ—настоящихъ друзей.

Дѣла съ непріятелемъ кончатся скоро,—

Такъ всѣмъ говоритъ здѣсь, презрѣнная тварь,

---

*) Артиллерійская команда при наступленіи. Перев.

Старикъ Пономарь...

Мы жъ думаемъ, что безъ скандала, позора,
Убийствъ, грабежа—то пройдетъ ли наврядъ...

Но это нашъ взглядъ...

Ну какъ они насъ обезчестятъ?—умора!?!.

Пойдемте встрѣчать нашихъ милыхъ гостей,

Вчерашнихъ враговъ—настоящихъ друзей.

ПРИДВОРНОЕ ПЛАТЬЕ.

(L'habit de Cour).

Нельзя ни за что поручиться:
Придворнымъ мнѣ вздумалось быть,—
Вѣтошникъ! дай мнѣ нарядиться
Старья, ко двору чтобъ сходить.
Ихъ Свѣтлость меня вызываетъ,
Иду потревожить ихъ миръ...
Какъ день то сегодня играетъ!
Ихъ Свѣтлость меня ожидаетъ,—
Беру Камергерскій мундиръ.

Ахъ, честь велика и такъ близко,
Что такъ и толкаетъ впередъ;

А платьѣ придворное низко
 Главу мнѣ предъ звѣздами гнеть.
Вельможъ какъ быть подобаетъ
 Учусь, и лечу какъ на пирь...
 Какъ день то сегодня играетъ!
 Ихъ Свѣтлость поклона желаетъ,—
 На мнѣ Камергерскій мундирь.

Еще не имѣя кареты,
 Я двигаюсь скромно пѣшкомъ,—
 Встрѣчаюсь съ кутилой: „Братъ, гдѣ ты?
 Насъ завтракъ ждетъ вкусный;—Пойдемъ!“
 Заходимъ; спѣшу какъ чертъ знаетъ,
 Въ душѣ проклиная весь міръ...
 Какъ день то сегодня играетъ!
 Ихъ Свѣтлость меня ожидаетъ,—
 Нельзя ль уважать мой мундирь?!.

Все кончено; я удаляюсь...
 Встрѣчаюсь съ однимъ изъ друзей,—
 На свадьбу зоветь,—соглашаюсь,

И ѣду однимъ изъ гостей.
Въ *веселый кружокъ* я попался,—
И вышло: съ *коня да на тирь...*
Какъ чудно то день разыгрался!
Къ Ихъ Свѣтлости я собирался,—
Напялили придворный мундирь...

Хоть крѣпко я былъ натянувшись,
Но—*быль не въ укоръ молодцу,*
Къ достоинству снова вернувшись,
Поплелся опять ко дворцу.
Въ дверяхъ, гдѣ толпа осаждаетъ,
Встрѣчается Роза—кумиръ...
Какъ день то сегодня играетъ!
Любовь блескъ двора затмѣваетъ,
И мой Камергерскій мундирь...

И вдаль отъ дворцовъ и величій,
Куда не проходитъ ихъ свѣтъ,
Безъ всякихъ придворныхъ приличій,
Бѣгу я за Розочкой вслѣдъ.

И въ спальнѣ у ней начинается
Быть ясно, что фракъ... не зефиръ...
Какъ день то сегодня играетъ.
Ихъ Свѣтлость амуръ забываетъ,
И я свой бросаю мундиръ...

Тщеславіе глупаго сына
Всегда исчезаетъ какъ сонъ,—
И снова мой посохъ дубина.
И стулъ въ погребкѣ—какъ бы тронъ.
И вотъ Камергеръ засыпаетъ...
Обманъ улетаетъ въ эфиръ...
Какъ день то сегодня играетъ!
Къ Ихъ Свѣтлости кто забѣгаетъ,
Могу предложить свой мундиръ...

НИ СЛОВА О ПОЛИТИКѢ.

(Plus de politique).

Іюль. 1815.

Мой другъ! вы, которую я обожаю,
Ко мнѣ простираете ревность свою,
Что я, какъ измѣнникъ въ любви поступаю,
И родину много ужъ очень люблю.
Ахъ, если въ борьбѣ съ заблужденьемъ вамъ рану
Политика можетъ моя причинить,—
Мой другъ, успокойтесь я больше не стану
О чувствахъ гражданскихъ своихъ говорить.

Я, помню, казался игрушкой забавы,
Межъ тѣми, кто ждалъ въ вашемъ сердцѣ суда;

Вамъ близки всѣ были поклонники славы,
А я, въ сторонѣ, проповѣдникъ труда.
Но родины славной великому сану
Готовы они и казной не щадить..
Мой другъ, успокойтесь! я больше не стану
О чувствахъ гражданскихъ своихъ говорить.

Напуганный смѣхомъ, въ пылу увлеченій,
Отъ счастья любви и любовныхъ побѣдъ,
Я вамъ воспѣваю успѣхи сраженій,
И нашихъ солдатъ, удивляющихъ свѣтъ.
И правда, они вѣдь подобно вулкану,
Успѣли тьму царствъ и царей покорить...
Мой другъ, успокойтесь! я больше не стану
О чувствахъ гражданскихъ своихъ говорить.

Любви своей къ вамъ не стѣсняясь цѣпями,
При васъ я свободу не разъ призывалъ;
И древнихъ республикъ земли именами
Я вашу веселость совсѣмъ запугалъ.
Но новому Цезарю власти, тирану
Я буду всегдашнимъ презрѣннемъ платить,—

Мой другъ, успокойтесь! я больше не стану
О чувствахъ гражданскихъ своихъ говорить.

Для Франціи милой, ни съ чѣмъ несравненной,
Могущей затмить васъ своей красотой,
Въ любви моей къ вамъ, ни когда неизмѣнной,
Я можетъ быть могъ покривить бы душой,—
Но, какъ ни люблю я родную Діану,
Я всѣхъ обѣщаній не могъ воплотить...

Мой другъ, успокойтесь! я больше не стану
О чувствахъ гражданскихъ своихъ говорить.

Да, другъ мой! пожалуй вы думать такъ вправѣ;
Избавимся ль мы отъ тяжелыхъ временъ,
Чтобъ тщетно не думая больше о славѣ,
Могли погрузиться въ пріятный хоть сонъ?
Но лигѣ враговъ нашихъ, какъ океану,
Совсѣхъ насъ сторонъ удалось оцѣпить...

Мой другъ, успокойтесь! я больше не стану
О чувствахъ гражданскихъ своихъ говорить.

М А Р Г О.

(Margot).

Марго поэтовъ вдохновляетъ
Своею граціей, умомъ;
Къ ней всякій льнетъ и обнимаетъ...
Хоть мнетъ безжалостно при томъ...
Какъ, обнимать?.. дуракъ замѣтитъ...
Но вѣдь у всякаго свой вкусъ,—
И всякій смѣхомъ лишь отвѣтитъ,
На споръ за хрящъ и за арбузь.

Въ ней умъ какъ ласточка несется,
А сердце горлицей ворчитъ,—

Не рѣдко вечеромъ смѣется,
 А по утру, глядишь, бранить...
 Она бранить?.. дуракъ замѣтитъ...
 Но вѣдь у всякаго свой нравъ.—
 За этой бранью чувство свѣтитъ,
 И правый вѣрно будетъ правъ.

Какъ не застѣнчиво болтаетъ
 Она съ бокаломъ за столомъ,—
 Глаза горять, лицо пылаетъ,
 Но тотчасъ тушатся виномъ...
 Не скромно такъ?.. дуракъ замѣтитъ...
 Но всякій знаетъ свой пріемъ,—
 На все и всѣмъ она отвѣтитъ,
 Но зная мѣру лишь во всемъ.

А какъ мила когда играетъ,
 И хороша—когда поетъ;
 Но предъ сопрано умолкаетъ,
 И закрываетъ скромно ротъ...
 Боясь затмить?.. дуракъ замѣтитъ...
 Когда у всякаго свой тонъ,—

Высоко мнѣ, Марго отвѣтитъ,—

Таковъ ужъ скромности законъ.

Амуръ ночникъ ей зажигаетъ,

И какъ служанка служитъ ей,—

Но плуть, нерѣдко раздуваетъ

Свѣтильникъ свой въ ногахъ у ней...

У ней въ ногахъ?.. дуракъ замѣтитъ...

Когда у всякаго свой богъ,—

Мой богъ Амуръ, Марго отвѣтитъ,

Который вьется все уногъ...

Марго живя трудомъ и зная,

Что легче рвать, чѣмъ зашивать,

Во всемъ невинность сохраняя,

Иглу боится въ руки взять...

Игла нужна!.. дуракъ замѣтитъ...

Да, но не всякая игла,—

Большая рветъ, Марго отвѣтитъ,

Моя же прошивка мала...

Что намъ за польза отъ поэтовъ,
Мнѣ говоритъ одна изъ дамъ,—
Вѣдь безъ двѣнадцати куплетовъ
Не нужно пѣсни во все намъ...
Не менѣе?.. дуракъ замѣтить...
Когда у всякаго свой счетъ,—
Не менѣе, Марго отвѣтить,
Насъ на тринадцать достаетъ.

М О Е М У Д Р У Г У

DÉSAUGIERS.

(A mon ami Désaugiers).

При назначеніи его на должность Директора „Водевиля“.

Декабрь. 1815.

Мой другъ Désaugiers, и добрѣйшій пріятель,—
Совѣтъ мой тебѣ: взять два штофа въ карманъ,
Собрать, туда всѣхъ, кто поэтъ иль писатель,
Стереть, процѣдить, и—все вылить въ стаканъ.
За тѣмъ эту смѣсь въ тепломъ мѣстѣ поставить,
Чтобъ въ ней зародился веселый куплетъ...

Ботъ весь мой совѣтъ;

Ты вылечишь свѣтъ,

Отдавъ водевилю весь прежній букетъ,—
 И этимъ ты можешь прославить
 Себя въ Водевилѣ на множество лѣтъ.

И снова пусть драма людскаго базара
 Мѣшается съ смѣхомъ земной суеты,
 Идя подѣ защитою тѣни Рапар'а
 И духа Vadé,—разсыпая цвѣты.
 И этой уздой будешь смѣло ты править
 Дѣтьми Tabarin'а —спасая отъ бѣдъ...

Вотъ весь мой совѣтъ;

Ты вылечишь свѣтъ,

Отдавъ водевилю весь прежній букетъ,—
 И этимъ ты можешь прославить
 Себя въ Водевилѣ на множество лѣтъ.

И вмѣсто припѣвовъ веселыхъ и умныхъ,
 Глупѣйшихъ не будутъ писать эпиграммъ,
 Подобно Солье, скандалезныхъ и шумныхъ,
 Но милыхъ и рѣзвыхъ, по мнѣнію дамъ.
 Хоть долженъ былъ юморъ насъ въ пѣсни оставить,

Но онъ разцвѣтетъ въ прежній розовый цвѣтъ...

Вотъ весь мой совѣтъ;

Ты вылечишь свѣтъ,

Отдавъ водевилю весь прежній букетъ,—

И этимъ ты можешь прославить

Себя въ Водевилѣ на множество лѣтъ.

Хотя у полици то убѣжденье.

Что духъ водевильный врагъ вѣчный властей,

Но съ этой неправдой, въ твоёмъ назначеньи,

Мы видимъ побѣду свободныхъ идей.

Ахъ, льстивые слуги, чтобъ власть позабавить,

Найдутъ для доноса предлогъ и предметъ...

Такъ вотъ мой совѣтъ;

Ты вылечишь свѣтъ,

Отдавъ водевилю весь прежній букетъ,—

И этимъ ты можешь прославить

Себя въ Водевилѣ на множество лѣтъ.

На сценѣ, гдѣ смѣхъ замѣняетъ намъ трезвость,

Злой Момусъ давно произвелъ кутерьму,

Но солнце взойдетъ и французская рѣзвость,
 На вѣки разгонитъ кромешную тьму.
 Вѣдь пѣсня подь часъ только можетъ избавить
 Отъ скуки и праздности, —но не отъ бѣды...

Такъ вотъ мой совѣтъ:

Ты вылечишь свѣтъ,

Отдавъ водевилю весь прежній букетъ,—

И этимъ ты можешь прославить

Себя въ Водевилѣ на множество лѣтъ.

Наполнимъ же кубки и праздникъ устроимъ,
 Въ честь пѣсень весны къ намъ вернувшихся вновь,—
 Мы ими хоть славу свою успокоимъ,
 И въ грусти сердечной утѣшимъ любовь...
 Поля наши зрѣютъ; но что бы доставить
 Богатую жатву—имъ нуженъ *разсвѣтъ*...

Вотъ весь мой совѣтъ;

Ты вылечишь свѣтъ,

Отдавъ водевилю весь прежній букетъ,—

И этимъ ты можешь прославить

Себя въ Водевилѣ на множество лѣтъ.

МОЕ ПРИЗВАНІЕ.

(Ma vocation).

Перев В. Курочкинъ.

МУЖИКЪ.

(Le vilain).

Не давно я узналъ, что многіе смѣются
И шутятъ видя *де*, предъ именемъ моимъ...
„Вы развѣ дворянинъ? вопросы раздаются,
„Старинный, да?“—Кто, я? О, нѣтъ! Вѣдь я ни чѣмъ,
Ни древней хартіей, ни рыцарскимъ уставомъ,
Патентомъ не даренъ, чинами не великъ...
Любить отечество, я пользуюсь лишь правомъ,—
Я по просту сказать мужикъ, простой мужикъ...
Вѣдь я мужикъ,
Мужикъ, мужикъ...

Ахъ, я бы долженъ былъ совсѣмъ безъ *де* родиться;
Въ моемъ простомъ роду, какъ люди говорятъ,

Уси́ль одинъ изъ предковъ отличиться,
 Имѣвшій силу, власть... молоть все за урядъ...
 Могуществомъ его, на старомъ основаньи,
 Былъ камень жерновой,—упрямый какъ старикъ,
 И составлявшій встарь все наше достоянье...
 Я жь, по просту сказать, мужикъ, большой мужикъ...

Вѣдь я мужикъ,
 Мужикъ, мужикъ...

Изъ предковъ всѣхъ моихъ, ни кто въ своихъ владѣньяхъ,
 Работниковъ, рабовъ и бѣдныхъ не давилъ,—
 Ихъ благородный мечъ, въ лѣсахъ ихъ и селеньяхъ,
 На мирныхъ поселянъ, испугъ не наводилъ...
 Ни кто и никогда, наслушавшись романовъ,
 Деревню не мѣнялъ на дворъ и на парикъ...
 И Камергерскій ключъ не бралъ отъ... Карломановъ...
 И отъ того теперь я просто лишь мужикъ...

Большой мужикъ,
 Мужикъ, мужикъ...

Ни кто и ни въ какихъ гражданскихъ разныхъ спорахъ
 Изъ предковъ, никогда участникомъ не былъ;

И въ наши города, ни просто, ни на сворахъ,
 Изъ Англии звѣрей на бой не приводилъ..
 Я знаю и тогда какъ Церковь домогалась
 Надъ властью Короля побѣды,—среди интригъ,
 Подъ споры партій всѣхъ, отлично дѣдамъ спалось;
 По этому и я простой *вахлакъ*—мужикъ...

Большой мужикъ,
 Мужикъ, мужикъ...

Оставьте же меня съ мужицкимъ тѣмъ патентомъ,
 Вы, носъ задравшіе превыше всѣхъ свѣтилъ,
 И благородные лишь вашимъ позументомъ,—
 Гордился я всегда своимъ родствомъ съ народомъ,
 Признательный, хоть злой,—какъ слышу стонъ иль крикъ,
 Я льщу ему, какъ братъ, его жъ голоднымъ годомъ,—
 Я, по просту сказать, не больше какъ мужикъ...

Простой мужикъ,
 Мужикъ, мужикъ...

СТАРЫЙ СКРИПАЧЬ.

(Le vieux ménétrier).

Я старый добрякъ и плохимъ скрипачомъ
Всѣ знаютъ меня въ околodeѣ;
Но въ жизни считаютъ большимъ мудрецомъ,—
Воды не мѣшаю я къ водѣ...
Подъ тѣнь приглашаю я всѣхъ отдыхать,
Кто хочетъ—сбирайтесь живѣе...
Эй вы, парни,—дѣвки ступайте плясать,
Подъ дубъ мой вѣтвистый скорѣе!..

Пляшите! тѣнь этихъ дубовыхъ вѣтвей,
Когда то, трактиръ осѣняла,

И ненависть, помню, бывало подь ней
 Не разъ въ старину умирала,
 Ихъ листьямъ не разъ приходилось видать
 Отцовъ поцѣлуй... въ аллеѣ... ;
 А-ну, парни—дѣвки ступайте плясать,
 Подь дубъ мой вѣтвистый скорѣ!

Вотъ замокъ! Кто бъ ни былъ его господинъ,
 Хотя бъ феодалъ,—пожалѣйте!
 Какъ долженъ скучать во дворцѣ онъ одинъ,
 И вамъ же завидовать,—вѣрьте.
 Когда развалясь будетъ онъ проѣзжать
 Здѣсь мимо,—то станетъ мрачнѣе...
 А ну, парни—дѣвки ступайте плясать.
 Подь думъ мой вѣтвистый скорѣ!..

Далекій всегда, чтобъ того проклинать
 Кто въ силу невѣруетъ неба,—
 Молитесь, чтобъ Богъ не забылъ даровать
 И этому грѣшному хлѣба...
 Исполниви жъ долгъ—приходите воздать
 Сюда дань веселью живѣе...

А ну, парни—дѣвки ступайте плясать,
Подъ дубъ мой вѣтвистый скорѣ!..

Пусть ваше наслѣдство грабнигъ молодой
Единственно лишь защищаетъ,—
Но если не тронете трудъ вы чужой,
И серпъ вашъ его уважаетъ,
То будьте увѣрены ваше отнять
Ни кто отъ дѣтей не посмѣетъ..

А ну, парни—дѣвки ступайте плясать
Подъ дубъ мой вѣтвистый скорѣ!..

Когда миръ бальзамъ свой на душу прольетъ,
И сердце отъ бурь успокоитъ,—
Въ то время слѣпой если къ вамъ забредетъ,—
То каждый его пусть укроетъ..

Старайтесь обломки отъ жизни спасать,
Гдѣ тише, уютнѣй, теплѣе..

А ну, парни—дѣвки ступайте плясать,
Подъ дубъ мой вѣтвистый скорѣ!..

Послушайте! я вамъ совѣтъ преподамъ:
Подъ дубъ мой теперь соберитесь,
А послѣ того, расходясь по домамъ,
Какъ братья семьи обнимитесь...
Пусть будетъ межъ нами тотъ миръ возрастать
Изъ рода и въ родъ все сильнѣе...
А ну, приходите жъ попѣть, поплясать,
Подъ дубъ мой вѣтвистый скорѣе!..

П Т И Ц Ы.

(Les oiseaux).

Январь. 1816.

Перев. В. Курочнинъ.

ЖАЛОБА ИЗЪ ПОЛУСВѢТА.

Complainte d'une de ces demoiselles).

По случаю состоянія дѣль того времени.

Ноябрь. 1816.

Хоть самъ Веллингтонъ прійди въ этотъ Парижъ,
Онъ въ немъ вмѣсто денегъ найдетъ одинъ шишъ.

Трудъ женщины—трудъ вѣдь безъ ренты и лажу,
Ей Богу, не стоитъ имъ руки марать,—
И если идемъ за долги мы въ продажу,
То значить дѣла вообще наплевать...

Хоть самъ Веллингтонъ прійди въ этотъ Парижъ,
Онъ въ немъ вмѣсто денегъ найдетъ одинъ шишъ.

Ахъ, къ счастью всѣ видѣ подають, что всѣмъ вѣрятъ;
 Но я тому лучший судья, чѣмъ льстецы,—
 Дворъ также въ долгахъ, но предъ нимъ лицемѣрятъ
 И эта то ложь всѣхъ, такъ губить дворцы.

Хоть самъ Велингтонъ прійди въ этотъ Парижъ,
 Онъ въ немъ вмѣсто денегъ найдетъ одинъ шишъ.

Мы служимъ метрессами и образцами
 Для нашихъ художниковъ и продавцовъ,—
 Конечно ихъ жены сидятъ за чулками
 Съ тѣхъ поръ какъ не лѣпятъ они съ ихъ носовъ.

Хоть самъ Велингтонъ прійди въ этотъ Парижъ,
 Онъ въ немъ вмѣсто денегъ найдетъ одинъ шишъ.

Не вижу я пользы, въ запутанномъ дѣлѣ,
 Отъ полуреформъ и простыхъ полумѣръ,
 Пусть судьи ужъ насъ не казнятъ какъ доселѣ,
 И въ томъ самъ король подаетъ имъ примѣръ...

Хоть самъ Велингтонъ прійди въ этотъ Парижъ,
Онъ въ немъ вмѣсто денегъ найдетъ одинъ шишъ.

Ужъ намъ ли не горестно и не обидно
Что всѣ наровятъ, что бы въ долгъ имъ давать...
Вѣдь это безнравственно также, и стыдно.
Какъ стыдно у нищаго сумку отнять...

Хоть самъ Велингтонъ прійди въ этотъ Парижъ,
Онъ въ немъ вмѣсто денегъ найдетъ одинъ шишъ.

Но къ счастью, старикъ Labozié горячится
Желая, какъ кажется, намъ услужить,—
И словно какъ бѣсъ предъ обѣдной вертится,
Чтобъ клиру имущества всѣ возвратить...

Хоть самъ Велингтонъ прійди въ этотъ Парижъ,
Онъ въ немъ вмѣсто денегъ найдетъ одинъ шишъ.

НѢТЬ, ТЫ НЕ ЛИЗЕТА.

(Ce n'est plus Lisette).

Перев. В. Курочкинъ.

З И М А.

(L'hiver).

Ужъ птицы отъ насъ улетаютъ
На югъ, и старуха зима
Свой плащъ ледяной надвигаетъ
На наши поля и дома,
На окнахъ узоры рисуетъ,
Въ воротахъ—скрипитъ и бушуетъ,
И холодомъ всюду такъ дуетъ,
Что жметя собака моя;
Но мой вѣдь очагъ еще тлѣетъ,
И если раздуть—пламенѣтъ...
Согрѣмся жъ возлѣ огня.

О путникъ отважный! скорѣе
Вернись подъ очагъ твой родной,—
Вѣдь чѣмъ на дворѣ холоднѣе,
Тѣмъ въ сердцѣ теплѣе порой...
И я не боюсь ужъ мороза,—
Закутавшись вся, какъ Милюза,
Въ бурнусъ свой, голубушка Роза,
Какъ льдомъ покрываетъ меня,—
А ледъ нуженъ для воспаленій...
Мой другъ, пересядь на колѣни,—
Согрѣмся возлѣ огня.

Темнѣетъ; и ночь наступаая
Свою колесницу катить;
А съ ней, намъ Амуръ помогая.
Затмивъ день, и самъ прилетить.
Но дружба уже съ красотою,
Пришли къ намъ прелестной четою,—
Пусть идутъ, согрѣть насъ собою,
Безъ нихъ не проходить и дня...
Очагъ нашъ при нихъ не теряетъ,—

Ихъ нѣжность его распалаетъ,—
Согрѣмся жъ возлѣ огня.

Но пиръ ужъ готовъ, и лампада
На насъ леть не скромный свой свѣтъ,
И мы во хмѣлю всѣ отъ чада
Восторговъ,—хоть ласкъ уже нѣтъ...
За тѣмъ, къ нашимъ общимъ услугамъ
Является искреннимъ другомъ,
И грознымъ, ревнивымъ супругомъ,—
Какъ тѣнь наша—время-Судья...
Но пуншъ нашъ еще вѣдь пылаетъ,
И пламенемъ насъ освѣщаетъ,—
Согрѣмся жъ возлѣ огня.

Зима! твои льды какъ въ могилахъ
Природу хотятъ схоронить—
Но вой твоихъ вихрей не въ силахъ
Насъ въ пѣсняхъ любви заглушить.
Нашъ умъ намъ любовь замѣняетъ,
И съ общихъ небесъ освѣщаетъ

Очагъ, гдѣ огонь разжигаетъ,
Тепломъ его насъ осѣня...
Пока жъ за дверями морозы,
И вокругъ не распустятся розы.—
Согрѣмся возлѣ огня.

МАРКИЗЪ ДЕ КАРАБА.

(Le marquis de Carabas).

Ноябрь. 1816.

Перев. В. Курочкинъ

МОЯ РЕСПУБЛИКА.

(Ma république).

Я за республику друзья,
Съ тѣхъ поръ какъ падаютъ короны,—*)
И вотъ республика моя,
И вотъ какіе въ ней законы:
Торговля—только изъ вина,
А правосудье—смѣхъ народа;
Вся на столѣ моемъ она,
Съ девизомъ—полная свобода.

Друзья, привѣтствуемъ виномъ
Сената первое собранье,

---

*) Намекъ автора на послѣдствія Вѣнскаго Конгресса. Перев.

И приговоръ произнесемъ
 Свой, скукѣ—вѣчное изгнанье...
 Изгнанье?.. въ ней не должно быть
 И словъ подобнаго съ нимъ рода,—
 Откуда скуку намъ родить?—
 Вѣдь въ удовольствіяхъ свобода.

Не станемъ роскоши стѣснять,—
 Она исчезнетъ въ развлеченьѣ,
 И путь другихъ употреблять—
 Какъ Бахуса изобрѣтенье.
 Жрецы должны ему служить,
 И строить храмы для народа,
 А смертные—туда ходить...
 На сколько требуетъ свобода.

Не правъ кричащій за свой родъ.
 И относящій его къ дѣдамъ,—
 У насъ же титуль носить тотъ,
 Кто перепилъ всѣхъ за обѣдомъ...
 И кто бъ то вздумалъ измѣнить
 Пусть ищетъ гдѣ царить порода,—

А лучше Цезаря топить...
 Въ винѣ, — спасается свобода.

Пьемъ за республику, друзья,
 Чтобъ зрѣть ее осуществленье!..
 Но... гражданъ мирныхъ вижу я
 Какой то врагъ привелъ въ волненьѣ, —
 То Лиза простираетъ власть,
 И пишетъ страсти для народа...
 Но передъ ней не грѣхъ и пасть, —
 Вѣдь Лиза — есть сама свобода.

ИВАНЪ ДА МАРЬЯ.

(L'ivrogne et sa femme).

Перев. В. Курочкинъ.

ПАЯЦЪ.

(Paillasse).

1816.

Перев. М. М. М.

(Отечеств. Зап. Май. 1870).

М О Я Д У Ш А .

(Mon ame.)

1816.

Въ чаду вина, любви и пира,

Когда теряетъ время слѣдъ,

Люблю изъ этого я міра

Перенестись на тотъ вдругъ свѣтъ:

И зрю души я воскресенья

Съ земнаго пира въ свѣтлый храмъ...

Лети, душа, безъ сожалѣнья,

Отъ тлѣнной персти къ небесамъ,—

Въ глубь, къ безпредѣльнымъ небесамъ.

И образъ ангела пріемля,

Несешься ты черезъ эфиръ,

Гдѣ безконечнымъ звукамъ внемля,
Вкушаешь сладкій, вѣчный миръ;—
Тотъ миръ, что плоти умерщвленья,
А духу—жизненный бальзамъ...
Лети жъ, душа, безъ сожалѣнья,
Отъ тлѣнной персти къ небесамъ,—
Въ глубь, къ безпредѣльнымъ небесамъ.

И видишь славы ты наденье
Во прахъ предъ смертью роковой,
И той Побѣды пермѣщенье
Въ алтарь Свободы міровой,—
Которой тронъ, на разрушенье.
Позорно влечь дано рабамъ...
Лети жъ, душа, безъ сожалѣнья,
Отъ тлѣнной персти къ небесамъ,—
Въ глубь, къ безпредѣльнымъ небесамъ.

Превыше всѣхъ громовъ, высоко,
Найдешь согражданъ ты своихъ,

Хотя обиженныхъ глубоко,

Но вѣрныхъ, все жь, знаменамъ ихъ.

И что бь снискать громовъ прощенье,

Пристань ты къ тѣмъ полубогамъ...

Лети жь, душа, безъ сожалѣнья,

Отъ тлѣнной персти къ небесамъ,—

Въ глубь, къ безпредѣльнымъ небесамъ.

Узришь Свободу ты въ эфирѣ,

Всегда отверзтомъ предъ тобой;

Одинъ Амуръ, и въ свѣтломъ мірѣ,

Таскаетъ цѣпи за собой;

Но я боюсь его прощенья

По снисхожденію къ мѣтамъ...

Лети жь, душа, безъ сожалѣнья,

Отъ тлѣнной персти къ небесамъ,—

Въ глубь, къ безпредѣльнымъ небесамъ.

Не ожидай же,—въ путь—дорогу!

Какъ лучъ божественной звѣзды,

Изъ женскихъ рукъ ты прямо къ Богу

Пойдешь; а роль святой воды,
Возметъ вино для... усыпленья...
Глаза жъ закрыть ты дашь друзьямъ.
Лети жъ, душа, безъ сожалѣнья,
Отъ тлѣнной персти къ небесамъ,—
Въ глубь, къ безпредѣльнымъ небесамъ.

ШАРАНТОНСКІЙ СУДЬЯ.

(Le juge de Charanton.)

Ноябрь 1816.

Какой то дуракъ, говорятъ, ужъ давно,
Изъ гражданъ честныхъ Шарантона,
Надѣлалъ проказъ, и... того какъ оно...
Внезапно удралъ *безъ пардона*.

Явился къ судѣ, не изъ важныхъ писаекъ,

Облекся въ симару и судный колпакъ,

И именемъ буквы закона,

Онъ рѣчь къ предстоящимъ такую повелъ:

„Господа!“.. и пошелъ...

Послушаемъ, что то въ той рѣчи онъ плелъ!

„Законъ откровенія здѣсь за меня;
 Пусть жертвы закона смѣются,
 Но я, какъ ревнитель его и судья,
 Имъ такъ посмѣюсь,—что зальются...

И тѣмъ, можетъ быть, удержу наглеца,
 Желавшаго зло всѣмъ творить безъ конца...

Мои похвалы отзовутся,—

То я былъ подкупленъ, что дружбу съ нимъ велъ...

И пошелъ, и пошелъ...

И не было рѣчи конца, что онъ плёлъ.

„Ахъ, всѣ сочиненія нашихъ умовъ,
 Кухарокъ намъ лишь развращаютъ,—
 Вездѣ представляя: во фракахъ ксендзовъ,
 Дѣтей,—что изъ рогъ вырстаютъ...

И что самый бракъ есть простой договоръ
 На время... а тамъ, со двора и во дворъ,

Пусть женщины переѣзжаютъ...

Болѣзнь эту я и въ жезлѣ ужъ нашелъ...

И пошелъ, и пошелъ...

Чего только въ рѣчи онъ той не наплелъ.

„А чтобъ развратить въ тоже время мужей,
Такихъ имъ дѣвицъ выставляютъ,
Что вмѣстѣ съ madame Dubarri, и за ней
Ксеендзовъ на духу искушаютъ.

За тѣмъ, наконецъ, начинаютъ молоть,
Что мужъ и жена не единая плоть...
Ахъ, дѣвамъ, что насъ соблазняютъ,
По правдѣ сказать, я костюмъ бы свой вселъ“...

И пошелъ, и пошелъ...

Нѣтъ нравственнѣй рѣчи, какую онъ спелъ.

„Но эта болѣзнь заразительна такъ,
Что церковь разсадникомъ стала,—
Храмъ бога Плутона источникъ тѣхъ врагъ,
Ему пожелаемъ провала.

Вездѣ интриганы, безумцы кругомъ,—
И міръ нашъ теперь сумашедшій есть домъ,—
И это не сонъ послѣ бала,
А истина,—все что я здѣсь вамъ прочелъ“...

И пошелъ, и пошелъ...

Находятъ, что рѣчь эту складно онъ спелъ.

И такъ продолжалъ онъ коверкать законъ,
Пока не явились солдаты,
И снова не взяли его въ Шарантонъ,
Что бъ сдать его послѣ въ... Палаты.

При чемъ и защитникъ счелъ нужнымъ сказать:

Талантъ не обязанъ глупцамъ помогать,—

И горе и смѣхъ отъ подобной затраты...

Такъ пусть же клиентъ мой пьетъ чашу тѣхъ золь;—

По дѣломъ“... и пошелъ.

Кому какъ, а мнѣ... мнѣ смѣшно, что судъ шлель.

П О Л Я.

(Les champs.)

Ахъ, Роза, вставай, ужъ свѣтаетъ;
Чу, благовестъ слышенъ у насъ,—
А звукъ его вѣдь означаетъ,
Ты помнишь, свиданія часъ.
Поищемъ же счастья на волѣ,
Вдали отъ людской суеты,—
Идемъ на цвѣтущее полѣ,
Гдѣ есть и для сердца цвѣты.

Бѣжимъ же, какъ въ юные годы,
Обнявшись на лугѣ, поскорѣй,
Что бъ тамъ, на груди у природы.
Любить и рѣзвиться живѣй.

Ужъ птицы поють,—по неволѣ
И насъ съ собой манять въ кусты...
Идемъ же въ цвѣтущее полѣ,
Гдѣ есть и для сердца цвѣты.

Для счастья вѣдь нужно стараться
Природѣ во всемъ подражать,—
Мы будемъ съ зарей пробуждаться,
А съ первой звѣздою—ужъ спать.
И ложемъ роскошнымъ, на волѣ,
Намъ будутъ служить лишь листы...
Идемъ же въ цвѣтущее полѣ,
Гдѣ есть и для сердца цвѣты.

Подъ лѣтнимъ лучемъ плодотворнымъ,
Все зрѣеть и просить жнецовъ,—
И колось бѣднѣйшій, проворнымъ,
Даетъ нѣсколько лишнихъ сноповъ.
У бѣдныхъ, и въ скромной ихъ долѣ
Лобзанья любви не пусты...
Идемъ же въ цвѣтущее полѣ,
Гдѣ есть и для сердца цвѣты.

Тамъ гдѣ изъ осенняго сбора,
Течетъ виноградный потокъ,
Сидить, полный яснаго взора,
Веселый старикъ, и пьетъ сокъ.
Но онъ, безъ сердечной ужъ боли,
Поетъ про любовь и мечты...
Идемъ же въ цвѣтущее полѣ,
Гдѣ есть и для сердца цвѣты.

Идемъ, гдѣ ты счастье узнаешь,
И будешь, всегда вспоминать,—
Вотъ чаща... но ты начинаешь
Какъ будто бы робко ступать...
Вѣдь страсть любить тѣни поболѣ,
Травы, и кругомъ пустоты...
Идемъ же въ цвѣтущее полѣ,
Гдѣ есть и для сердца цвѣты.

Прощайте жъ обманы всѣ чувства;
Прощай и мой городъ родной,—
Гдѣ люди воздвигли искусства,

А нѣжность зовуть пустотой!
Вѣдь Розу влечетъ по неволѣ
Завѣтъ нашей тайны въ... кусты...
Идемъ же въ цвѣтущее полѣ,
Гдѣ есть и для сердца цвѣты.

ФРАКЪ.

(Mon habit.)

(Перев.*** Пѣсни Беранже въ пер. многихъ писателей. С.-Петербургъ. 1867 г. стр. 39).

ВИНО и КОКЕТКА.

(Le vin et la Coquette.)

Перев. В. Курочкинъ.

ПѢСНИ ПОСЛѢДУЮЩИХЪ ГОДОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(Préface).

Къ изданію 1825 года."

Ступайте питомцы другаго правленья,—
Оставьте подъ этимъ родной свой очагъ.
Прощайте, идите! Ахъ, есть опасенье,
Что рано иль поздно осудить васъ врагъ...
Но—случай, совѣтуютъ, не упустите,—
Знамена всѣхъ партій слились межъ собой,—
Ступайте же, дѣти, лишь міръ не будите;
А мнѣ велить докторъ идти на покой.

Для старшихъ изъ васъ былъ успѣхъ... огорченья...
И я былъ Θεמידой свободы лишень,—

А узнику нѣтъ и во снѣ утешенья,—
 Въ несчастѣ и въ горѣ тревоженъ вѣдь сонъ...
 Я слышу еще скрипъ запоровъ... Пустите!...
 Свирель я бросаю дрожащей рукой...
 Идите же, дѣти, и мѣръ не будите;
 А мнѣ велитъ докторъ идти на покой.

Быть можетъ замѣтятъ, что вы не игривы,—
 Отвѣтите, хотя и съ стыду моему,
 Что болѣе рѣзвыхъ, отецъ боязливый,
 Не выпустилъ въ свѣтъ, заперевъ на дому...
 Боялся, чтобъ школьники эти, скажите,
 Не начали бѣ драку съ самимъ сатаной...
 Ступайте же, дѣти, и мѣръ не будите;
 А мнѣ велитъ докторъ идти на покой.

Прійдется идти вамъ межъ ульевъ... съ осами...
 При этомъ молчите и скройте свой духъ,
 Упорно держите языкъ за зубами,
 И клятвъ ни какихъ не давайте имъ въ слухъ; *)

---

*) Во многихъ деревняхъ до сихъ поръ есть повѣрье, что пчелы бросаются на тѣхъ, кто произноситъ клятвы возлѣ ульевъ.

Ихъ скрытое жало смертельно, смотрите,—
И многихъ уже умервило собой...
Ступайте же, дѣти, и міръ не будите;
А мнѣ велить докторъ идти на покой.

Ну, бѣдныя крошки мои, чтобъ съ костями
Циклопъ—Людоѣдъ васъ не могъ проглотить,
Старайтесь его овладѣть сапогами,—
Тогда обо всемъ можно будетъ судить...
Но—нѣтъ! Я пугаю напрасно,—смотрите!
Знамена всѣхъ партій слились межъ собой..
Ступайте же, дѣти, и міръ не будите,—
А мнѣ велить докторъ идти на покой.

МОЙ УГОЛОКЪ.

(Mon petite coin).

1819.

Нѣтъ, свѣтъ противень мнѣ и душу возмущаетъ...
Я ухожу, друзья, въ свой уголь помечтать,—
Изъ этой каторги, какая васъ плѣняетъ,
Бѣгу на волю я свободой подышать.
Въ ту степь, въ которую идетъ моя дорога,
Я вихремъ понесусь, свободнымъ какъ потокъ...
И такъ, друзья мои, оставьте, ради Бога,—
Пустите вы меня въ мой мирный уголокъ.

Тамъ властью я могущества пренебрегая,
Рѣшаю самъ права—оружія, людей...

И слезы подданныхъ, въ расчетъ свой принимая,
Сужу своимъ судомъ я царства и царей...
Хоть я пророчествую дерзко, но я много
Предвижу къ лучшему измѣнить жизни рокъ...
И такъ, друзья мои, оставьте, ради Бога,—
Пустите вы меня въ мой мирный уголокъ.

Тамъ у меня есть палочка волшебной феи,
Которой я добро творю какъ чародей:
Вѣнчаю честные порывы и идеи,
И переносу дворцы подальше отъ людей...
Но—къ тронамъ тѣхъ дворцовъ, у самаго порога,
Любимцамъ лишь толпы, даю я свой вѣнокъ...
И такъ, друзья мои, оставте, ради Бога,—
Пустите вы меня въ мой мирный уголокъ.

Тамъ крылья у души какъ будто вырастаютъ,
Тамъ я парю въ верху, какъ свѣтлый Серафимъ,—
И вижу какъ въ огнѣ томятся и страдаютъ
Тотъ Царь и тотъ министръ. кто былъ здѣсь не
любимъ.

Вотъ лишь одинъ изъ нихъ, во славъ полубога,
Изчезъ изъ ихъ толпы,—я шлю ему вѣнокъ...
И такъ, друзья мои, оставьте, ради Бога,—
Пустите вы меня въ мой милый уголокъ.

Того жъ я самаго отечеству желаю,
И, думаю, что Богъ позволить мнѣ желать...
Друзей же попрошу, какъ ихъ я покидаю,
Мои мечтанія съ любовью вспоминать.
А музамъ—геніямъ, на память у порога,
Вручаю я Парнасскій свой вѣнокъ...
И такъ, друзья мои, оставьте, ради Бога,—
Пустите вы меня въ мой мирный уголокъ.

О, КАКЪ ОНА ХОРОША И ПРЕЛЕСТНА.

(Qu'elle est jolie).

О, какъ она хороша и прелестна!
Развѣ возможно ее не любить?
Взглядъ ея глазъ молчаливо—небесный,
Можетъ въ эфирѣ любви утопить.
Небо какъ будто старалось чудесно
Въ ней воплотить прелесть грацій и дивъ...
О, какъ она хороша и прелестна
Я жь—безобразенъ и такъ не красивъ.

О, какъ она хороша и прелестна!
 Жизнь ея дышетъ двадцатой весной
 Ротикъ разцвѣлъ будто розанъ чудесный,
 Свѣтлыя волосы вьются волной...
 Зная прекрасное, ей неизвѣстна
 Прелесть себя лишь,—какъ будто жизнь мифъ!..
 О, какъ она хороша и прелестна;
 Я жь—безобразенъ и такъ не красивъ.

О, какъ она хороша и прелестна!
 Я жь, безобразный, ее полюбилъ,—
 Ибо творецъ мнѣ тотъ образъ чудесный
 Въ сердцѣ съ рожденья еще поселилъ.
 Но—съ того жь дня, той же силой, безчестно,
 Я осужденъ знать любовь не любить,..

О, какъ она хороша и прелестна,
 Я жь—безобразенъ и такъ не красивъ,

О, какъ она хороша и прелестна!
 Страсть она въ жертву и мнѣ принесеть...

И какъ гирляндой, рукою чудесной,
Лысую голову мнѣ обовѣтъ.
Вотъ платья падаютъ.... и огонь небесный
Сходить на жертвенникъ... какъ я счастливъ...
О, какъ она хороша и прелестна,
Я жь—безобразенъ и такъ не красивъ.

Г А Д А Н Ь Е.

(Les cartes ou l'Horoscope.)

Межъ тѣмъ, какъ мамаша въ углу у огня,
Къ труду не привыкши, молясь засыпаетъ,—
Возьму ка я карты: Какая меня,
Узнаю, судьба впереди ожидаетъ...
Хоть мать меня часто за это бранить,
И карты бездѣльемъ... грѣхомъ называетъ,
Но я молода... мнѣ все счастье сулитъ...
Я вѣрю въ гаданьѣ,—оно не обманетъ,
Нѣтъ, нѣтъ; никогда, никогда не обманетъ.

Узнаемъ: любовь, плодъ любви или бракъ
Судьба мнѣ сулитъ и въ удѣлъ назначаетъ....

Выходятъ валеть и шестерка... И такъ,—
Любовникъ, который вездѣ разѣзжаетъ...
Пусть такъ! Но вдова его вдругъ увлечетъ...
Измѣна... онъ женится... Чтожъ со мной станеть:
Иду въ монастырь... духовникъ проклянетъ
Его мой... Гаданье меня не обманетъ,
Нѣтъ, нѣтъ; никогда, никогда не обманетъ.

Свидѣтель всѣхъ слезъ... моей жизни святой,
Бубновый король меня тамъ посѣщаетъ...
То князь,—онъ увлекшись моей красотой,
Изъ кельи тихонько меня похищаетъ...
Подарками... тѣмъ и другимъ... кое какъ,
Меня во дворець король этотъ заманить...
И ночью... почти королева я... Такъ,
Я вѣрю въ гаданье, оно не обманетъ,
Нѣтъ, нѣтъ; никогда, никогда не обманетъ.

Я съ княземъ вездѣ... Но ему говорятъ,
Что будто меня все брютетъ провожаетъ...
Вся тайна открыта... Шахъ сдѣлалъ мнѣ мать,—
Но жизнь королева еще не теряетъ:

Прощай мой король, завтра здравствуй другой,
Является старый дуракъ,—онъ пристанетъ
Съ любовью, но кончится дѣло рукой...
Я вѣрю—гаданье меня не обманетъ,
Нѣтъ, нѣтъ; никогда, никогда не обманетъ.

Недѣлю я только живу съ старикомъ...
И вотъ, я блещу въ большомъ свѣтѣ, въ столицѣ,—
Меня увезетъ изъ деревни тайкомъ
Король, масти трефъ, на своей колесницѣ..
Бранится мой мужъ, а я только смѣюсь...
Но, Боже! Старуха преградой мнѣ станетъ...
Неужли то старость?.. Ее я боюсь!
Э, нѣтъ!.. то мамаша проснулась... и манить...
Гаданье меня никогда не обманетъ.

Д О Ч Е Р И.

(Les filles).

Когда вамъ въ семейство Богъ дочь посылаетъ,

Для внуковъ же вашихъ любовницу... мать...

Скажите мужья, что васъ такъ огорчаетъ.

И что заставляетъ при этомъ ворчать?..

Любовь къ этимъ дѣтямъ есть наше призванье,—

Супруги, старайтесь имѣть дочерей!

То будутъ ли рая иль ада созданья,—

Но больше имѣть дочерей,

Есть жизни потребность и сердца желанье...

Мужья такъ хлопчуть, чтобъ ихъ облегчали

Въ семейныхъ трудахъ... и за чѣмъ хлопотать?

Какъ жоны ихъ ловко во всемъ надували,

Такъ дечери будутъ мужей надувать...

Любовь къ нимъ есть вѣчное наше призванье,—

Супруги, старайтесь имѣть дочерей!

То будутъ ли рая иль ада созданья,—

Но больше имѣть дочерей,

Есть жизни потребность и сердца желанье...

Отца и любовника дочь успокоитъ,

Умна иль глупа она будетъ,—но видъ

Лица ея, юности счастье удвоитъ,

А старости—скуку вдвойнѣ сократитъ.

Любовь къ нимъ есть вѣчное наше призванье,—

Супруги, старайтесь имѣть дочерей!

То будутъ ли рая иль ада созданья,—

Но больше имѣть дочерей,

Есть жизни потребность и сердца желанье...

Отецъ, тебѣ боги ту радость послали!

Родилась она вся въ цвѣтахъ, какъ мечта,

Ей граціи въ руки цвѣты подавали,

Вѣнчать чтобъ твои сѣдины и лѣта.

Любовь къ нимъ есть вѣчное наше призванье,—

Супруги, старайтесь имѣть дочерей!

То будутъ ли рай или ада созданья,—

Но больше имѣть дочерей,

Есть жизни потребность и сердца желанье...

Отецъ, я съ бокаломъ къ тебѣ обращаюсь:

Мы выпьемъ въ честь милыхъ твоихъ дочерей!

За дружбу твою я съ тобой обнимаюсь,

А имъ—имъ оставимъ любовь сыновей...

Любовь къ нимъ есть вѣчное наше призванье,—

Супруги, старайтесь имѣть дочерей!

То будутъ ли рай или ада созданья,—

Но больше имѣть дочерей,

Есть жизни потребность и сердца желанье...

МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

(Couplet aux jeunes gens).

Когда вы спокойно сидите у моря,
Любуясь прозрачнымъ эфиромъ небесъ,—
То вспомните тѣхъ, чей корабль столько горя
Въ волнахъ испыталъ, и—подъ ними исчезъ.
Несчастные стоятъ вполнѣ уваженья...
Лишенные силъ такой долгой борьбой,
Не видя себѣ ни какого спасенья,
Вамъ въ бурю на пристань укажутъ рукой.

С Ч А С Т Ь Е.

(Le Bonheur).

Всмотрись, ты видишь ли его вдали... тамъ... тамъ...

Тамъ... тамъ... гдѣ ярко такъ? Надежда намъ вѣщаетъ,

Вельможамъ и Царямъ, богатымъ, бѣднягамъ,—

Она равно горитъ и всѣхъ ихъ занимаетъ..

То счастье такъ блеститъ! Надежда повторяетъ...

Бѣжимъ скорѣй туда, къ тѣмъ яснымъ берегамъ,

Скорѣй, скорѣй, чтобъ тамъ его найти... тамъ... тамъ...

Тамъ... тамъ...

Гляди, ты видишь ли его вдали, тамъ... тамъ...

Тамъ... тамъ... въ тѣни деревъ и роци той дубовой?

Тамъ вѣрять вѣчности и розовымъ мечтамъ...
 Пожалуй и любви, для нихъ всегда суровой...
 Какое счастье быть тамъ, въ роцѣ той дубовой!
 Бѣжимъ скорѣй туда, къ зеленымъ берегамъ,
 Скорѣй, скорѣй, чтобъ тамъ его найти... тамъ... тамъ...
 Тамъ... тамъ...

А вотъ, ты видишь ли его вдали... тамъ... тамъ...
 Тамъ... тамъ... въ той небольшой и бѣдной деревушкѣ?
 Смотри, сколько дѣтей и хлѣба по полямъ...
 Подъ часъ и поцѣлуй услышишь на опушкѣ...
 Какое счастье тамъ, въ той бѣдной деревушкѣ!..
 Бѣжимъ скорѣй туда, къ счастливымъ берегамъ,
 Скорѣй, скорѣй, чтобъ тамъ его поймать... тамъ... тамъ...
 Тамъ... тамъ...

Смотри еще, его ты видишь ли тамъ... тамъ...
 Тамъ... тамъ... за счетами, въ конторѣ ссудъ столичной?
 И если счастье тамъ съ горемъ пополамъ,
 То это потому, что жадность безгранична...

Но все же счастье быть въ конторѣ ссудъ столичной!
 Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣй, мы къ Невскимъ берегамъ,
 Скорѣй, скорѣй, чтобъ тамъ его застать... тамъ... тамъ...

Тамъ... тамъ...

Не видишь ли еще ты тамъ его... вонъ тамъ...
 Тамъ... тамъ... въ той арміи, въ которой слава, геній,
 Достоинство и честь,—все падаетъ къ ногамъ,
 И цѣнится числомъ выигранныхъ сраженій?
 Не правда-ль счастье въ арміи, гдѣ слава, геній,
 И прочее?.. Бѣжимъ скорѣй къ побѣднымъ знаменамъ,
 Скорѣй, скорѣй, чтобъ тамъ его найти... тамъ... тамъ...

Тамъ... тамъ...

А тамъ... ты видишь ли его еще тамъ... тамъ...
 Тамъ... тамъ... на кораблѣ, въ стихіи зыбкой?
 Въ которомъ радуга играя, по снастямъ,
 Во всѣхъ моряхъ привѣтствуетъ улыбкой?
 Не правда-ль счастье есть и въ той стихіи зыбкой?
 Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣй, къ далекимъ берегамъ,

Скорѣй, скорѣй, чтобъ тамъ его найти... тамъ... тамъ...
Тамъ... тамъ...

Всмотриись еще, ты видишь ли его тамъ... тамъ...
Тамъ... тамъ... въ той Азіи пустынной, полудикой,—
Гдѣ скипетръ безъ меча не страшень по ордамъ,
И мечъ по прихоти пускается Владыкой?..
И тамъ вѣдь счастье есть, въ странѣ той полудикой!..
Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣй къ пустыннымъ берегамъ,
Скорѣй, скорѣй, чтобъ тамъ его найти... тамъ... тамъ...
Тамъ... тамъ...

А видишь ли его ты тамъ... далеко... тамъ...
Тамъ... тамъ... въ Америкѣ богатой и свободной,—
Гдѣ платье не даетъ гражданскихъ правъ людямъ,
И гдѣ правителемъ быть можетъ и голодный?..
Какое счастье быть въ Америкѣ свободной!..
Бѣжимъ, бѣжимъ туда, къ свободнымъ берегамъ,
Скорѣй, скорѣй, чтобъ тамъ его найти... тамъ... тамъ...
Тамъ... тамъ...

Вотъ, наконецъ, ты видишь ли его тамъ... тамъ...
Тамъ... тамъ... въ тѣхъ облакахъ и голубомъ эфирѣ?

Да, вижу; но увы! не намъ ужъ старикамъ,
За счастьемъ въ облакахъ гоняться въ этомъ мѣрѣ...
Бѣгите дѣти вы искать его въ эфирѣ!..
Скорѣй, скорѣй туда, къ прозрачнымъ небесамъ,
Чтобъ въ тѣхъ хоть облакахъ найти его... тамъ... тамъ...
Тамъ... тамъ...

СТАРЫЙ БРОДЯГА.

(Le vieux Vagabond)

Я старъ ужь... калека... усталъ... уходился...
Прійдется въ канавѣ мнѣ, здѣсь, умереть!
Прохожіе скажутъ: „вотъ пьянъ какъ напился!..“
Тѣмъ лучше, не стануть напрасно жалѣть.
Съ презрѣньемъ глядятъ всѣ на видъ мой убогій,
И много что грошъ иной бросить подъ часъ...
Ступайте на пиръ вы своею дорогой,—
Я нищій, старикъ, здѣсь могу умереть и безъ васъ!

Да, страсти людскія меня уходили,—
Вѣдь съ голоду только нельзя умереть,
Всю жизнь, думалъ я, чтобъ меня пріютили
Хотя бы въ больницу до смерти... но вѣдь...

И тамъ много чающихъ... Какъ я ни бился,
 Лишь мѣсто себѣ отыскалъ здѣсь во рву...
 На улицѣ, гдѣ я бродягой родился,
 И вскормленъ,—бродягой такъ старымъ на ней и умру.

Когда я былъ молодъ, то думалъ учиться
 Работѣ какой, для житейскихъ потребъ...
 Рабочіе гнали кусками кормиться,—
 Самимъ не хватало работы на хлѣбъ.
 Иные, пожалуй, работу давали,
 Стараюсь соломой свой пухъ окупать...
 Отъ сытныхъ обѣдовъ мнѣ кости бросали,—
 Но васъ, богачи, и за то буду я вспоминать.

Бѣднякъ я; и кажется чтобы рѣшиться
 Мнѣ было у тѣхъ богачей воровать?
 Но нѣтъ,—выбралъ лучше по людямъ проситься,
 Дорогой же—дикія яблоки рвать...
 И тѣ очень часто назадъ отбирали,—
 Разъ двадцать въ тюрьмѣ приходилось сидѣть...
 Послѣднѣе благо тюрьмой отнимали,—
 Я, нищій, бродяга, не долженъ былъ солнца имѣть.

Отечество! лишнее нищему слово...

Ахъ, что мнѣ отъ вашихъ торговли и нивъ?

И есть ли мнѣ польза отъ славы безъ крова,—

Отъ вашихъ собраній, поэтовъ и дивъ?..

Однакожъ, какъ городъ былъ занятъ врагами,—

Хоть много отъ нихъ получилъ я кусковъ,

Глупецъ! заливался тогда я слезами...

Объ чемъ? что былъ въ жизни разъ сытъ отъ враговъ...

Зловредный я червь! И зачѣмъ допустили,

О люди! меня вы такъ долго прожить?

Оставивши жъ жизнь,—вы должны уже были

Работать... трудиться меня научить...

И вмѣсто червя, паразита, лишая,—

Я вышелъ тогдабъ можетъ быть муравьемъ...

Я васъ бы какъ братьевъ любилъ умирая,—

Теперь же, какъ нищій, бѣднякъ, умираю врагомъ...

ПРОЩАНІЕ СЪ ДРУЗЬЯМИ.

(Adieux a des amis.)

Неужли мнѣ надобно съ вами разстаться,
Друзья мои; но я не знаю куда,—
Нѣтъ мѣста на картѣ, могло чтобъ равняться
Съ моимъ уголкомъ вблизи васъ, господа.
Душа, на примѣръ, еще разъ хотъ желаетъ
Сегодня на дружное пьянство поѣти...
Ямщикъ, погоняй! слышу Мудрость толкаетъ,—
И я ужъ почти что совсѣмъ на пути.

Какъ часто мы слышимъ совѣты читають,
Гдѣ счастье, и радость, и прочая блажь...
И тряску житейскую, намъ предлагаютъ,
Мѣнять на спокойный въ ѣздѣ экипажъ...

Но внутренней жаръ на лету оставляетъ,
И смертный боится на землю сойти...
Ямщикъ, погоняй! слышу Счастье толкаетъ,—
И я ужъ почти что совсѣмъ на пути.

Не смѣй увлекаться любовью и страстью,
А также не смѣй напиваться виномъ,—
Гласить медицина сердитая,—къ счастью,
Я въ жизни былъ съ нею почти не знакомъ.
Но Лиза мила, а вино соблазняетъ,
И съ ними пріятно знакомство вести...
Ямщикъ, погоняй! слышу Глупость толкаетъ,—
И я ужъ почти что совсѣмъ на пути.

Но скоро, быть можетъ, свое возвращенье
Опять среди васъ воспою я, друзья;
Ахъ, какъ бы хотѣлось зарю возрожденья
Увидѣть какъ можно скорѣй того дня.
Я чувствую радость меня осѣняетъ,
И хочеть, какъ встарь на меня снизойти...
Ямщикъ, погоняй! то Надежда толкаетъ,—
И я ужъ почти что совсѣмъ на пути.

ЗАМѢТКИ БЕРАНЖЕ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Эти куплеты появились въ первый разъ въ „Almanach littéraire“ 1805 г. и были приготовлены вмѣсто предисловія къ изданію пѣсенъ Беранже, которое онъ кажется хотѣлъ выпустить въ свѣтъ еще въ то время; но въ послѣдствіи сдѣлавшемуся сборникомъ 1815 г.

В А Н Х А Н Н А.

(La Vauvante.)

Эта пѣсня безъ припѣва. Авторъ писалъ такихъ пѣсенъ не много, и не по особенной любви къ припѣвамъ, но потому что, какъ онъ замѣтилъ, пѣсни безъ припѣвовъ имѣли мало успѣха. Пѣснь создана для слуха; въ ней легко можетъ встрѣтиться необходимость

повторительныхъ стиховъ въ концѣ куплетовъ, или вторичнаго повторенія этихъ послѣднихъ въ формѣ рондо. Когда отдаешься извѣстному жанру, тогда не кстати бороться съ общимъ вкусомъ. Поэзія, лишенная ритма, основаннаго на удареніи, все таки нуждается въ немъ, и эта потребность заставляетъ употреблять припѣвы. Желая писать стихи для пѣнія, Беранже, чтобы понравиться прежде всего слуху, былъ вынужденъ прибѣгать въ этомъ отношеніи, къ единственному средству, которое ему представлялъ характеръ пѣсни.

АКАДЕМІЯ И ПОГРЕБОКЪ.

(L'academie et le Caveau.)

Эта пѣсня написана въ привѣтствіе „Новому Погребку“ (le Caveau modern), основаному въ подраженіе „Старому Погребку“ (le Caveau ancien) Landel'я, привлекавшему нѣкогда въ свои стѣны: Rigon'a, Collé, Rapard'a, Crebillon'a отца, Crebillon'a сына и проч., и который былъ мѣстомъ сборища сочинителей пѣсень. *Новый Погребокъ*, точно также, въ числѣ своихъ посѣтителей насчитывалъ въ самомъ дѣлѣ людей замѣчательныхъ, и долгое время пользовался репутаціей средоточія ума и веселости, пока политическія происшествія не положили конца этимъ собраніямъ. Каждый мѣсяць это общество издавало тетрадь своихъ пѣсень, изъ которыхъ въ концѣ года составлялся томъ. Въ концѣ 1813 г. авторъ былъ

принять въ число членовъ этого общества. Хотя онъ и не особенно добивался этой части, но тѣмъ не менѣе это не могло не льстить его самолюбію. Тамъ онъ сдѣлалъ весьма пріятныя знакомства, заставившія его бросить уединеніе, въ которомъ жилъ до того времени, и изъ числа которыхъ для него въ особенности должна быть памятна дружба Desaugiers, произведеніями котораго онъ постоянно восхищался, и личность котораго онъ очень любилъ, не смотря на весьма крупный, хотя и единственный, недостатокъ этого писателя, который можно поставить ему въ упрекъ,—слабость характера.

Беранже пересталъ встрѣчаться съ Desaugiers лишь тогда, когда этотъ послѣдній, какъ *президентъ* „*Попребка*“, впалъ въ чрезмѣрную распущенность, и которую первый не въ состояніи былъ раздѣлять съ нимъ. Но не взирая на это Беранже смотрѣлъ на него какъ на превосходнаго человѣка, жертву и игрушку нѣкоторыхъ интригановъ, которые умѣли употребить въ свою пользу и его излишнюю доброту и его рѣдкій талантъ.

С Т И Ш К И.

(La gaudriole.)

Колле (Collé) авторъ „*Partie de chasse de Henri IV*“ есть самый разнообразный и остроумный изъ старыхъ французскихъ пѣснописцевъ. Его куплеты, частію непри-

стойные, суть плоды тонкой наблюдательности и *подкой* веселости. Онъ оставилъ послѣ себя записки, замѣчательныя по пикантности нѣкоторыхъ анекдотовъ но въ которыхъ, сверхъ всякаго ожиданія, преобладаетъ такой тонъ нравственности, какого не ожидаешь ни какъ. Колле въ своей ранней молодости предвидѣлъ Регентство; часть своей жизни провелъ возлѣ высокопоставленныхъ лицъ и, не смотря на это, а равно и вопреки поставляемой ему въ упрекъ распущенности въ пѣсняхъ, онъ оставилъ по себѣ репутацію человѣка честнаго и цѣломудреннаго. Онъ умеръ въ 1782 г. (*Прим. Беранже*).

Колле—двоюродный братъ Renard'a и другъ Rapard'a, и Gallet'a, какъ видно изъ неизданныхъ замѣтокъ Беранже, — родился въ 1709 г. Полный Сборникъ его пѣсенъ былъ изданъ въ двухъ томахъ in—18° въ 1807 г. Его мемуары (le journal historique), сатирическаго направленія (три тома in—8°), появились между 1805 и 1807 годами. (*Прим. Издателя.*)

Р А Р Н У.

Самый замѣчательный изъ элегическихъ поэтовъ, авторъ la guerre des Dieux и др. произведеній, полныхъ ума и граціи, умеръ въ 1814 г. Его смѣлая философія возстановила противъ него очень многихъ людей того времени, такъ что весьма немногіе осмѣлились выразить сожалѣніе, какое должно было необходимо быть внушено

потерею этого *милаго поэта*, одного изъ самыхъ существенныхъ знаменитостей эпохи, въ которую онъ жилъ.

ПРОСТУШКА.

(La bonne fille.)

Аудиторы, вслѣдствіе положенія Государственнаго Совѣта Наполеона 1-го, дѣлались всѣ, или почти всѣ, въ завоеванныхъ странахъ *Интендантами*, что и объясняетъ почему авторъ ихъ назвалъ интендантами. Эта пѣсня принадлежитъ къ жанру Колле, и подаетъ поводъ повторить то, что было сказано о „Gaudriole.“

ДА БУДЕТЬ ТАКЪ!

(Ainsi—soit—il.)

Эта пѣсня похожа на древніе сатирическіе водевили. Она написана ранѣе того года, какимъ помѣчена въ заглавіи, и напечатанная какъ кажется, въ плохомъ сборникѣ временъ Консульства, прошла не замѣченною. Авторъ не выставилъ полъ нею точнаго года, изъ страха навести на слѣдъ многихъ другихъ своихъ пѣсень, напечатанныхъ въ томъ же сборникѣ, и—какъ казалось по приему публики, достойныхъ забвенія. Онъ проситъ даже издателей, которымъ онѣ могутъ понасться въ руки, *не рыться въ этой сорной корзинѣ*. Въ виду удовлетворенія

разныхъ вкусовъ, онъ часто говариваль, что для полноты сборника пѣсенъ, надобно чтобы въ послѣднемъ были и плохія, но — какъ кажется, и самъ испугался, увидавъ что уже слишкомъ удовлетворилъ этому требованію.

КАРЛЪ VII.

(Charles sept.)

Какъ эту пѣсню, такъ и пѣсню „Les adieux de Marie Stuart“, можно назвать романсами. Этотъ особенный родъ пѣсенъ былъ весьма удачно усвоенъ Монериф'омъ, Саурігнү и нѣкоторыми другими писателями. Беранже написалъ эти два ромаса исключительно для музыки, которая была написана однимъ изъ его друзей. Съ тѣхъ поръ принявъ для пѣсни тонъ отвергаемый ею до него, тонъ меланхолическій и возвышенный, онъ смѣшалъ его съ другими оттѣнками пѣвучаго жанра, и возвысилъ его на столько, на сколько это было возможно. Но каковы бы ни были эти пѣсни: печальныя, серьезныя или воинственныя, онѣ не были вполнѣ тѣмъ, что называется *романсомъ*. Въ нихъ есть оттѣнки, которые трудно было бы рѣшъ опредѣлить ясно и точно въ немногихъ словахъ,—къ тому-же и не стоитъ труда.

МОИ ВОЛОСЫ.

(Mes cheveux.)

Въ 24 года Беранже былъ почти лысъ. Сколько извѣстно, эту раннюю потерю волосъ онъ не могъ припи

сать чему либо другому, какъ только сильнымъ головнымъ болямъ, которымъ былъ подверженъ съ дѣтства. Въ пѣснѣ же этой, въ силу поэтической вольности, онъ какъ будто указываетъ другую причину потери волосъ.

Б У Д У Щ Е Е.

(L'age futur.)

Къ стихамъ: Nous aimons bien un peu la guerre... крестикъ есть, но примѣчанія нѣтъ. По всей вѣроятности Беранже хотѣлъ говорить о запрещеніи, которому подвергался этотъ куплетъ, порицающій кровавую славу битвъ. (*Прим. Издат.*)

О Б Щ І Й Д Р У Г Ъ.

(L'ami Robin.)

Эта пѣсня время Имперіи. Въ это время Беранже подражалъ Колле. Вслѣдствіе того, что онъ не записывалъ своихъ пѣсень въ то время, многія изъ нихъ утрачены. Изъ этихъ утраченныхъ онъ всегда сожалѣлъ о куплетахъ „Voeuf gras“ и „Decrotteur suivant la Cour,“ весьма сатирическихъ и ненапечатанныхъ вѣроятно изъ приличія, а можетъ быть и по другимъ причинамъ. Когда друзья Беранже просили его издать писанныя имъ пѣсни, онъ припомнилъ ихъ около восьмидесяти, дурныхъ

и хорошихъ, и составилъ изъ нихъ сборникъ, подъ заглавіемъ: „Chansons morales et autres, par M. un tel, membre d'une société de gens de bon goût et de mauvais ton.“ Можно судить послѣ того, какъ мало онъ приписывалъ значенія своимъ произведеніямъ. Первый томъ его сочиненій, изданія 1815 г., еще былъ озаглавленъ: Chansons morales et autres...

ПАЛОЧКА АРЛЕКИНА

(Un tour de marotte.)

Это было другое общество, учрежденное въ подражаніе „Новому Поуробку.“ Президентъ общества „Момус“ во время ужина, въ знакъ отличія, держалъ въ рукахъ палочку арлекина. Третья и четвертая строки третьяго куплета доказываютъ, что эта пѣсня времянь Реставраціи.

МУЗЫКА.

(La musique.)

Автору было бы прискорбно, если бъ кто либо допустилъ, что въ этой пѣснѣ онъ хотѣлъ осмѣять настоящихъ любителей музыки. Съ этимъ сорказмомъ онъ относится къ мнимымъ знатокамъ, или смѣшнымъ аматерамъ музыки, которыхъ создала между нами мода.

Г А С Т Р О Н О М А М Ъ.

(Les gourmands.)

Эта пѣсня была направлена противъ многочисленнаго общества гастрономовъ, которые наполняли журналы подробностями своего обжорства. Даже сочинители, пѣсенъ не говорили ни о чемъ болѣе, какъ только о питьѣ и кушаньяхъ. Эти слова были обыкновенными припѣвами членовъ „*Погребка.*“

МОЯ ЧУТЬ ЛИ НЕ ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЯ.

(Ma dernière chanson peut-être.)

Непріятель приближался къ Парижу. Авторъ не рѣшался тогда еще дать своимъ пѣснямъ тонъ болѣе возвышенный,—иначе онъ, конечно, выразилъ бы свои чувства въ тонъ болѣе серьезномъ. Къ тому же, никто не вѣрилъ чтобы Парижъ такъ легко попалъ въ руки иностранцевъ, и потому ни что не нарушало удовольствій столицы. Въ самый день сдачи Парижа, утромъ, рассылали еще театральныя афиши. (*Прим. Беранже.*) Въ Сборникѣ Olivier Basselin, изданномъ Jean le Houx'омъ, есть пѣсня очень похожая на эту. (*Прим. Изд.*)

Ч Е Л О Б И Т Н А Я.

(Requête.)

Имя *тирана* было даваемо при всякомъ удобномъ случаѣ Наполеону даже тѣми, которые ему болѣе всего

льстили, и между которыми находились имена древней аристократіи. Нелѣпныя претепзіи возбуждались при дворѣ и въ городѣ. „*Все какъ въ старину*“ (tout comme autrefois.)—было паролемъ; и старыя моды появлялись снова съ старыми обычаями. Осторожные друзья помѣшали автору помѣстить эту пѣсню въ изданіи 1815 г.

СТАРАГО ПЛАТЬЯ! СТАРЫХЪ ГАЛУНОВЪ!

(Vieux habits! Vienx galons!)

Эта пѣсня требуетъ нѣсколькихъ объясненій:

Въ это время *gasette de France* была защитницей прежняго правленія.

Что касается „*Гражданскихъ боинь*“ (*Déeses civiles*), извѣстно, что онѣ способствовали безобразію республиканскихъ праздненствъ.

При дворѣ появился вновь старинный костюмъ. Публика смѣялась надъ этимъ. Что касается до *духовной одежды*,—было извѣстно, что ханжество надѣваетъ уже свою маску.

Можно было найти у многихъ вѣтошниковъ костюмы *Императорскаго* двора. Авторъ намѣкаетъ на это въ предпоследнемъ куплетѣ.

АНТУАНУ АРНО.

(A Antoine Arnault.)

Найдутъ можетъ быть, что эта пѣсня, какъ и многія другія написанныя мною, есть произведеніе случая.

Въ самомъ дѣлѣ она не приготовлялась мною для печати, но единственно лишь написана какъ дань, или похвальное слово одному изъ нашихъ достойнѣйшихъ литераторовъ. Я сожалѣю, что она не такъ удачна, и особливо, что тонъ, который ей приданъ, не позволилъ мнѣ внести въ нее выраженій моей личной пріязни превосходному человѣку, коего дружбой я долгое время пользовался, и которой буду постоянно гордиться.

УРОКЪ ПОЛИТИКИ.

(Traité de politique.)

Эта пѣсня написанная во время *ста дней* (не много спустя послѣ возвращенія Наполеона), была напечатана въ нѣсколькихъ журналахъ. Между писателями которые нападали на этого великаго человѣка, (Наполеона 1-го), послѣ его вторичнаго паденія, немногіе высказывали ему такую правду, какъ Беранже, въ своихъ стихахъ; тѣмъ не менѣе, со времени втораго возвращенія Бурбоновъ, многіе обвиняли Беранже что онъ льститъ Императору. Но это не справедливо,—онъ никогда не поступалъ такъ. Въ первомъ томѣ, изданномъ въ концѣ 1815 г. онъ не помѣстилъ этой пѣсни, считая ее слишкомъ вѣрной критикой *Наполеоновскаго Правленія*, что ему казалось неумѣстнымъ въ то время. Нужно постоянно помнить,

что Беранже еще не осмѣливался въ своихъ сочиненіяхъ затрогивать идеи, наиболѣе занимавшія въ то время умы французскаго народа. Вотъ почему онъ и принялъ такой тонъ и такую форму въ пѣснѣ: „Traité de politique.“

РАЗСУЖДЕНІЕ БАРЫШЕНЬ.

(L'opinion de ces demoiselles.)

Въ періодъ *Ста дней*, авторъ, желая посмѣяться надъ дамами Сень-Жерменскаго предмѣстья, изобразилъ ихъ мнѣнія устами дѣвицъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой пѣснѣ. Беранже постоянно старался въ своихъ пѣсняхъ (могущихъ скорѣе всего сдѣлаться популярными), заклеить ту партію, которая своими анти-патріотическими и преступными стремленіями сдѣлалась положительно ненавистна всѣмъ честнымъ сердцамъ. Беранже рѣдко употреблялъ провинціальное нарѣчіе, но провинціализмъ какъ нельзя лучше шелъ къ этой пѣснѣ. Авторъ позволялъ себѣ подобныя отступленія только въ подобныхъ случаяхъ, хотя и сожалѣлъ всегда, что былъ принужденъ къ этому.

НИ СЛОВА О ПОЛИТИКѢ.

(Plus de politique.)

Эта пѣсня написана въ то время, когда непріятель второй разъ осаждалъ Парижъ, и когда дальнѣйшее со-

противленіе сдѣлалось почти невозможнымъ. Ея тонъ совершенно не похожъ на ту, которая была написана тому годъ назадъ и при подобныхъ же обстоятельствахъ Беранже предчувствовалъ, что ему не запретятъ въ разговорѣ и болѣе сильныя намѣки на великія событія, наводившія уныніе на весь народъ. Успѣхъ этой пѣсни укрѣпилъ его еще болѣе въ томъ мнѣніи, что послѣ революціи народъ что нибудь да значилъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, и что пѣсня, долженствовавшая отражать эти чувства, приняла соотвѣтственный тому характеръ. *Любовь и вино* уже не должны были повторяться чаще, чѣмъ мысли приличныя отъ нынѣ пѣсни. Тѣмъ не менѣе, обстоятельства, сколько нибудь важныя въ эту эпоху, дѣйствовали совершенно обратно на различные кружки, и наиболѣе развитыя личности.

М О Е М У Д Р У Г У

DESAUGIERS.

(A mon ami Desaugiers.)

Не много спустя послѣ второй реставраціи, Desaugiers былъ назначенъ директоромъ „*Водевилля*“. Беранже очень часто встрѣчался съ этимъ прекраснѣйшимъ человекомъ, уважавшимъ весьма строго всякаго рода мнѣнія, хотя бы и совершенно противоположныя его собственнымъ. Ему было очень пріятно посвятить Desau-

giers эту пѣсню, въ которой къ заслуженнымъ похваламъ примѣшано конечно, и нѣсколько патріотическихъ мыслей. Въ изданіи 1821 г. и въ послѣдующемъ, Беранже трудно было вычеркнуть имя своего друга, поставленное въ заглавіи этой пѣсни, хотя между нимъ и Desaugiers уже прекратились дружескія отношенія. Онъ очень хорошо зналъ Desaugiers, чтобъ ставить ему въ укоръ нѣкоторыя ошибки въ его дѣйствіяхъ, происходившія единственно отъ его слабохарактерности, и которыя положительно ни когда-бы не произошли, если-бы его окружали истинные друзья. Этотъ остроумный писатель, въ своихъ письмахъ къ Беранже, сожалѣлъ самъ о прекратившейся между ними дружбѣ. Беранже раздѣлялъ эти сожалѣнія. Desaugiers умеръ 9 августа 1827 г.

М У Ж И К Ъ.

(Le vilain.).

Эта пѣсня въ изданіи 1821 г. помѣчена 1815. Рожденный отъ отца, вѣрившаго, на основаніи какихъ то древнихъ преданій, въ благородство своей фамиліи и всегда прибавлявшаго къ ней частицу *de*, но бывшаго не болѣе какъ сыномъ трактирщика деревни Flamécourt близъ Rigonne'ы, Беранже получилъ эту частичку въ своемъ метрическомъ свидѣтельствѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не употреблялъ бы ее никогда, если бы не подвинула его

къ тому необходимость, для отличія отъ другихъ Беранже, которые также занимались литературою. Види, что нѣкоторые изъ его стиховъ приписываются *М. Беранже изъ Лиона*, пострадавшему даже отъ этой ошибки, по причинѣ весьма плохого достоинства этихъ произведеній, II. Беранже принялъ частицу *de*, и около 1812 г. сталъ подписываться полнымъ именемъ. (Pierre-Jean). Во время реставраціи онъ продолжалъ подписываться такимъ образомъ и полагалъ страннымъ дѣлать какую бы то ни было уступку, относительно измѣненія въ подписи, хотя и эта частица была плохую защитою ему въ политическомъ отношеніи. Онъ всегда думалъ что у него найдется другая защита. Сень-Жерменское предмѣстье весьма долго принимало его за благороднаго, даже и послѣ нѣсни *le vilain*, не мало способствовавшей къ усиленію той ненависти, которую онъ внушалъ къ себѣ. Когда же, наконецъ, Беранже категорически открылъ свое *простолюдство*, эти господа и барыни, говорили, что онъ оттого то такъ и нападалъ на привиллегіи, что рожденіе ему отказало въ нихъ. Третій куплетъ этой нѣсни дѣлаетъ намекъ на подобныхъ господъ древне-дворянскаго достоинства, которые искали и испрашивали въ то время у новаго Карломана, въ передней, мѣстечекъ, со скучившись жизнію въ своихъ уединенныхъ замкахъ.

МОЯ РЕСПУБЛИКА.

(Ma république).

Кто изъ Парижанъ, не выходя изъ Франціи, могъ видѣть болѣе королей, какъ видѣвшей въ своемъ дѣтствѣ: Людвика XVI, потомъ Наполеона, его сына, его братьевъ Іосифа, Людовика, Жерома и Мюрата; за тѣмъ, королей: Этрускаго, Виртембергскаго, Саксонскаго, Баварскаго, Папу, двухъ королей Испанскихъ: Карла VI и Фердинанда, и наконецъ, во время вступленія Союзниковъ 1814 и 1815 г. во Францію: Александра I, Франциска II, Фридриха-Вильгельма Прусскаго и Вильгельма Нидерландскаго, Бернадота и др. Прибавьте еще къ этому, и безъ этого уже большому числу, — Людвика XVIII и Карла X, не считая Mathurin'a Bruneau; но довольно и этого для республиканца.

ШАРАНТОНСКІЙ СУДЬЯ.

(Le juge de Charanton.)

Эта пѣсня, пользовавшаяся въ свое время большою извѣстностью, была вызвана рѣчью, по меньшей мѣрѣ странною, произнесенною первымъ президентомъ Сегюромъ, при созваніи депутатовъ, въ 1816 году. Но съ тѣхъ поръ Сегюръ, въ качествѣ члена палаты Перовъ, по дѣлу о заговорѣ 1820 года, выказалъ столько чело-вѣколюбія и стремленія къ справедливости, что Беранже хотѣлъ уничтожить эти стихи; но не сдѣлалъ этого, от-

части по бесполезности этого уничтоженія, а главное по намеку въ послѣднемъ куплетѣ на Bellart'a, еще слишкомъ могущественнаго во время изданія 1821 года, что бы не казаться отступающимъ передъ этимъ могуществомъ, съ которымъ, какъ онъ хорошо предвидѣлъ, ему придется скоро имѣть дѣло; въ чемъ и не обманулся;— при чемъ г. Bellart, если вѣрить нѣкоторымъ слухамъ, показалъ себя не однимъ только строгимъ судьей. Вотъ случай рассказать фактъ, хотя и не очень важный, но который не долженъ быть преданъ забвенію, такъ какъ онъ дѣлаетъ честь Наполеону и одному изъ его Министровъ.

Въ эпоху Ста дней Bellart бѣжалъ. Его семейство желало какъ нибудь узнать у Наполеона, могъ ли онъ возвратиться безъ опасенія. Обратились къ Беранже, который былъ хорошъ съ Реньо де Сень-Жанъ-Анжети. Просьбы поэта побудили этого послѣдняго говорить Наполеону о Bellart'ѣ, и Наполеонъ отвѣтилъ, что Bellart спокойно можетъ возвратиться во Францію и жить внѣ всякой опасности. Беранже, не имѣвшій еще объ этомъ адвокатѣ того мнѣнія, какое составилъ уже впоследствии и обрадованный отвѣтомъ Наполеона, поспѣшилъ сообщить этотъ отвѣтъ другу Bellart'a, поручившему ему это дѣло. Какъ генеральный прокуроръ уже, въ 1822 году, Bellart не могъ не знать объ этомъ, такъ какъ одинъ изъ членовъ семейства хлопотавшаго объ немъ друга, напоминалъ ему объ томъ во время процесса по осужденію Бе-

ранже, вопреки всякаго права, за опубликованіе имъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ перваго процесса, возбужденнаго противъ его пѣсень, и поднятаго исключительно судомъ, во главѣ котораго стоялъ въ то время Bellart. Этотъ судья былъ ужасный человѣкъ. Онъ готовъ былъ одинаково обращаться какъ съ поэтомъ, такъ и съ Маршаломъ Франціи.

Возвращаясь къ пѣснѣ, которая дала поводъ къ этой замѣткѣ, надо сказать еще, что она отчасти состоитъ изъ тѣхъ же самыхъ вырженій, которыя такъ непріятно подѣйствовали на всѣхъ въ рѣчи перваго Президента, и была написана съ Мониторомъ въ рукѣ, почему и казалась въ то время острою, а въ настоящую минуту можетъ быть даже непонятною. (*Зам. Беранже*). Рѣчь Сегюра, въ выпискахъ, можно читать на стр. 1252 Монитера за 1816 годъ. Она въ самомъ дѣлѣ, представляется странною сатирою на дѣло Французской революціи. Принципъ равенства въ ней обращенъ въ смѣшное, и самый Кодексъ, устами представителя судебной власти, объявленъ *отравленною книгою*. (*Зам. издат.*).

Decidified using the Bookkeeper process
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Feb. 2008

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN COLLECTIONS PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

DEC 74

N MANCHESTER,
INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS

0 020 892 917 3